

Юна Еспая

МУЖ МОЙ –
ВРАГ МОЙ

Annotation

Ах, его величество осерчал - его верные вассалы третье столетие делят влияние, власть и Воловы лужки. Ныне же без шуток велено герцогам Аласскому и Вейлеронскому примириться и в залог мира - поженить детей.

"Что ж, ваше величество, большое спасибо за счастье в личной жизни!" - думаешь ты и мрачно отправляешься замуж.

Из плюсов: своего жениха, ты, по крайней мере, не единожды видела, да и знаешь о нем немало. Из минусов: лучше бы не видела и не знала!

В тексте есть: разница в возрасте, девушка с характером, вынужденный брак

18+

-
- [Муж мой - враг мой](#)
 - [Пролог](#)
-

Муж мой - враг мой
Яна Ясная

Пролог

Интересно, как долго можно незамеченной просидеть на верхней галерее библиотеки? Если тебя не ищут, то, наверное, целую вечность, потому что кроме меня в этой самой библиотеке, по-моему, никого и не бывает, а значит, замечать некому.

А если ищут?..

— Нисайем!!!

О! Не так долго, как хотелось бы. Но, может, он еще мимо пройдет? Серьезно, зачем ему искать меня в библиотеке? Разве ж мне тут место? Уважаемую тэю[1] стоит искать совсем не там. А в оранжерее, например, или в ее комнатах в компании других, не менее уважаемых тэй. Или за рукоделием, музицированием... мало ли на свете занятий для уважаемых тэй!

Но уж точно не в библиотеке.

— НИСАЙЕМ!

Что ж так надрываться-то? Сейчас, не дай боги, связки повредит, как командовать парадом будет? Осипший герцог — зрелище печальное и не вдохновляющее, а вдохновение в военных делах элемент совсем не лишний!..

— НИСА!!!

Дверь в библиотеку распахнулась с грохотом, и я против воли втянула голову в плечи, но тут же опомнилась, выпрямила спину — грациозный наклон головы, тонкие пальцы между страниц книги, опущенные ресницы и даже до отвращения правильные складки на юбке вопиют о том, что перед вами крайне благочестивая тэя одного из древнейших дворянских родов Карлиона.

Тяжелые шаги по паркету — обратный отсчет. И герцог замер у подножия ведущей на галерею лестницы.

Под прикрытием ресниц я покосилась вниз.

Стоит. Смотрит. Карие глаза полыхают, темно-шоколадные волосы в беспорядке, губы сжаты в тонкую линию, скулы напряжены. Осторожно, ваша светлость, не скрошите зубы ненароком! У вас такая красивая улыбка жалко портить!

— Немедленно спускайся.

Хриплый приказ. Никак и правда голос сорвал?

— Зачем? — спокойно поинтересовалась я, перелистнув страницу и изображая полное и абсолютное погружение в книгу. На самом деле строки скакали перед глазами, и я даже не была уверена, что не держу ее вверх тормашками.

— Затем, что я сказал! — рывкнул герцог так, что стеллажи содрогнулись.

Фух, отбой тревоги! Голос на месте, парад состоится — ура, ура, ура! Да здравствует Вейлерон, чтоб ему провалиться!

— “В разговоре с тем, кто стоит ниже, помогайте собеседнику подняться до вашего уровня, но ни в коем случае не опускайтесь до его”, — с возвышенным придыханием процитировала я. — “Записки тэйра[2] Лорвена. Том второй. Об искусстве диалога”.

Алиссандр, герцог Вейлеронский, супруг мой законный перед богами и людьми, едва ли не зарычал. Я не была менталистом, но им и не нужно было быть, чтобы прочитать мысли этого мужчины в данный конкретный момент.

— Если вы меня придушите, то приданое придется вернуть! — сочла необходимым напомнить я. — С компенсацией, между прочим. Подумайте о ваших людях, ваша светлость, минутное удовольствие не стоит таких жертв, я считаю.

Шпилька ушла в пустоту. На застывшем красивой маской лице не дрогнул ни мускул, и вообще создалось обидное впечатление, что благородный тэйр вспомнил, кто он такой и решил взять себя в руки. Но так же нельзя! Я же так старалась! Это он сейчас успокоится, и мои бедные нервы были растрочены впустую?

— Значит так, многоуважаемая тэя Нисайем, — подтверждая мое разочарование, герцог заговорил медленно, четко и ровно, — в этом замке хозяин — я. А значит, только я принимаю решения о том, кто может здесь остаться, а кто должен уехать. Это вам понятно?

Ледяной тон был более чем намекающим. И обидным до слез. Быстро сморгнув, я растянула губы в безмятежной улыбке.

— Конечно, ваша светлость. Прошу простить мое своеволие. Конечно же, только вы решаете, кто может здесь оставаться, а кто нет. В конце концов, кто я такая? Всего лишь временная гостя.

— К чему это вы клоните, тэя Нисайем? — в вопросе послышалось напряжение и зашедшее на новый виток раздражение, пролившееся

бальзамом на мою душу.

— К разводу, тэйр Аллисандр, — церемонно отозвалась я.

— И на каких же основаниях? — ядом в его голосе можно было отравить целую армию.

Я собралась с духом и выпалила выпестованную, бережно подготовленную, прекрасную в своем совершенстве гадость:

— На основании вашей мужской несостоятельности, мой тэйр, и неспособности зачать мне ребенка.

На несколько мгновений мир замер. Тишина стала плотной, осязаемой, от нее заложило уши и перехватило дыхание. А потом пол галереи подо мной вдруг растворился, и я с визгом полетела вниз...

Чтобы угодить в подставленные руки, а на ухо свистящим шепотом прозвучал приговор:

— Ну все, девчонка, ты доигралась.

[1] Тэя - обращение к замужней женщине дворянского происхождения.

[2] Тэйр - обращение к мужчине дворянского происхождения.

Глава 1

В свет меня вывозили редко. Это шло на пользу и мне, и свету. Но бал Перелома Года — одно из двух ежегодных событий, присутствие на котором обязательно для всей высшей знати Карлиона, и потому сейчас я приседала в глубоком реверансе перед его величеством Астеом Пятым.

“Спину ровнее! Голову изящнее! Движение грациознее! Взгляд опустить!” — отдавал в моей голове приказы кто-то тоном бывшего полководца, и голос его был до странного похож на голос моей сиятельной матушки.

Сама сиятельная матушка стояла позади, пропустив дочь ради традиционного приветствия его величеству, и я всей кожей ощущала ее напряженное внимание, направленное на меня. Как же, вдруг неудачная дочь сделает что-нибудь непоправимое и навеки опозорит род герцогов Аласских.

Во время нечастого исполнения мной светских обязанностей, она контролировала меня еще плотнее чем обычно, доводя до нервного

истощения себя (а заодно и всё окружение).

Но что толку в контроле, если я всё равно успела улыбнуться?

Улыбка, быстрая, чтобы никто не заметил, и едва уловимая, углами губ, углами глаз — чтобы не перейти границ дозволенного, и я опустила очи долу, как предписывает девицам этикет и склонила голову перед владельцем земель сих.

Я рада видеть вас, ваше величество!

В пятнадцать лет я была официально представлена ко двору, и Астей Пятый показался мне ужасно грозным. И я честно боялась его половину вечера, пока... Пока не вспомнила одинокого гостя, в которого врезалась, улизнув из-под надзора самым недостойным тэйрим образом.

Я, четырнадцатилетняя, тогда стояла и смотрела на мужчину, которого не должно было быть в нашем замке в целом и в этом коридоре так уж точно — мы не ждали гостей, уж родные дети его сиятельства герцога были бы о них предупреждены!

Мужчина смотрелся ровесником тэйру отцу, только казался более грузным, а еще — ужасно суровым! У меня сердце замерло от ужаса и затрепетало, как щенячий хвостик.

— Куда бежим, юная тэйрим[3]? — грозно спросил чужак, придерживая меня за плечо.

[3] Тэйрим – обращение к незамужней девушке или женщине дворянского происхождения.

Я обычно вру легко и ловко, приученная, что иначе ни глоточка свободного воздуха мне не видать, но вот уж дурацкая особенность — только когда ничего не боюсь. А со страху выдаю всю правду, как на духу.

Так уж повелось, что у меня, испуганной, правда звучит порой весьма причудливо, но в этот раз боги отвернулись от беглянки, и признание расшифровал бы даже любимый волкодав его сиятельства батюшки:

— На озеро...

Под взглядом незнакомого тэйра мне стало мучительно стыдно. Что же я за будущая тэя такая?! Истинные тэи не покидают покоев тайком от всего своего окружения, если им куда-то нужно — они открыто идут, а если место не стоит того, чтобы посетить его открыто,

то и тайно туда настоящая тэя ни за что не наведается! Тэи не передвигаются бегом, не купаются ночью в озере и вообще...

Даже если они — только будущие тэи, и пока всего лишь тэйрим.

От этих мыслей голова клонилась всё ниже, и я теребила подол легкого платья, разглядывая мыски собственных домашних туфель. И волосы, уже разобранные служанками ко сну, свешивались каштановыми волнами скрывая горящее стыдом лицо.

Сверху хмыкнули:

— Ну надо же, озеро! А не боишься?

От удивления я даже забыла стыдиться и взглянула незнакомцу в лицо:

— Там безопасно, — как, и впрямь, дочери герцога Аласского могло грозить опасностью что-то под стенами замка Лунь!

— В озере, говорят, русалки водятся, — подначивающим тоном обронил мужчина, не выпуская моего плеча.

Но я не понимала, в чем подначка? И с недоумением согласилась:

— Да. Я же и говорю — безопасно!

Ему, кажется, весело, но я все же нахожу необходимым вежливо пояснить:

— Случись что, они меня выручат.

У Ан-Баир чешуя на скулах, прозелень в волосах и ловкие пальцы, иногда она разбирает мне волосы, чешет их костяным гребнем в жемчугах и перламутре, и оттого они наливаются блеском и силой, текучим шелком, скользят в руках служанок, и камеристка ее сиятельства матушки одобрительно улыбается, собирая их в прическу... Ан-Баир и умыла бы меня, если бы я согласилась, но я не даюсь — зачем? Мне мужа не искать, а если не для мужа, для себя — то для себя я и без того довольно хороша. Ан-Баир часто жалуется на свою мать, а я... я не жалуясь — ведь это было бы недостойно, да и несправедливо — мне не в чем упрекнуть сиятельную мою матушку, она всё делает для моего же блага. Поэтому я слушаю водяную деву молча. И завидую. Они часто скандалят с матушкой, как ни одна достойная тэя ни за что не стала бы. И любят друг друга, как могут только русалки.

Мысли эти пронеслись в моей голове, как дикий табун, и мне стало остро жаль, что сегодня мне озера не будет, ведь уже слышен торопливый топот ног — меня хватились, и теперь усердно ищут, и уже вот-вот найдут, и обязательно накажут — и это же так обидно,

принимать наказание, так и не вкусив того, ради чего на него шла!

Голоса всё ближе, и я уже жду, что вот-вот меня увидят и потребуют вернуться к себе, но растревоженные слуги пролетают мимо, лишь беглым взглядом удостоив наш коридор. Никто не поприветствовал знатного гостя и не позвал меня. У всех есть дела поважнее — они обсуждают, где бы я могла быть.

— Ну, беги. — Тэйр отпустил мое плечо, и теперь улыбка мне точно не померещилась.

От восторга я даже поблагодарить забыла — выскочила через неприметный ход неподалеку, и замок, старый поделщик, прикрыл певучую дверь, не дав ей скрипнуть.

“А приличная тэйрим бы поблагодарила!” — въедливо выговорила я самой себе, и тут же сама себе ответила, что приличная в такую ситуацию и не попала бы!..

Я вынырнула из воспоминаний, чтобы услышать:

— Вольтур, твоя дочь выросла совершенно очаровательной, — сообщил его величество его сиятельству, благосклонно выслушав приветствия отца и братьев (всех пяти законных), и я даже прислушалась спиной, не потянет ли от герцогини одобрением? — Ты позволишь пригласить её на полонез?

Полонез — первый танец вечера, полонез открывает бал.

Открывать бал Перелома Года с его величеством?

Его величество Астей Пятый прекрасен, вдов, и тем кружит головы всем незамужним дама королевства любого возраста. Мне тоже кружит, но я люблю его за пособничество несовершеннолетней мне, а у приличных людей — приличные причины: положение, власть, перспективы и харизма. Другие теряют разум от его таланта правителя, политика и дипломата. К тому же, несмотря на годы, он всё ещё хорош собой, и даже вполне добродетельным тэям будоражит сердце благородная седина на висках, стальной прищур и военная выправка (я знаю, я подслушивала).

— Это честь для нас, ваше величество, — учтиво склонил голову в согласии его сиятельство отец.

На том время, отведенное нашему семейству, истекло, и мы отступили от трона под благосклонными взглядами его величества, его высочества и ее высочества, а наше место знало следующее благородное семейство, прибывшее во дворец на главный зимний бал.

Отец выглядел довольным. Открывать бал — действительно честь.

Матушка выглядела удовлетворенной: танцевать — это одна из немногих вещей, которые я, по ее мнению, действительно умею хорошо и не запятнаю род. Если, конечно, его величество не начнет со мной разговаривать. Тут уж ее сиятельство ничего не могла гарантировать.

Дворец сиял: у ее высочества принцессы Рейнары, супруги кронпринца и на сегодняшний день первой тэи двора, прекрасный вкус, и убеждаться нам в этом доводилось не раз. Её высочество — маг, и потому она непременно лично занимается украшением приемных и бальных залов, чтобы продемонстрировать силу, магическое искусство и изысканность вкуса.

Возможно, она этого и не очень хочет.

Возможно, она нашла бы массу других, куда более интересных дел.

Но что поделать — традиция-с.

Традиции и правила правят бал в нашем королевстве.

Если твой род богат, то изволь явиться ежегодное празднование в наряде, стоимостью в годовой доход уездного поместья, чтобы никто не подумал, будто род этот стал беднеть и хиреть, что он ослаб. Король и дворяне — в родовых цветах. Герингемы, королевский род — в темно-красном и белом, Алассы — в черном и алом. И вокруг палитра, в которой мазками безупречно чистых цветов обозначены недруги, союзники, вассалы.

А если хозяйка приема — магиня, то должна сделать всё возможное, чтобы показать гостям, как сильны будут дети, которых она подарит роду.

Её сиятельство матушка пафосно называет это “служением во имя родовой славы и чести”, а наша кухарка — “показать товар лицом”.

Ритуал встречи гостей окончен, и моя ладонь оказалась в монаршей руке, и скрипки исторгли тягучий стон. Полонез повлек меня в свои текущие объятия, и под беседу, сплошь подчиненную этикету, а потому — предсказуемую, я пыталась понять, что это значит?

Открывать бал — это не просто честь. Это политика.

Что же означает сей манифест? Что Алассы в фаворе? Помилуйте, вот так новость! Это уж не один десяток лет всем известно. Почему понадобилось подчеркивать этот факт именно сейчас? Или батюшка был в немилости, и его величество дает двору понять, что опала окончена? Но о королевском недовольстве я бы, скорее всего, знала,

такое шило в мешке не утаишь. Или...

Безнадежно. О политических тенденциях Карлиона в целом и двора в частности мне было известно катастрофически мало.

Впрочем, скажем честно, и сейчас меня беспокоила не столько политическая мысль (боги, помилуйте, какое чудовищное слово “мысль”, кто додумался применить его ко мне?), сколько любопытство. Зачем, ваше величество? Зачем вам это понадобилось, ну зачем, зачем, заче-е-ем?

Увы, ныть и канючить у его величества ответ запрещал этикет, более трех десятков поколений гордых предков, здравый смысл и матушка. И если первые три пункта за нарушение покарать не могли, то ее сиятельство герцогиня...

Когда полонез закончился, его величество, как и приличествует благовоспитанному партнеру, повел меня к отцу. Но как-то неспешно, не отказывая себе в удовольствии перекинуться словом то с одним, то с другим гостем. Я прилежно болталась на монаршем локте, собирая свою жатву комплиментов: в мимолетном сиянии монаршего внимания, все вдруг рассмотрели, насколько хороша дочь герцога Аласского, и спешили ей об этом сообщить. Я благосклонно принимала славословия, сортируя их на те, что превозносят моего влиятельного батюшку, и те, которые восхваляют прозорливость его величества, разглядевшего этукую жемчужину там где все, вот буквально все до него были слепы.

Первые я потом передам родителю, все равно не моё, а вторые достигли адресата и без моих усилий, а для меня они означали лишь то, что бал будет трудным. Танцы для меня закончились вот буквально только что, не начавшись, дальше всё, будет политика.

Это грустно: танцы я любила, придворные интриги — совершенно нет. Моя деятельность на этом поприще в редких выступлениях сводилась к тому, чтобы запомнить сказанное, передать его сиятельству и получить инструкции на будущее.

Инструкции обычно гласили “Больше приглашений на танцы от этого, того и еще, на всякий случай, вот тех двоих, не принимать!” и на этом мое участие в политическом процессе исчерпывались.

Учитывая мою крохотную особенность деликатнейшего свойства, его сиятельство не собирался выдавать единственную дочь замуж на сторону. Ни ради политического союза, ни ради выгодной сделки, ни ради демонстрации влиятельности и процветания.

Меня ждал скорый брак с одним из отцовских вассалов, надежным и неболтливым, который объяснят свету великой любовью. И его сиятельство лишь руками разведет, показывая, как ничего не смог поделать с упрямой дочерью, а ее сиятельство, в кругу ближайших и доверенных подруг неодобрительно подожмет губы, и скажет: “Любовь!” — и вздохнет, давая понять, что выбор мой ей непонятен, но препятствовать счастью дочери она не считает возможным...

— Как вам праздник, мой друг?

— Благодарю, ваше величество, великолепно, как всегда, — почтительно отозвался очередной королевский собеседник.

Тон был безукоризненно вежлив, но в голосе слышалась некая обреченность. Не явно, нет, но на самой грани восприятия, интонационно скользило “вы же знаете, что мне плевать, зачем вы спрашиваете, мой король?” и я позволила себе пристально взглянуть на человека, которому такая вольность дозволена.

Черное и зеленое.

Цвета заставили мысленно поморщиться и медленно поднять голову.

Типичная внешность дворянина из высшей знати: светлокожий шатен, рослый и плечистый. Того типа хамелеонской наружности, который может и привлекать всеобщее внимание, и сливаться с окружающей обстановкой — не сразу узнаешь. Вот только я-то не мимо проходящая! И герцога Вейлеронского, заклятого врага рода, а значит, и моего по наследству, узнала сразу.

Его величество улыбнулся еще шире, и в этой улыбке безошибочно читался ответ на не прозвучавший вопрос: знаю, друг мой — потому и спрашиваю!

— Вы знакомы с тэйрим Нисайем, мой друг?

Монарший вопрос звучал так же небрежно, как и все брошенные ранее реплики и внутреннее машинное напряжение при виде вражеских расцветок меня отпустило.

— Не имел чести быть лично представленным, — равнодушно отозвался герцог, мазнув по мне невыразительным взглядом.

— Досадное упущение! — его величество неодобрительно покачал головой. — Тэйрим Нисайем, позвольте представить вам моего дорогого друга тэйра Алиссандра, герцога Вейлеронского.

Этикет позволял дамам в таких ситуациях хранить молчание, что я

и сделала, ограничившись почтительным реверансом. Герцог тоже поклонился, по-военному резковато, и мы оба с надеждой перевели взгляды на короля, как дети на гувернера в ожидании разрешения закончить занятия и отправиться гулять. Право слово, ваше величество, отпустите!

— У меня будет просьба к вам, Вейлерон. Неотложные дела требуют моего внимания, а я так и не исполнил свой долг до конца и не сопровождал прекрасную тэйрим к ее батюшке. Не будете ли вы так любезны — пригласить тэйрим на танец, а затем завершить начатое мной дело?

— Ваше слово — закон, ваше величество, — помедлив долю секунды, отозвался герцог, и мне сделалось очень тоскливо.

Ну заче-ем, ваше величество?..

Теперь голос в голове не канючил, а обреченно стонал.

Его величество ободряюще мне улыбнулся — королевский долг, дорогуша, это вам не по озерам ночами скакать — напоследок поднес мои пальцы к губам, обозначив поцелуй лишь коротким дыханием и вложил их в протянутую герцогскую ладонь.

Передача девицы во вражеские руки прошла гладко и безобморочно, несмотря на зудящее желание закатить глаза с видом “дурно мне, дурно!”. В данной ситуации тэйр Алиссандр однозначно прав: монаршая воля — закон.

Дрожащие звуки вальса тронули воздух, и я послушно увлеклась за герцогом отбывать повинность. Ну почему именно вальс?..

Первый шаг в него — как последний, всегда. Как последний вдох, как упасть с обрыва, как перестать быть.

И родиться заново.

Закружиться, чувствуя, как юбки раздуваются колоколом и почти взлететь...

И единственное, что удерживает в этот миг на земле — это партнер.

Я зацепилась за сосредоточенный карий взгляд, и спустилась с небес на землю, испытав острое чувство досады от того, что делить любимый танец приходится именно с тем, кого мне полагается всеми фибрами души ненавидеть и презирать.

— Дивный бал, ваша светлость, не правда ли? — светски осведомилась я.

Можно было бы, конечно, промолчать. Но тогда, во-первых, пришлось бы волей-неволей сосредотачиваться на танце, а танцевал герцог отвратительно хорошо, а я просто не имела права получать от этого танца удовольствие во имя славных предков. А во-вторых, чего это я ему буду удовольствие доставлять своим молчанием?!

— Ее высочество превзошла саму себя, — вежливо отозвался Вейлерон.

Голос у него был глубокий и низкий и от того, что звучал он неприлично близко, пока его владелец кружил меня в танце, по позвоночнику странным образом пробегали мурашки. Вот прямо от того места, где моей спины касалось ребро мужской ладони, и вниз, вниз, вниз...

А ее высочество действительно превзошла саму себя. Приветствие, первый бал праздничного зимнего семидневья, всегда строг. Он ограничен традициями, наряды гостей — родовыми цветами, убранство зала — сдержанной простотой.

И бальный зал королевского дворца казался не украшенным ничем, кроме мерцающих в воздухе иллюзорных искристых снежинок. Но только до тех пор, пока гость не оказывался в нужном месте.

От главного входа в зал перед гостями проявлялась карта земель Карлиона. Она висела в воздухе, доминируя над всем, прекрасно проработанная и четко видимая — но только с одного-единственного места.

С того места, где дворяне приветствовали своего монарха, проявлялся над королевской семьей герб Герингов — но лишь в тот момент, пока ты в движении поднимаешься из поклона.

С того места, где герцогская семья ожидала начала полонеза, я отыскала еще три узора и, будь это возможно, я бы вволю погуляла по залу, разглядывая творение ее высочества. Столь мастерское исполнение многомерных сложных иллюзий заслуживало куда большего почтения, чем выдавленные через силу снисходительные слова.

— Вы обратили внимание на то, как филигранно выполнена гербовая иллюзия?

Я замолчала, позволяя герцогу согласиться, что да, несомненно, филигранно.

— А карта? Вы оценили степень проработки деталей?

Вопросы сыпались градом, наблюдательностью меня боги на герцогскую беду не обделили. И после каждого я выдерживала выжидательную паузу, давая понять собеседнику что моя прекрасная светская беседа в обязательном порядке требует поддержания и активного участия. И герцог вынужденно участвовал: да, и проработка деталей прекрасна, и карта великолепна, и снежинки мерцают особенно искристо.

— Вы магиня, тэйрим Нисайем?

Я не считала, на каком вопросе герцог не выдержал и решил сменить тему, но все равно собой возгордилась.

— Увы, — печальный вздох колыхнул алое кружево на груди. — Мать-Искусница не удостоила меня прикосновением своей длани.

В моем случае зато от души Пройдоха-Бес потоптался, но об этом злейшему врагу знать точно не нужно!

— Но сиятельная матушка очень хвалит мою вышивку! — осыпала я собеседника.

Отец как-то поучал меня, что глупенькие девушки вызывают у мужчин приступы неконтролируемого умиления, и женская глупость — это оружие, которое надо использовать с умом. Что ж, папенька, я имею вам сказать, что у отдельных личностей неконтролируемое умиление слишком похоже на плохо контролируемое раздражение!

— А в какой сфере лежат ваши таланты? — беззаботно поинтересовалась я у сильнейшего боевого мага королевства, героя-победителя и прославленного воина, о талантах которого известно каждой собаке.

Меня крутануло в фигуре с особой силой, так, что, вернувшись в мужские объятия, я почти врезалась в твердую грудь.

— Трудно сказать, — ровно произнес герцог, и я вынуждена была признать, что на провокацию он не поддался, а тот добавил: — Но определенно не в сфере вышивки.

Вот... подлец!

Я против воли оскорбленно вспыхнула, но придумать ответную гадость, укладывающуюся в рамки этикета, не успела. Финальный поворот, мы разошлись так, что даже наши руки практический разъединились, а потом, когда до разрыва оставались миллиметры, герцог подхватил кончики моих пальцев, зацепил, потянул...

Поворот. Поворот. Поворот.

И юбка захлестнулась вокруг ног, и я на мгновение все же прикоснулась грудью к чужой груди, чтобы тут же волной податься назад и опуститься в финальном реверансе.

Сердце колотилось в груди как сумасшедшее.

Но, выпрямляясь, я уже взяла себя в руки и одарила партнера только фарфоровой кукольной улыбкой. Позволяя сопровождать себя прямиком к папеньке, на этот раз без всяких задержек и кратчайшим путем.

А папенька...

Папенька беседовал с Астеем Пятым.

Странное у его величество было неотложное дело, которое категорически мешало довести меня до пункта назначения!

Взгляд наткнулся на Виторика, ведущего под руку девушку... в черно-зеленом платье. Наши взгляды встретились, старший братец недоуменно вскинул брови, я ответила ему тем же взглядом, но дольше перемигиваться нам не позволили.

— К слову о примирении! — воскликнул его величество, стоило нам приблизиться, но не позволив никому сказать и слова.

И вскинул руку. Музыка и разговоры плавно стихли, и хорошо поставленный голос удивительно сочно прозвучал в замершем зале.

— Мы, его величество Астей Пятый, имеем особенное удовольствие объявить в день светлого праздника об объединении двух славных домов, о двух союзах, благословлённых богами и моей волей. Объявляется помолвка между тэйром Виториком, маркизом Крионским, и тэйрим Оленной и между тэйром Алиссандром, герцогом Вейлеронским, и тэйрим Нисайем. И мы все с вами приглашены на свадебные торжества, которые пройдут в последний день праздничных гуляний! Во имя прекращения старой вражды!

Мои пальцы, расслабленно лежащие на герцогском локте, сжались впиваясь ногтями в плотную ткань фрака.

А вот вам и ответ на вопрос “Заче-е-е-ем?”...

Я совершенно произвольно отметила, что в день моей свадьбы темой бала назначены “Зимние узоры”.

Спокойно. Это не могло случиться без дозволения его сиятельства батюшки, а если это случилось с его дозволения, значит, всё идет своим чередом!

Нет причин паниковать!

Я подняла взгляд на отца.

Его сиятельство герцог Аласский стоял с благожелательно-нейтральным выражением лица, с каким обычно принимал вести о том, что отряды инородцев в полудне пути от замка Лунь, и как раз тогда, когда гарнизон ослаблен на треть, потому что, согласно донесениям, военная активность племен минимальна.

Обычно сразу после этого следовали решительные действия, а затем — массовые казни среди дозорных, чьи разъезды простираются на три дня пути от отцовских земель, и разведки.

Его сиятельство герцог Вейлеронский стоял с лицом, по выразительности соперничающим с обухом боевого топора.

Ладно. Пожалуй, можно начинать паниковать!

И я позволила себе хлопнуть ресницами. Дважды.

Братец Виторик выглядел сдержанным и равнодушным, остальные четыре старших брата если и имели что сказать, не смели сделать это раньше отца и Вита. Ее сиятельство матушка сияла верноподданническим почтением и красотой, ее сиятельство вдовствующая герцогиня Вейлеронская глядела на его величество прямо и с неодобрением.

Всеми забытые в этой мизансцене тэйрим Нисайем и тэйрим Оллена выглядели зеркальным отражением друг друга — две одинаково улыбающиеся нарядные куклы.

Мне ужасно хотелось бегать по бальному залу туда и обратно, дергать себя за волосы и голосить что-нибудь вроде “Думай-думай-думай!”

Эта бестолковая и бессмысленная активность, почему-то, как правило, ужасно благотворно на меня действовала, и я, в худшем случае, уставала и успокаивалась, а в лучшем — и впрямь что-нибудь придумывала, но сейчас любимый тайный способ самоуспокоения был печально недоступен.

И, может быть, никогда не будет больше доступен — разве в замке Страж кто-нибудь дозволит герцогской супруге эдакую глупость?

Спокойно, Нисайем. Может, всё ещё обойдётся!

Я дворянка. Дворянку невозможно выдать замуж быстрее, чем через полгода после объявления о помолвке! Ведь это же гости, которых нужно принять, разместить, развлечь... А главное, конечно, собрать.

Платье. Не меньше четырех месяцев будут шить только платье,

достойное герцогского бракосочетания!

А ещё есть вопросы приданого, и они уж точно быстро не решаются, а в нашем случае и пода...

— Тэйрим Нисайем, тэйрим Оллена...

Истеричное метание моих мыслей было прервано ее высочеством, подошедшей совершенно неслышно — или же это я, поглощенная своей паникой, умудрилась пропустить явление хозяйки бала!

И, торопясь исправить свою оплошность, я опустилась в реверансе — синхронно с сестрой Вейлерона.

— Полно, тэйрим, — благосклонно улыбнулась принцесса Рейнара. — Встаньте. Я пришла сообщить вам, что его королевское величество осознает, сколь важно для юных тэйрим выглядеть достойно в великий день своего бракосочетания, и в своей милости, дарит вам обоим свадебные платья. Завтра к двум часам пополудни вам надлежит явиться во дворец, чтобы королевские швеи подогнали ваши наряды.

Вот так. Минус одна причина для задержек. О гостях и думать не стоило — все здесь, и проблемы размещения с развлечениями решены. Надо полагать, вопросы с приданым от обеих сторон будут улажены столь же стремительно.

Всякая надежда, что “великий день” удастся если не отменить, то оттянуть, увяла, зачахла и скончалась.

— А сейчас, дорогие гости, вы можете продолжить веселье, а нам с герцогом Аласским и Вейлеронским необходимо обсудить кое-какие детали.

Его величество взглядом велел отцу и жениху (боги, за что?!) следовать за ним, и прошел к боковому выходу, а мне пришлось сделать некоторое усилие, чтобы разжать пальцы и выпустить герцогский локоть.

Мужчины ушли, а мы остались стоять вокруг принцессы Рейнары торжественным веночком, по правую руку Алассы, по левую руку Вейлероны, все взгляды устремлены на ее высочество.

Её высочество держалась с уместной в данной ситуации благожелательностью и невозмутимостью, но мне всё равно казалось, что она чуть сочувствует нам и слегка веселится. Абсолютно безосновательно казалось, конечно.

Ее высочество поймала мой взгляд, и доброжелательно поинтересовалась:

— Вы что-то хотели сказать, милая тэйрим Нисайем?

Нет, я просто задумалась, но это был бы неверный вариант ответа. Поэтому я быстро присела в неглубоком, но почтительном реверансе:

— Да, ваше высочество! Ваши иллюзии... я хотела отметить, что они удивительно сложны и столь же безупречны. Увы, мне пока не предоставилось возможности рассмотреть их по-настоящему, но... Я преклоняюсь перед вашим мастерством, ваше высочество!

Она чуть усмехнулась:

— Вот как? Полагаю, тэйрам это будет неинтересно, а мы можем и посмотреть, — снисходительно приняла первая тэя двора мой комплимент.

Братья и мужская часть Вейлеронов сообразительно воспользовались разрешением покинуть дамский круг, и откланялись, а мы двинулись вперед, всё тем же манером: Алассы справа, Вейлероны слева, но теперь уже исключительно дамской компанией. При этом я и тэйрим Оллена оказались к принцессе ближе всего, видимо, как будущие невесты.

Матушка плыла справа и чуть позади меня и всем видом одобряла свою дочь.

— Если желаете, могу поделиться, как будет украшена ваша свадьба, — великодушно предложила ее высочество.

Свадьба! Свадьба!!!

Почему я уже второй раз за вечер лишена возможности прикрыть глаза и простонать: “Дурно мне, дурно!”?!

Глава 2

— Род Аласс не согласен с предложением вашего величества!

Стоило только дверям королевского кабинета отрезать нас от сопровождения и внимания бдительного секретаря, Вольтур Аласс подал голос.

Старый осёл, как будто не понимает, что его величество уже не отступит. Даже пожелай он изменить решение, публичное объявление лишило его этой возможности.

Так к чему это заявление? Пустое сопротивление ради сопротивления? Желание выбить из короля что-то взамен? Другие далеко идущие планы?

— Это не предложение, друг мой, — тон Астeya Пятого был

обманчиво мягок и вкрадчив. — Это приказ. И ты его исполнишь.

— Я не дам согласия на брак своих детей.

— Вы забываетесь, герцог Аласский, — еще мягче обронил его величество.

Они застыли друг напротив друга в напряженных позах — Вольтур Аласский сухой и жилистый, Астей Пятый Герингем более грузный — но во многом схожие: один рост, один возраст, даже профили одинаковые, остроклювые.

Красно-белый и черно-алый наряды феноменальным образом лишь подчеркивали сходство.

Я не испытывал желания лезть между ними. Зачем? Пусть старый недруг первым разозлит Астея и первым примет на себя удар. А когда король приведет его в чувство и спустит пар, тогда и поговорим.

— Перед моим именем стоит не “рихт[1]”, а “тэйр”, ваше величество!

[1] Рихт – обращение к мужчине-простолюдину. Рихта – к замужней женщине. Рихтим – к незамужней.

Моего будущего тестя несло: только что он фактически заявил королю, что это ОН, Астей Пятый Герингем, забывается, вмешиваясь в семейные отношения высшей знати.

И не стоит думать, что его величество не заметит или спустит старому другу эту правду на грани дерзости. Королевская дружба — она такая. В ней крайне не рекомендуется переходить границ.

— Мои привилегии и права я заслужил не шаркая каблуками при дворе, а защищая границы королевства от набегов инородцев, — продолжил, набычившись, Аласс.

Видимо, здорово его величество задел дворянскую гордость своего вассала, если тот пустил в ход шантаж, напомнив, кто бережет спокойствие королевства.

Герцогства Аласское и Вейлеронское — щит Карлиона, последний оплот равнин. Предгорья, за которыми Сонные Горы, откуда то и дело рвутся в равнинные земли, в человеческие королевства, орды неведомых тварей.

Это тебе не симпатичные лесовички и горянки разных форм и

мастей, с которыми иной раз могут закрутить лихой роман искатели экзотики и новых впечатлений, и даже не инородцы-приживалы, которых выявить сложнее, чем избавиться.

Это в прямом смысле слова — неведомые, и в прямом смысле слова — твари.

Королевства, конечно, и между собой сцепиться не дураки — именно последняя такая драка покрыла меня славой и приблизила к монаршей милости, но орды инородцев... Это другое.

Когда на равнины идет очередная Великая Волна, королевства объединяют силы, и все резервы и ресурсы встают за щитами воинов пограничных земель, протянувшихся по предгорьям. Но Великая Волна — особый случай, само собой. Это случается не каждый год и даже, слава богам, не каждое десятилетие.

А вот рядовые набеги на земли каждого пограничного тэйра бывают по два-три раза в год, а то и чаще. Обычное дело: племена инородцев Сонных Гор тянут языки к мягкому мясу равнин, но напарываются на клинки сторожевых замков.

Вольтур Аласс, герцог Аласский, только что дал понять, что, продолжи король упорствовать, он способен пропустить следующую малую волну к неготовым к такому повороту событий соседям.

Если, конечно, у меня от близкого семейного счастья не приключилось слуховых галлюцинаций.

— Мятеж? — ощерился Астей.

— Посягательство на неотъемлемые права дворян? — зеркально ослабившись, отразил выпад Аласский.

— Что ж, — и в этом королевском голосе скрежетнул металл монаршей воли. — Будь по-твоему. Я не стану требовать этих брачных уз. Но сегодня же все члены рода Аласс оставят занимаемые должности, и в три дня должны будут покинуть столицу. С этого момента и до моего отдельного распоряжения вам запрещено появляться в Акрейне. Вы можете...

Его величество огласил список оставленных старому другу свобод (не балуя его оными — осталось как раз то, что входит в неотъемлемые права дворян), и Аласс, не дрогнув, склонил голову в почтительнейшем из согласий:

— Да будет так, ваше величество. В таком случае род Аласс добровольно ограничивает свое экономическое присутствие вне границ

герцогства и отзывает вложения в следующие проекты...

А ведь сцепились не на шутку, оба на взводе, глаза горят — рвут друг из друга куски мяса, как волки над добычей. Показным сопротивлением ради сопротивления и не пахнет: почтенный тэйр, похоже, твердо намерен загнать свое герцогство в опалу, но не смешать кровь с заклятым врагом!

Про моё присутствие здесь же, в кабинете то ли оба забыли, то ли наплевали пока... Сдержав усмешку, я позволил себе откинуться на стену и наблюдать за схваткой отстраненно.

О необходимости жениться его величество заговаривал со мной уже не раз. Я отшучивался, пока это было прилично, а когда увиливать стало чревато, признался, что невесту уже выбрал, и помолвка — дело почти решенное, осталось договориться об условиях. После победы над Фолебергом Астей Пятый стал звать меня другом, приблизил и позволял многие вольности, но королевская дружба — такая зыбкая почва, которой я старался не злоупотреблять. Благо, интересы мои лежали достаточно далеко от дворца и придворной жизни.

Правильно делал — это я точно мог сказать, наблюдая, как ради государственных интересов его величество гнет в дугу старого друга, с которым действительно дружил не одно десятилетие, а не просто благоволил в свете удачной военной кампании.

В отличие от меня, прославившегося при дворе не только победами, но еще и редкой нелюдимостью, герцог Аласский — влиятельный политик и экономический деятель. И от его влияния Астей Пятый сейчас отхватывал здоровенные куски.

Интересно, Вольтур Аласс так любит детей, или так не любит меня?

Нельзя сказать, что Астей Пятый был так уж неправ в своем желании помирить враждующих соседей. Просто шансы на успех я оценивал как мизерные.

Вражда началась около трех веков назад.

В наших предгорьях, богатых лесом, охотничьими угодами и многими другими, без сомнения, ценными ресурсами, исключительно мало пахотных земель. Каждая сажень, годная под распаху, стоит очень дорого. Около двухсот лет назад некий тэйр Кассиль Ингер, имеющий во владении весьма лакомый кусок земель с романтическим названием “Медовая долина”, в народе носящий куда более простецкое

название “Воловьѣ лужки”, возжелал передать его за кое-какие услуги некому эссею[1], о чем была составлена соответствующая бумага.

Новый владелец Долин-Лужков с документом на право владения явился к моему почтенному предку, герцогу Эриху Волкоглазому Вейлерону, и предложил продать ему эту землю. И продал, за огромные деньги — ибо прекрасно понимал, какова ее ценность в наших суровых краях.

А лет через десять, после смерти тэйра Ингера, к герцогу Гийому Аласскому явился сын покойного, унаследовавший Воловьѣ лужки согласно завещанию, и вступивший в право владения законным образом. И продал их повторно.

Когда стороны, каждая из которых считала себя единственным и законным владельцем угодий, столкнулись, случилось то, что и должно было — конфликт интересов.

Сын тэйра Ингера утверждал, что никакой передачи земель не было, а полученный моим предком документ — фальшивка. Эссею, продавший Эриху Вейлерону землю, за это время, разумеется, затерялся на просторах королевств.

Единственным способом восстановить справедливость оставался королевский суд — вот только незадолго до него бумага, подтверждающая что эссею получил Медовую долину в оплату неких услуг, исчез без следа. Не важно, что её видела целая толпа свидетелей — магически доказать подлинность документа стало невозможно. И король признал законным владельцем земель герцога Аласского.

Эрих Волкоглазый не стерпел подобного унижения. Ведь мало того, что у Аласских и так земель, годных под возделывание, было больше, так его еще и выставили дурнем, облапошенным безродным горожанином.

Он поднял боевые стяги и силой отбил принадлежащее ему по праву. Так началась междоусобная война, затянувшаяся на полстолетия. Когда мои предки не отражали набеги инородцев — они сражались с Алассами. Со временем столкновения пошли на убыль, но вражда так и осталась. Вейлероны не оставляли попыток вернуть своё, Алассы не желали отдавать несправедливо полученное, и сколько дров было подброшено в топку этой вражды за века — не сосчитать.

Дед ненавидел герцога Аласского люто, до зубовного скрежета.

Отец относился гораздо спокойней, но, сколько я себя помню, что

бы ни стряслось в замке Страж, виноватых долго искать не приходилось — это всегда были происки Алассов.

Эти мысли катились незначительным фоном, в то время как здесь и сейчас я внимательно слушал. Герцог Аласский принимал участие во многих значимых для королевства проектах, которые сейчас просто и незатейливо обескровливал, отзывая своё золото.

Неприятно даже подумать, какие потери при этом понесет он сам, но тут, кажется, уже вступил принцип “лишь бы соседу было еще хуже”.

А “соседу” было и впрямь не сладко: Аласский попал, куда метил.

И когда герцог закончил перечислять, из каких еще кампаний корона должна вернуть ему средства (кстати, занятные сведения об интересах черно-алых), его величество навалился ладонями на стол:

— Да что ж ты так уперся?

— Ваше величество отдает мою дочь моему врагу! — Нет, Вольтур Аласс не позволил себе ни единого непочтительного движения или интонации, но гнев и упрямая решимость стоять до конца были понятны.

— Зато отдаю тебе — дочь твоего врага! — парировал Астей.

А я сдержал усмешку: как изящно Астей Пятый обозначил, что я сам не враг Аласскому, а лишь мой отец.

— Ваше величество, как будто я и впрямь могу сделать невинной девушке что-то плохое! — надменно вздернул подбородок Аласс.

Это ты, сволочь старая, намекаешь, что я — могу?!

Я лениво, плавно перетек из одного положения в другое, вспоминая, что как маг герцог Аласский не очень силен, хотя коварен и сложно прогнозируем в бою.

Ну ничего, и не таких в щебень перетирали.

Но моё предложение завершить старую вражду другим способом, прояснив все один на один старым добрым поединком чести, опередил его величество Астей Пятый.

— Раз это твоё единственное опасение, — по-змеиному быстро отреагировал король, — то, полагаю, если его сиятельство герцог Вейлеронский даст слово обращаться с тэйрим Нисайем со всем возможным почтением, камень преткновения будет устранен! Не так ли, друг мой?

На Аласса было приятно посмотреть: его явно распирало желание

“дорогому другу” много, много доброго, но... Но пойманный на слове он стоял и молчал.

Заявить прямо, что моего слова недостаточно, он не мог. И он, и я, и его величество понимали: такое оскорбление спустить я не смогу, даже если захочу, а я не захочу. А в поединке со мной у него нет шансов, и неважно, магией мы будем сражаться или железом. Я сильнее и там, и там, у меня больше боевого опыта и я банально моложе. Род Аласс сменит главу, и его величество всё равно выдаст его дочь замуж. Но уже без моего слова.

— А что, его сиятельству герцогу Вейлеронскому нечего сказать по поводу сложившейся ситуации? — с ненавистью выплюнул Вольтур Аласс.

О, боги, какие страсти! Из-за какой-то тэйрим, в которой и глянуть не на что.

Я пожал плечом, флегматично поведав тэйру очевидное:

— Если его величество решил меня женить — он женит.

Потому что я на такие жертвы, как Аласский, не пойду, подставляя всех, за кого отвечаю, только ради того, чтобы отстоять своё “не хочу”, изначально больше похожее на детские капризы.

— Так какая разница, — развил я свою мысль, — та девица или другая? За эту мне, по крайней мере, Воловьи лужи отдают.

И пусть этого никто пока не озвучивал, но именно ради этой передачи, я это знал, и была, по большому счету, устроена вся затея со свадьбами. Ибо единственный способ прекратить междоусобицу (не вражду, нет) внутри королевства — это законно отнять у Аласского и законно отдать мне спорные земли в составе приданого за его дочь.

Я ожидал, что на эти слова, фактически признающие, что я не отличаю его дочь от еще полусотни точно таких же дворянских дочек, присутствующих сегодня на балу, он ответит злостью, ядовитой репликой, возможно, даже повторным отказом от брака, но...

Аласс посмотрел на меня с жалостью. А потом обратился к королю:

— И вот этому чурбану, ваше величество, вы отдаете мою девочку?

А Астей Пятый неожиданно почти смутился:

— Он исправится, — непонятно, но уверенно пообещал король. — А Медовую долину всё же придется отдать как приданое.

— Ваше величество, — надменно отозвался Аласс. — За своей

дочерью я дам достойное, — это слово он выделил голосом, — приданое. А не несчастный клочок земли, опустошенный непрекращающимися боевыми действиями.

— Разумно, тэйр. — Я согласно склонил голову. — В конце концов, девица не маг.

А вот теперь укол прошел. Герцог Аласский отлично держал удар, но бешенство, полыхнувшее в светлых глазах на миг, и тут же схлынувшее, сказало об этом недвусмысленно.

— Если для вас это принципиально, тэйр, — ядом в его голосе можно было отравить все земли Вейлерона, — то, может быть, вы на этом основании все же откажетесь от брака?

— Для меня это значения не имеет, — скучающе признался я. — Но роду важно, каких детей она родит. Поэтому, вполне справедливо, если мой род получит компенсацию за этот риск в виде достойного, — теперь уже я выделил это слово, — приданого.

Герцог Аласский на секунду прикрыл глаза, усмиряя эмоции, а когда открыл их и заговорил, голос его был сух и спокоен:

— Хорошо. Я дам согласие на оба брака. Но при условии что его сиятельство герцог Вейлерон здесь и сейчас даст слово, что он будет относиться к моей дочери с почтением, не причинит ей обиды намеренно и не попрекнет Нисайем ее даром ни наедине, ни при ком-то, ни за ее спиной! Иначе, — он коротко улыбнулся, — замок Лунь попросту уйдет в осаду, и на следующие переговоры, ваше величество, вам придется явиться во главе войска.

Я, к слову сказать, и не отказался бы прогуляться с войском по землям Аласских!

Но кто ж мне даст.

Слово я дал без внутреннего сопротивления. Смешно, право, я и без того не имел дурных намерений относительно этой тэйрим. Вражда враждой, но я не сражаюсь с девицами. И уж тем более считаю ниже своего достоинства, пакостить недругу, третируя его дочь — это удел слабаков.

— Мне тоже понадобится ваше слово, тэйр, — бросил я, закончив со своими обещаниями. — И ваше, и вашего сына. Своим предположением о том, что я способен причинить вред вашей дочери, вы заставили меня волноваться о судьбе Оленны.

Аласс сощурил глаза и раздул ноздри. Что? Не нравится? Эх, жаль

все же, что дело не дошло, а теперь уже, пожалуй, и не дойдет до поединка.

А еще жаль, что его величество не понимает, что за несколько столетий несчастные Воловыи Лужки — это всего лишь первый номер в длинном списке счетов, которые Алассы и Вейлероны могут друг другу выставить.

И регулярно выставляют.

Кабинет его величества я покинул первым, сразу после подписания соглашения. Спор по поводу приданого с обеих сторон был ожесточенным, азартным, выматывающим, но удовлетворительным по итогам. Я получал, что хотел, Аласс отдавал, что не хотел — не это ли счастье?

Когда обе подписи украсили вензелями и магическими печатями тут же составленный лично его величеством документ, Аласс посмотрел на меня с надменным вызовом и обронил:

— Раз мы покончили с этим неприятным делом, позвольте обсудить с вами, ваше величество, еще один вопрос наедине?

Старый скряга хочет продемонстрировать мне, что у него с королем по-прежнему мир и дружба, несмотря на все то, что они только что друг другу наговорили? Да на здоровье!

Я молча поклонился суверену и удалился. А в коридоре некоторое время постоял в раздумьях.

Можно было бы прямо сейчас удалиться в какой-нибудь более уединенный уголок дворца, пока не истечет время, которое необходимо «отбыть» на королевском празднике. В конце концов, главную публичную роль на этом балу я отыграл, а подобные масштабные мероприятия не доставляют мне удовольствия. Если уж и устраивать торжества, то в близком кругу приятных тебе людей (роскошь, недоступная королям).

Но данное Алассу слово, что бы он там себе ни думал, имело для меня значение. А значит, оставалось еще одно дело перед тем, как я смогу покинуть дворец.

Отыскать новообретенную невесту оказалось удивительно просто — непривычное скопление черных нарядов Алассов и Вейлеронов бросалось в глаза. Ее высочество, чьи таланты так нахваливала мне юная тэйрим, взяла на себя роль парламентаря, и ее платье

пронзительно белело на этом фоне.

Сама тэйрим Нисайем стояла возле принцессы и что-то вдумчиво разглядывала под ее объяснения.

Я остановился и позволил себе присмотреться.

Хорошенькая.

Не красавица, за которой тянется шлейф разбитых сердец, но и не та которую замуж берут «не глядя» за одно лишь приданое. Волосы слегка отливают медью, а глаза — зеленью, но яркости рыжих и зеленоглазых ей не хватает. Светлая кожа, прямой классический нос, к счастью, унаследованный от герцогини. Что еще?..

Черно-алый ей не идет.

Блуждающий по залу тот самый зеленоватый взгляд остановился на мне, и я, прекратив пустые разглядывания, направился напрямик к группке дам.

[1] Эссей – обращение к горожанину, состоятельному человеку. Эсса – горожанка. Эссим – незамужняя дочь горожанина.

Протанцевать с невестой всего один танец, а потом испариться, да еще и уже после объявления помолвки — это дурной тон и пересуды у девушки за спиной. Мазурка вот-вот должна была закончиться, что нам достанется – кадрили или еще один вальс?

Взгляды женщин, устремленные на меня, были противоречивы.

Оленна выглядела растерянной и немного испуганной. Ей едва исполнилось восемнадцать, и о замужестве пока что речи не шло, мы планировали дать ей пару лет насладиться светом и присмотреться к потенциальным партиям. Две другие мои сестры уже были удачно пристроены, и младшенькая могла позволить себе «погулять».

Матушка была зла и раздосадована. Она улыбалась, но в уголках глаз и губ притаилось бессильное раздражение. За матушкиной спиной – тэйрим Сириль, ее воспитанница и компаньонка, а также по совместительству моя несостоявшаяся невеста, смотрела на меня с надеждой.

Герцогиня Аласская держала лицо лучше всех. По ней невозможно было понять, что что-то в ее жизни идет не по плану – безупречна, очаровательна, приветлива. Как всегда. Старый козел Вольтур так и не смог оценить по достоинству, какая женщина ему досталась.

На тэйрим Нисайем я взглянул уже только приблизившись в упор, когда все дамы, кроме принцессы, присели в реверансе, приветствуя приближение мужчины.

Та, как и Оленна была растеряна. Но не испугана. И сквозь растерянность проглядывало любопытство — ее выдал взгляд, мазнувший по мне с головы до ног и тут же прикрытый ресницами. А услышав приглашение на следующий танец, она коротко оглянулась на мать, словно уточняла, можно ли?..

Прилежная. Послушная. Хорошие качества.

Нам снова выпал вальс.

Она хорошо танцевала. Не просто выполняла заученные движения, как марионетка, а с чувством, получая искреннее удовольствие от процесса. Первый раз. Сейчас спина под моей ладонью была напряжена, плечи тоже, движения — как раз те самые, механические. А еще она молчала, а не забивала мне голову восхищенным лепетом.

— Как вы себя чувствуете, тэйрим? — поинтересовался я.

— На нас все смотрят, — невпопад ответила девушка.

— Пусть смотрят.

— Это... странно, — она повела плечом, будто пыталась сбросить собственное оцепенение.

— Надо потерпеть еще один танец после этого, и на сегодня смотреть перестанут.

— На сегодня?

— До свадьбы шесть дней. Пока она не состоится — будут смотреть. Впрочем, полагаю, они и после посмотрели бы, но в замок Страж никто не пустит столько зрителей.

— Шесть дней... — девица, кажется, решила занять почетную должность моего эха. А потом она вдруг встрепенулась и осведомилась светским тоном, тем самым, которым третировала меня вопросами насчет убранства зала: — Значит, папенька отдал Лужки?

— Исключительно в обмен на шахту Трех Котлов.

— Справедливо, — степенно кивнула юная тэйрим с крайне серьезным выражением лица. Ее скованность таяла, как ночной лед на ярком апрельском солнце.

Еще бы не справедливо! Эту серебряную шахту Алассы же и обвалили век назад да так качественно, что мой предок и все его преемники махнули рукой — вложений для восстановления требуется

тьма, а гарантии того, что они окупятся — никакой. Алассы испоганили, пусть сами теперь и восстанавливают. Вейлеронам важнее земля.

— Виторик хороший человек, — внезапно выдала мне тэйрим Нисайем, вернувшись в мои объятия после очередного поворота. — Он не обидит тэйрим Оленну.

— А за себя вы не переживаете? — не удержался я от легкого подтрунивания.

— Нет! — девушка вздернула носик. — У меня есть папа, а у папы — войско.

Мне стало смешно. Угрожать Вейлеронам, Алассы учатся, кажется, раньше, чем произносить собственное имя.

— У меня тоже есть войско, — счел забавным напомнить я, и этот самый носик слегка сморщился, выдавая все, что его хозяйка думает о моем войске.

Ну раз маленькая тэйрим изволит ничего не бояться и даже грозиться...

Вальс закончился, но вместо того, чтобы вернуть птенца в гнездо, я повел ее в совершенно противоположном направлении — к фуршетным столам.

Нисайем нервно оглянулась.

— Вы должны сопроводить меня к матушке.

— Как жених — не должен. К тому же я должен провести с вами как минимум три танца, предлагаете мне бегать туда-обратно ради этого?

— Мы можем потанцевать прямо сейчас!

— Я не люблю кадрили.

Моя невеста еще раз оглянулась назад и замолчала.

— Если матушка будет ругаться, вините меня, — “утешил” я юное создание.

— Она и без меня вас прекрасно обвинит! — пробормотала тэйрим себе под нос и приняла протянутый бокал шампанского.

Я только усмехнулся — в этом, и впрямь, можно было не сомневаться!

Глава 3

Это было очень странно, смотреть на мужчину и пытаться осознать, что вот именно он — будет моим мужем. И не когда-то в

отдаленном будущем, а к концу этой недели.

Я знала, что несмотря ни на что, все же выйду замуж. Засидевшаяся в девицах герцогская дочь вызовет куда больше внимания, пересудов и слухов, чем она дочь, выскочившая замуж за неровню. Но все равно “муж” — это было такое абстрактное понятие, маячившее где-то в перспективе, а никак не конкретный человек, стоящий сейчас передо мной. И уж тем более — не враг рода.

Я привыкла иметь четкие указания на любой случай жизни: как себя вести, как смотреть, что говорить и что делать. Не то, чтобы они мне нравились — любимой игрой было обойти эти самые указания хоть чуточку — например, улыбнуться королю во время насмерть запротоколированного приветствия.

Но без них было неудобно.

А вот герцогу, казалось, было совершенно все равно, что ему подсунули незапланированную девицу. Хотя почему все равно? Получил-таки свои Лужки и радуется поди! А девица в довесок — это так, мелочь, на которую можно закрыть глаза.

Я старательно дула на угли тлеющей внутри родовой неприязни.

Вежлив — что-то задумал. Не выставил меня в неприглядном свете, пропустив танцы — печется о своей репутации. Обходителен — точно что-то задумал!

Вон как смотрит! Коварно! Злодейски! Еще и ухмылка прячется в уголках губ — тоже, несомненно, коварная и злодейская.

И вовсе мне не понравилось с ним танцевать. А что дыхание перехватывало всякий раз, как после фигуры меня притягивало обратно в уверенные, сильные объятия, и что щеки погорячели — так это от злости и физических нагрузок!

Пузырьки шампанского щекотали небо.

Угли шипели искрами, но разгораться категорически отказывались.
...мне нельзя пить больше одного бокала...

Герцог молчал, глядя куда-то в сторону. Я молчала, разглядывая его украдкой.

...когда закончится эта бесова кадрили? Отмучиться уже и обратно! За инструкциями!

Мать-Искусница услышала мои немые молитвы — помощь пришла куда быстрее.

Сначала я увидела, как его сиятельство герцог прищурился, глядя

куда-то за мою спину, а потом услышала голос отца:

— Вы торопите события, тэйр Алиссандр, забрать мою дочь из семьи вы сможете только после свадьбы, а до тех пор будьте любезны возвращать ее родителям после обязательных танцев. Нисайем, твоей матушке нездоровится, с позволения его величества мы отправляемся домой.

Я с облегчением выдохнула и отставила бокал (надо же, незаметно — почти пустой). И почти сразу мою руку перехватили чужие пальцы.

— Вы прекрасны, тэйрим Нисайем, — негромко произнес Вейлерон и поднес мои пальцы к губам.

А потом вместо того, чтобы, как полагается, только обозначить поцелуй в сантиметре от кожи, поцеловал по-настоящему.

От пальцев по кисти и до самого локтя пробежали горячие мурашки, и я едва ли не выдернула руку от неожиданности. Но уроки ее сиятельства матушки сделали свое дело, выдержка мне не изменила.

— Благодарю вас, ваше сиятельство, — не дрогнув голосом, кивнула я, и отправилась следом за папенькой на семейный совет.

В том, что направляемся мы именно туда — я не сомневалась. Инструкции, наконец-то!

Стоило нам выйти из малого портала в одном из потайных залов замка Лунь, его сиятельство папенька начал раздавать команды:

— Регин, распорядись найти эссея Дальгора, пусть срочно явится в мой кабинет! Отправь человека к эссею Лаугесену и узнай, где ночует Мёрк. Они мне немедленно нужны. Прикажи подготовить гонца, и... — его сиятельство уперся в массивную дверь, отделявшую подземелья от наземной части замка, и одернул сам себя: — и остальное потом.

Второй по старшинству из законных братьев почтительно поклонился отцу и отправился организовывать поиски отцовского секретаря, казначея и главы разведки (Мать-Искусница, а этого-то зачем?!). А также отдавать распоряжения насчёт гонца. А все остальные проследовали за батюшкой в кабинет.

Отец летел по коридорам, размашистым широким шагом, а я всё меньше понимала, что происходит: вопреки всему происшедшему, отец выглядел... довольным?

Во дворце, после беседы с его величеством, сквозь приличную для аристократа бесстрастность, у отца проступал гнев и оскорбленная гордость. Чужакам, возможно, и не было видно, но я-то знала его всю

жизнь!

А теперь он просто лучился хищной радостью.

Матушка же выглядела недовольной — хотя я ожидала, что будет наоборот. Ведь ее дочь, от которой она не ждала уже ничего толкового, вдруг составила блестящую партию! Под покровительством самого короля! Есть же чему порадоваться, разве нет?

Поняв, что я точно не понимаю чего-то важного в ситуации, я смирилась. Не вся, только частично — любопытство смирить не удалось. Но я весьма и весьма надеялась, что в кабинете хоть что-то мне прояснят!

У дверей своего кабинета батюшка замер так, словно впервые эти самые двери увидел. Оглянулся на свой эскорт и удивился еще больше.

— Виторик, Нисайем — в кабинет. Дражайшая супруга, прошу вас, тоже останьтесь. А вы — свободны!

Он сопровождал свои слова таким взглядом, что братьям спорить и в голову не пришло, и они покорно отбыли в направлении своих покоев. Зато появился первый из вызванных отцом помощников, эссею Стефан Лаугесен, отцовский казначей.

Ключ коснулся замка, по контуру двери разлилось теплое медовое свечение. Три поворота ключа в одну сторону, один — в обратную, придавить и подержать. Свечение опало, и отец еще дважды провернул ключ в скважине, открывая уже обычный, не магический замок.

— Прощу вас, дамы! — церемонно пригласил он нас с матушкой, активировав светильники приказом.

Свет медленно озарял просторную комнату, высокие окна с алыми шторами в черных лозах, высокие шкафы, отцовское кресло за столом и несколько стульев перед ним. Матушка, расправив юбки, опустилась на низкий боковой диванчик, и я последовала ее примеру.

Виторик с эссею Лаугесеном дождались отцовского разрешения, и тоже сели — но на стулья перед отцовским столом, покрытым алым сукном.

Его сиятельство прошел по кабинету туда-сюда и объявил:

— Стефан, мой сын Виторик и моя дочь Нисайем в это воскресенье сочетаются узами брака с назначенными его величеством супругами.

Он взглянул на эссея Лаугесена и счел нужным успокоить верного помощника:

— Ну-ну! Эту свадьбу организывает корона, вот пусть у королевского казначея лицо и вытягивается! Вот брачные договоры, — он достал из воздуха и один за другим поставил перед эссеем два лакированных тубуса: черно-алый и черно-зеленый. — Ознакомься, подготовь. Можешь снять копию со обоих документов в части списков. — продолжил отец, пока казначей вынул сперва договор в цветах Алассов, по которому предстояло получать имущество, а затем — в цветах Вейлеронов, по которому надлежало отдать.

И чем больше он читал второй список, тем грустнее делалось его лицо. Скорбь и мировая печаль проступали на нем, чело прорезали глубокие морщины, а взгляд наполнялся тоской.

Хм, батюшка что, половину герцогства за мной отдал? Судя по отчаянию эссея казначея, никак не меньше!

Его сиятельство, и не думая проникаться страданиями подчиненного, продолжал раздавать указания:

— Имей в виду, всё должно быть подготовлено безупречно, в лучшем виде! Еще не хватало краснеть перед старым недругом из-за какой-нибудь ерунды, по недоразумению не попавшей в приданое или испорченной! Теперь ты, сын. — Его сиятельство развернулся к Виторику. — Как тебе тэйрим Оллена?

— Хорошо воспитана, образована, маг, — охарактеризовал брат последовательно.

Когда в кабинет друг за другом вошли эссеи Мёрк и эссеи Дальгор, батюшка лишь рукой махнул в сторону документов, оборвав приветствия — изучайте, мол.

— Хороша собой, — продолжил наследник герцогского титула. — Решением его величества расстроена, пожалуй, больше, чем можно было бы ожидать в такой ситуации. Возможно, тэйрим Оллена кем-то увлечена...

— Таких сведений нет, — отреагировал на вопросительный взгляд отца Ричард Мёрк, глава разведки и по совместительству правая рука отца. — Если у сестры герцога Вейлеронского и появилась сердечная привязанность, то только в последние несколько недель перед балом.

Он задумался и уточнил:

— Ну, либо она очень ловко всё скрывала...

— Выяснить!

И эссеи Мёрк почтительно склонил голову, принимая

распоряжение к сведению.

— Что ж, с этим разберемся. Теперь следующее. Девицу не обижать! Я дал слово его королевскому величеству за себя и от твоего имени, что в нашей семье к ней будут относиться с должным уважением. Ты на ней женишься, это не обсуждается, других вариантов нет. Мы, конечно, за ней присмотрим, чтобы не увлекалась шпионажем в пользу Вейлерона, но... Это твоя жена, сын. Тебе с ней жить всю жизнь. Рожать и растить детей. Так что дело даже не в том, что этот брак под патронажем его величества — просто глупо обижать свою жену, ведь она же теперь твоя! Член нашей семьи.

Его сиятельство задумчиво постучал пальцами по сукну рабочего стола.

— Так что теперь иди в сокровищницу и подбери там для своей невесты подарок в честь помолвки, достойный маркиза Крионского. Не позорь семью!

Виторик склонил в голову, обозначая, что услышал и понял.

— Стефан, ты слышал? — Отец впился взглядом в тощего и сутулого казначея.

— Да, ваше сиятельство, — чопорно отозвался эссей Лаугесен, всё с тем же страданием на лице.

Удивительный он человек, эссей Лаугесен, и я не знаю, как герцог, распоряжаясь собственными средствами не чувствовал себя так, будто грабит почтенного эссея.

Когда брат и казначей вышли из кабинета, отец вышел из-за стола.

— Теперь ты, Нисайем, — его сиятельство присел на диван между мной и матушкой, и я невольно испытала волнение: папенька не баловал меня вниманием.

Да и вообще своих детей не баловал.

— Ты выходишь замуж, Нисайем, — объявил он.

Что дальше? “Пойди в сокровищницу и выбери подарок тэйру Вейлерону”?

— Не расстраивайся, — отклонился от программы его сиятельство.
— Это ненадолго.

— Вольтур, может быть ты прекратишь уже строить свои многоходовые интриги? — вмешалась в разговор её сиятельство матушка, и это было удивительно, потому что она крайне редко спорила с мужем, по крайней мере — публично.

— Это решение его величества, — продолжила герцогиня, — И законный брак с прекрасной — да, прекрасной, не надо на меня так смотреть! — партией. И Нисайем должна сейчас думать о том, как стать хорошей женой, а не...

Она запнулась под внимательным взглядом отца, но взяла себя в руки и только вздернула подбородок выше, показывая, что не отступится.

— Ричард, Леон, оставьте нас, — властно повелел герцог, и оба эссея безмолвно поднялись из-за стола и покинули кабинет.

Он дождался, пока за спинами его вассалов закроется дверь, и холодно спросил:

— Дорогая, возможно, вам известно, как снять проклятие?

— Нет, — кротко ответила ее сиятельство матушка, и кротость эта была пропитана ядом. — Я знаю только, как его получить!

— Тэя Эмелисса, мы закрыли эту тему! — звякнул раздражением батюшка.

— О, да! — с горечью ответила ему супруга. — Закрыли! Но она почему-то всплывает снова и снова!

В этом и заключалась моя крохотная деликатная особенность.

Я проклята.

Я ведьма.

Предполагалось, что подробностей этой истории я, как приличная тэйрим, не знаю, и в целом, не подозреваю даже о существовании за проклятьем “истории”. О ней при мне и не упоминали — разве что, вот так, вскользь, намеками и обиняками.

Но этого хватило, чтобы догадаться — во всей этой ситуации есть некая неизвестная мне подоплека.

А дальше... Если разумный хочет что-то узнать, то, живя в своем замке с рождения, он уж точно догадается кому можно задать абсолютно невинный вопрос. И с кем в беседе можно бросить ненароком реплику, которая сама по себе ничего не значит, но позволяет убедиться в верности предположений. А если этому разумному еще и некуда спешить — то рано или поздно он соберет разрозненные стеклышки в единый витраж. Может быть, витраж этот и будет отличаться от цельной картины, но исходную задумку мастера рассмотреть позволит.

Дело в том, что мой благородный отец, Вольтур Аласс, герцог

Аласский, был большим ценителем прекрасных дам (о подобном приличной тэйрим тоже знать не полагается, но я и не знаю, честно-честно).

Противоположный пол отвечал ему взаимностью, и от нее нередко случались плоды: в замке Лунь, помимо законных герцогских сыновей, растет с дюжину отцовских бастардов. Герцог принимал эдакие подарки легко, признавая отпрысков, разумно полагая, что правильно воспитанный бастард послужит укреплению рода, и в этом был, безусловно, прав.

Но случались иной раз и подарки совсем другого рода.

Однажды его светлость угораздило обратить свой взор на ведьму. И ладно бы, высокий лорд просто одарил колдунью благосклонностью — так нет же.

Уж чем он ее обидел, мне выяснить не удалось, но ведьмы — существа вспыльчивые, эмоциональные и под воздействием этих своих черт, склонные к решительным и необдуманным поступкам.

Склонны-склонны, я знаю о чем говорю. У нас вообще бездна недостатков, и только силами матушки и ее же неустанными трудами, мне удалось привить хоть какое-то подобие черт, приличествующих достойной тэйрим. И то, удалось ли, привились ли — ох, не знаю. А ее сиятельство матушка и вовсе уверяет, что я неуправляема и совершенно не поддаюсь воспитанию...

У той ведьмы не нашлось никого, кто мог бы приучить ее к благородной сдержанности, и обидевшего ее герцога она неблагородно и несдержанно прокляла.

Его сиятельство на тот момент был вне замковых стен, а походный маг-лекарь никакого проклятия не обнаружил, и батюшка решил, что брошенное ему в лицо “Твои дети будут плакать так же, как я!” было всего лишь запальчивыми словами обиженной женщины.

И лишь когда тэйр вернулся в свои земли, матушка Риксин тут же увидела, что нет, не было, и тут же похвалила высокородного тэйра за недельное промедление. Её дочери, Ните, тогда было уже пять лет, и она утверждает, что от “похвал” доброй женщины тряслись стены их избушки на болотах и ходили ходуном топи.

Это, конечно, неправда — ну не станет ведьма, выжившая и сумевшая выжить с дочерью на руках, а значит, сильная и разумная, орать на своего покровителя и благодетеля. А если и станет, то такой уж

точно хватит сил принять меры, чтобы никто не узнал о подобном.

И его сиятельство герцог Аласский не из тех, кто позволит ничтожной рихте оскорбить своё достоинство. Нет-нет-нет, ни за что! Он — тэйр от кончиков ногтей до кончиков волос, и все его вассалы, все его слуги, знают своё место!

...и уж если бы он такое непотребство позволил, ему-то точно хватило бы благоразумия не допустить утечки сведений!

Так что в этом Нита не то чтобы приврала — мне бы не посмела! Скорее, детская память сыграла с ней шутку.

А с батюшкой — его ответственность. Возможно, брось он все дела и помчись к пригретой ведьме сразу, всё бы обошлось. Но он промедлил, проклятие успело прорасти и рассеяться, матушка Риксин не сумела не то что снять его, а даже верно диагностировать, только определив, что удар придется по детям.

Всех батюшкиных отпрысков — и законных, и внебрачных — тут же проверили, но с ними всё оказалось в порядке.

О том, что герцогиня беременна, стало известно позже.

Когда я родилась, матушке Риксин меня показали немедленно.

Тогда-то и выяснилась страшная правда.

Быть магом — благородно и почетно.

Быть ведьмой — низко, постыдно, позорно!

Ведьмы распутны и порочны.

Ведьмы вздорны, злопамятны, эгоистичны, не владеют ни собой, ни собственной силой.

О нет, я не лъщу себе мыслью, что уж я-то точно не такая, я просто верю, что это описание — собирательный образ, перечень всех пороков, присущих всем ведьмам, а каждой отдельно взятой достается что-то своё, но...

Два-три столетия назад меня, как и матушку Риксин, и её дочь Ниту отправили бы на костер.

А нынче я отправляюсь под венец с Вейлероном, и несу в его семью порченную кровь.

К слову, матушка так и не простила отцу того, что её дитя получило проклятие. Даже внебрачные сыновья его сиятельства раздражали ее куда меньше, чем родная дочь. Бастарды кланялись герцогине при встрече, держались почтительно и знали своё место, не

претендуя на места её сыновей.

Дочь же...

Выплыви правда обо мне наружу, это запятнало бы её имя. Родословная герцогов Аласских известна на десятки поколений и не отмечена ни единым сомнительным предком. Конечно, если всплывет мой дар, то всплывет и информация о проклятии, но, но, но...

Для рихтов ведовской дар — плохо, очень плохо. Для тэйров — хуже не придумаешь.

Он наследуется спонтанно и непредсказуемо, но вытравить его из родословной, если корень зла пущен, уже невозможно — ведьма может появиться и через три, через пять поколений после первоисточника.

К тому же матушке нелегко далось моё воспитание. Воспитать благородную тэйрим из ведьмы и при этом не позволить никому узнать, что она ведьма — задача не для слабонервных. Матушка Рискин перебралась из своих болот в замок Лунь и с самых малых лет лично учила меня, как держать в узде ведьмовскую силу. А единственная её дочь, Нита, пошла ко мне в услужение, чтобы непосредственно контролировать усвоение этих уроков и прятать мой дар за своим. Сама маменька по возможности не спускала с меня глаз, и все в замке были свято убеждены, что герцогиня души не чает в дочери и не представляет себе разлуки с ней.

Но даже этого не хватало, чтобы обеспечить пристойное поведение одной-единственной тэйрим. Я старалась, честно старалась, но...

Что там говорить — выходка с побегом на озеро, во время которой я познакомилась с его величеством Астеем Пятым, была невиннейшей из моих шалостей.

Наверное, узнав о скорой свадьбе, матушка обрадовалась, что отныне мои проказы — не её забота. И тут, конечно, решение его сиятельства расторгнуть брак и воротить проблемную дочь к родительскому очагу, не могло вызвать радости...

Не то чтобы от этой мысли мне захотелось расплакаться — я давно признала за её сиятельством право на недовольство неудачным чадом — но всё же...

Мои родители молчаливо мерились взглядами.

Маменька отвела взор первой.

— Думаю, дорогая, тебе стоит помочь нашему сыну подобрать для невесты подарок, достойный её красоты, — сообщил герцог, и она

склонила голову в согласии, а затем поднялась и вышла.

Бальное платье шелестело парчой, мерцали вышивки и иллюзии...

— Милая, — после непродолжительного молчания обратился ко мне отец, — я понимаю, ты испугана, но на самом деле тебе нечего бояться. Твой будущий супруг при мне дал слово его величеству, что не обидит свою жену и будет относиться со всем надлежащим почтением, и если он это слово нарушит, ты в любой момент, слышишь, в любой, сможешь обратиться за защитой к королю. Что же касается остального — тебе нужно будет потерпеть совсем недолго. Только до тех пор, пока ты не найдешь артефакт Лунь.

Я почувствовала, как мои губы округляются:

— Он же пропал еще до моего рождения! Я даже не видела его ни разу!

— Ничего, это не помешает, — спокойно отозвался батюшка. — Эссей Тирениум после многолетних изысканий и кропотливой работы создал артефакт, который, по его убеждению, способен отыскать артефакт Лунь. Он внимательнейшим образом изучил все исследования его создателя, и убежден, что все работает так, как нужно. При приближении к искомому артефакт поиска начнет нагреваться. Одна проблема — максимальный радиус поиска составляет не более двадцати шагов, а использовать его могут только кровные члены рода Аласс.

Я сидела и хлопала ресницами. Бессчетное количество раз.

Артефакт Лунь — один из самых крупных булыжников преткновения между Алассами и Вейлеронами после Лужков. Он был создан моим прадедом, талантливым магом, и на то время, да и, пожалуй, сейчас, являлся одним из самых надежных средств массовой магической защиты от инородцев. Попадая в поле его действия, они будто получали удар по голове — теряли ориентацию и цель, становились медлительными и бестолковыми, и часто бросались друг на друга, а те, кто все же доходил до стен замка, легко истреблялись.

Артефакт был единственным в своем роде. Он был прочно привязан к родовым землям и не работал больше нигде, но мощь его впечатляла. Благодаря ему герцогство Аласское однажды сумело в одиночку отбить Великую Волну. Отец рассказывал, что несмотря на то, что его дед продал короне свои изыскания, воссоздать артефакт, подобный Лунь, ни у кого не получилось. Почему — неизвестно.

А потом, спустя пару десятилетий, когда герцогом стал сын

создателя и мой дед, артефакт Лунь исчез. Более того, он испарился за несколько часов до малой волны. Оставив земли Алассов абсолютно неготовыми к нападению. Они собирались сражаться с ошеломленными, раздробленными и оглушенными инородцами, а получили в противники полноценную армию.

Вполне возможно, в тот день герцогство бы пало.

Если бы не Вейлероны.

Их армия вторглась в Аласс, отбила волну, защитила равнинные земли, а герцог Вейлеронский снискал благодарность его величества и всеобщие рукоплескания.

Куда мог исчезнуть артефакт и каким образом вейлеронская армия оказалась в нужном месте в нужное время — вопрос оставался открытым.

Для всех, кроме герцога Аласского.

Дед, а за ним и отец, были свято убеждены — и веру их поколебать не мог никто — что пропажа артефакта дело рук родового врага. Другая убежденность касалась того, что Лунь и по сей день спрятан где-то во владениях Вейлеронов, скорее всего, в самом замке Страж. Уничтожить артефакт подобной силы нельзя, разве что вместе с ним уничтожить пару-тройку графств. Вывозить из страны — рискованно. Надежнее всего спрятать там, куда не ступит нога ни одного Аласса...

— Так что тебе, моя девочка, придется хорошенько постараться и поискать артефакт, но награда будет того стоить.

— Хорошо, отец, — послушно кивнула я, и герцог одобрительно улыбнулся мне в ответ.

Мысли роились, как пчелы в улье, но в одном отец был не прав: я не боялась. Вернее, до этого момента — не боялась.

А теперь и впрямь, начала — а вдруг не справлюсь?

— После того, как ты найдешь артефакт, ты позволишь Вейлерону узнать, что ты ведьма, — продолжил отец, — И вот с этого момента, дорогая, уже можно будет начать волноваться. Потому что здесь я вижу два возможных пути. Первый... если исходить из донесений моей разведки, то нынешний герцог Вейлеронский — не совсем подлец. И если это так, то он инициирует развод и вернет тебя домой. Это желательный вариант развития событий. Но видишь ли, дочь, по закону при разводе он должен будет вернуть приданое.

— Воловьи лужки? — понимающе уточнила я.

— Не только. — Отец самодовольно огладил подбородок.

Видимо, исходный список моего приданного действительно претерпел существенные изменения, и я всерьез запереживала за эссея казначея.

Как он вынесет эдакие убытки?

— Но Медовую долину в первую очередь, — признал отец задумчиво, — И самое главное — после этого Вейлероны не смогут на нее претендовать. Приняв их как твое приданое, герцог Вейлеронский юридически признал законность нашего владения спорными землями. Если он вернет их, у него больше не будет оснований для претензий, даже таких сомнительных, как нынешние. Поэтому нельзя исключать второй вариант развития событий. Есть вероятность, что твоему супругу покажется более выгодным... овдоветь.

У меня по спине пробежал оч-чень неприятный холодок.

— Ниса, это маловероятно. — Отец сжал мою ладонь, — Но не рассматривать такую возможность нельзя. До бракосочетания еще шесть дней, мы успеем как следует всё обдумать.

Конечно, мне следовало бы испугаться — моей жизни никогда еще не грозила сколь-нибудь серьезная опасность, но вместо этого я осторожно спросила:

— Ваше сиятельство... а как же вы?

И пояснила непониманию в отцовских глазах:

— Когда правда обо мне откроется... разве его величество не будет на вас разгневан? За то, что вы не рассказали обо мне?

Герцог чуть улыбнулся:

— Дорогая девочка, если бы я сам пришел к герцогу Вейлеронском с предложением брачного союза — это было бы бесчестьем. Но Алассы не хотели этого брака. Со своей стороны я сделал всё, чтобы избежать его, я сопротивлялся даже в ущерб своему роду — только мне все равно не оставили выбора. А разглашать тайну проклятия — с чего бы это? Я действовал в интересах своего ребенка.

Я задумчиво разгладила юбку на коленях. Черная вышивка на алой ткани...

Ситуация требовала всестороннего осмысления.

— Ваше сиятельство, а что будет потом? — задала я прямой вопрос в надежде получить прямой ответ.

И не прогадала.

— Скандал, — совершенно спокойно признал отец. — Насколько громкий, будет зависеть лишь от того, пощадит ли Вейлерон свою сестру. Ее тоже заденет, если история получит огласку, ведь на тот момент она будет принадлежать роду Аласс. Так что есть шанс, что он ограничится узким кругом в своих претензиях — ты, я и его величество. Если же нет... Что ж, так тому и быть. Не переживай, моя девочка, твой отец о тебе позаботится. Дело за малым.

И впрямь, что это я! Выйти замуж, найти пропавший полвека назад артефакт, объявить о своем проклятии, развестись. Неплохая программа на ближайший сезон!

— Есть ли у тебя еще вопросы, дитя мое?

Вопросы?

В голове было тесно от мыслей и переживаний. Было ощущение, что там, под стенами бастиона под названием “Благородная тэйрим Нисайем” собралось народное собрание, которое вопит на разные голоса, рыдает, хохочет, злится, надеется и еще много-много всего разного испытывает. Сил защитников крепости прямо сейчас хватало лишь на то, чтобы эту ораву держать в узде. Организовать их на выступления по очереди — уже нет.

— Мне все понятно, папенька. — Я послушно склонила голову.

— Ну и славно! Сейчас я приглашу обратно эссеев, они выдадут тебе досье на всех обитателей и известные нам планы замка и вейлеронских земель. Будешь учить!

Дело за малым, говорите, папенька?

И защитники бастиона, и челядь застонали в один дружный голос.

Глава 4

— Добро пожаловать в Вейлерон, герцогиня.

Негромко прозвучало у меня над ухом, когда перед глазами перестало мелькать смещенное пространство портала. Столичный портал в Вейлероне был расположен на просторной центральной площади столицы герцогства — Антры, сейчас полностью забитой народом.

Блеснули на зимнем солнце трубы, взлетая вверх, и пропели весть — герцог Вейлеронский вернулся на свои земли. Замерла в неподвижном молчании пестрая толпа.

— Его сиятельство герцог Алиссандр Вейлерон с супругой, ее сиятельством Нисайем Вейлерон! — объявил герольд.

И пока мы шли до открытого экипажа, с ликующим “Славься!” со всех сторон молодоженам под ноги полетело зерно, сладости и мелкие монеты — жители герцогства желали своему владельцу счастливого, сытого и многочадного брака.

Герцог подал мне руку, следом сел сам. Кучер чуть шевельнул поводьями, и безупречно выученные кони тронулись с места шагом сквозь расступающуюся толпу. Я старательно улыбалась, кивала и время от времени махала рукой, как учили.

К моему огромному облегчению, выкрики были всё больше приветственные, да и враждебности от собравшегося на площади народа

я не ощущала. Более того, на меня смотрели даже скорее восторженно — белое подвенечное платье, знак невиданной монаршей милости, думаю было тому не последней причиной.

Королевский белый вместо родовых цветов Вейлерона ясно давал понять всем, что эта девушка — выходит замуж под протекцией короны.

И только изумрудно-зеленая фата оставалась данью традиции...

...Тэйрим Оллена шла к алтарю в точно таком же платье, только цветом фаты невесты и различались.

Кутаясь в снежно-белую накидку, прилегающую к платью, я усмехнулась.

По нашим обычаям, в брак каждая тэйрим вступает, одетая в свои родовые цвета, а сразу после церемонии переодевается в цвета жениха, и на свадебный пир выходит уже в них. К подготовке собственной свадьбы я касательства не имела и была уверена, что как только мы покинем дворцовый храм, предупредительные дворцовые слуги перехватят меня и уведут переодеваться.

Каково же было моё удивление, когда после обмена брачными клятвами, с меня просто сняли алую фату и накинули ее на тэйрим Оллenu, а на меня надели её, зеленую!

Судя по всему корона изрядно потратилась на эти пройдоховы свадьбы, поэтому стремилась сэкономить хоть на такой малости, как второй комплект свадебных платьев!

На миг эти кощунственные мысли вытеснились другими воспоминаниями...

Под высокими сводами богато украшенного семейного храма Герингемов, голос жреца, читающего брачное благословение звучал внушительно и сочно. У меня подрагивали коленки, и под фатой ужасно чесался нос, и чтобы не думать ни о том, ни о том, я сверлила взглядом треугольник жреческого медальона. Маменька была бы недовольна, она терпеть не могла, когда я сидела, уставившись в одну точку, несмотря на то, что загорелась точка от этого всего один раз!

Поэтому финальный аккорд церемонии застал меня врасплох. О том, что жрец дозволил женихам поцеловать своих невест, я поняла, только когда меня легонько потянули за локоть, разворачивая к себе лицом. Фата взлетела вверх и я торопливо выпустила нервно закушенную губу.

Карие глаза так близко, что в них, кажется, можно утонуть, прикосновение к затылку, едва осязаемое, кончиками пальцев, и поцелуй. Сухие твердые губы. Как печать. Раз, два, три...

И горячая дрожь волной по телу.

Я усилием воли отогнала эту картинку, напомнив себе, что женщины из рода Аласских не дрожат от страха — они заставляют дрожать своих врагов!

Вскинув подбородок выше, я улыбнулась толпе еще приветливей, стараясь не думать о том, что все эти люди присягали на верность Вейлеронам. У меня среди них союзников нет.

Кроме...

Экипаж как раз выехал с площади на главную городскую улицу, и я покрутила головой, запоминая: второй переулок от площади, угловой дом с синей крышей.

Нет, всё же, союзники у меня здесь есть: отец позаботился!

Пока мы медленно добирались от портальной площади до городских ворот, я, несмотря на накидку, успела продрогнуть. Мой муж — боги, у меня теперь есть собственный муж, и с этим нужно как-то смириться! — заметил это и сделал трудноуловимое движение рукой. Тепло волной окутало меня от ног до макушки и развеялось, но противная мышечная дрожь прошла, и холод больше не докучал. Я чувствовала себя так, будто только-только вышла из теплого помещения на мороз, и он был даже приятен.

Ну и подумаешь! Отец тоже так умеет! И Виторик! И вообще любой из братьев, и даже её сиятельство герцогиня! И я бы тоже умела, если бы была магом!

От городских ворот к замку вела широкая ровная дорога, и кучер шевельнул вожжами, подгоняя лошадей, верховая охрана, по бокам тоже прибавила шаг, а вслед за ними ускорились и экипажи с прочим сопровождением.

До громады вросшего в скалу замка Страж мы долетели в миг. Я даже не успела толком наvertеться головой. Хотя было бы на что там смотреть, вот у нас!..

В какой-то момент я поймала на себе внимательный взгляд новообращенного супруга, молчаливо присутствующего рядом и, против воли, чуть расправила плечи и на два градуса подняла подбородок. Так мы и прибыли — герцог и его герцогиня. Мать-Искусница, неужели это

правда я?..

Внутренний двор замка был полон. Слуги выстроились по рангу ровными рядами. У основания парадной лестницы стояли домочадцы герцога Вейлеронского — те, кто не попали на свадебную церемонию во дворце, но, тем не менее, являлись членами семьи.

Алиссандр Вейлерон покинул остановившийся экипаж, открыл дверцу с моей стороны, и протянул руку, помогая спуститься.

Замковый двор замер.

— Слушайте, жители Вейлерона и замка Страж! — звучный голос прокатился по мощеному плитами двору, отразился от темно-коричневых стен и улетел в прозрачное зимнее небо, — Ныне в нашем доме радость, милостью богов и короля, я обрел законную жену, тею Нисайем из рода Алассов.

Традиционная речь упоминания королевской воли не содержала, но и традиционный брак — тоже, и мне стоило усилий не показать, что мне смешно.

А Вейлерон продолжил, и слова, не менявшиеся столетиями, пришивали меня к реальности происходящего, а нас — друг к другу. Я, кажется, начинала верить, что все на самом деле-таки случилось...

Моя рука — в его руке, и коже жарко и странно, и невесомо, и я сжимаю во второй руке жесткий парчовый подол платья, и он кажется мне последним надежным якорем в этом мире, не стань его — улечу!

— Ныне я всем представляю герцогиню Вейлеронскую, и прошу вас позаботиться о ней, так же как и она будет заботиться о вас!

Он отпустил мою ладонь, и я шагнула вперед, а Вейлерон — на полшага позади, неся бархатный кошель с растянутой во всю ширь горловиной.

Даже не глядя, я протянула руку назад и вбок, и зачерпнула оттуда горсть монет, а потом по одной вкладывала полновесные золотые в протянутые ко мне ладони, повторяя:

— Принял мой подарок — прими и мою руку...

Мы не спеша обходили двор и выстроившихся слуг, и каждому достался традиционный господский дар, и я все повторяла и повторяла положенные слова, а Алиссандр Вейлерон возвышался за моим плечом невозмутимой скалой.

В просторном холле (зеленые портьеры и ковровые дорожки, темно-зеленый магически измененный плющ, заплётший стены) меня

представили членам семьи, не присутствовавшим на церемонии во дворце.

Младший брат, младшая сестра — совсем младшая, в отличии от тэйрим Оллены. Вернее, ныне уже тэи Оллены.

Дяди, тетушки, кузены и кузины.

— Приятно познакомиться! — склонила я голову, принимая заверения в невозможнейшем счастье видеть меня от мужчин и реверансы от дам.

Знакомство, правда, вышло несколько односторонним: отцовскими стараниями, я Вейлеронов заочно уже знала.

Не сомневаюсь, что и они меня...

Сразу после родственников тэйр супруг представил мне дворецкого и экономку — высокого сухопарого старика, и дородную женщину, примерно в одних годах с тэей Керолайн, матушкой драгоценного моего супруга, суровую даже с виду.

— Счастлива служить вам, ваше сиятельство! — сообщила экономка, и я затосковала.

В безупречно почтительном голосе счастье и не ночевало.

— Позвольте, я сопровожу вас в ваши покои, — супруг предложил мне локоть, и я покорно его приняла.

Алиссандр Вейлерон вел меня по лестницам и переходам замка, и попутно рассказывал о нём, с непринужденностью и лёгкостью, что свидетельствовали о глубоком знании предмета и немалой любви к нему.

Замок Страж был красив.

Все ключевые замки предгорий велики, и Страж — не исключение.

Он был укреплен и богат — приграничная крепость людских земель и родовое гнездо герцогов Вейлеронских

А еще он был любим — и это чувствовалось в тысяче мелочей, не бросающихся в глаза, но составляющих надежное свидетельство неустанной бережной заботы.

Выпестованный, холёный...

От того обиднее было ощущать неодобрение и сдержанную враждебность темно-красного великана.

...А покои мне отвели огромные. На четвертом, самом верхнем этаже, с просторными комнатами, высокими узкими окнами, богато обставленные..

Кто-то уже занес сюда сундуки с той частью моего приданного, которой мне доведется пользоваться в браке, и теперь они громоздились вдоль стен, пряча внутри ткани, украшения, наряды. Дамские мелочи, которые не передаются в казну супруга, а остаются жене “на память” об отчем доме.

Таких мелочей, в моем случае, набралось три десятка сундуков.

Три. Десятка. Сундуков.

Прикинув объем этих ало-черных монстров, я заподозрила, что внутри могли просто насыпать камней. Исключительно в пику Вейлеронам. Потому что такого количества вещей у меня никогда не было!

“А ведь всё это потом придётся домой забрать!” — мелькнула каверзная мыслишка, и я на миг повеселела, представив, как два герцога будут до искр из глаз спорить, чей в этот раз черед таскать этих чудовищ, вместе с их неведомым содержимым.

Его сиятельство супруг тоже зацепился взглядом за новый предмет интерьера в отведенных супруге покоях, только, в отличие от меня, нахмурился.

Странно, с чего бы? Он же наверняка не знает, что внутри — камни?

Или знает? Успел проверить?

Полно, да когда б!

Но если не знает, отчего такой хмурый?

Мысли мои прервал сам Вейлерон:

— Ваше сиятельство, тэя Нисайем, я счастлив видеть вас своей женой!

“А уж я-то как счастлива!” — ремарку я удержала, но мысль попробуй удержи!

— Мой дом — ваш дом, отныне и навек, — продолжил герцог.

Я бы не была столь категорична со сроками... Но кто я такая, чтобы спорить?

— В случае, если вам что-нибудь понадобится — обращайтесь ко мне в любой момент! — закруглил расшаркивания супруг.

— А если не понадобится? — не усидел под гнетом благородного воспитания дурной мой характер.

— Тогда — не обращайтесь, — великодушно дозволил супруг с полнейшей невозмутимостью, но клянусь, в его глазах скакнули

смешинки!

Я видела, видела!

А затем эта... это... этот тэйр сгреб мою кисть — ладони уже привычно стало жарко, а животу щекотно, но это было только началом! Склонившись, он поцеловал мне руку, но...

Он наверняка что-то со мной сделал. Магически. Иначе не объяснить это странное тепло, волной прокатившееся по животу и груди, и дрожь где-то внутри, и тревогу в сердце.

Я вырвала кисть, с испугом уставившись на него, понимая, что веду себя неприлично, но...

Герцог Вейлеронский нахмурился.

Уймись, Нисайем! Возьми себя в руки: он здесь бог и господин, и ты в полной его власти, а потому постарайся-ка его не злить!

...еще больше.

Меж темных бровей залегла складка.

И я торопливо присела, разом вспомнив все положенные случаю слова благодарности и уверения, что вижу нашу дальнейшую супружескую жизнь исключительно счастливой, но Вейлерон, кажется, не слышал.

Все то время, пока я, уцепившись за спасительный этикет, сыпала горохом слов, он смотрел на меня, как будто разглядывал что там, внутри, за оболочкой.

И увиденное ему не нравилось.

— Вам нужно отдохнуть перед ужином. Я пришлю к вам экономку, эссу Линэд. Она поможет вам во всем.

Дверь из каррского дуба мягко закрылась за Алиссандром Вейлероном, когда он покинул мои покои.

Ой, ну и подумаешь! Ты мне тоже не очень-то понравился!

Он ушел — а я осталась.

Конечно, я могла бы сесть и плакать — мне здесь все не рады, замок, и тот глубоко не одобряет, а я, между прочим, хорошая!

Сами собой вспомнились бесконечные проделки, ее сиятельство герцогиня, с каменным лицом вззирающая на бедовую дочь, и матушка Рискин, простецки хватавшаяся за голову всякий раз, когда приходилось скрывать последствия моей небрежности.

Ну... Не самая плохая!

А выделенные мне покои были оформлены в сизо-лиловых тонах.

Здесь было красиво и светло... Я сняла меховую накидку, и совсем уже собралась отправиться исследовать свои владения, и всячески в них обжиться, но не успела — в дверь постучали, и эсса Линед попросила позволения войти.

А я что, я позволила.

Вслед за хранительницей порядка замка Страж, как гусята за гусыней, вошли горничные, все как одна, в скромных глухих платьях и длинных передниках, и набрался их почти десяток.

Вошли, выстроились рядом, почтительно и благовоспитанно глядя куда-то в район моего подола, и замерли.

— Её сия... тэя Керолайн распорядилась привести к вам служанок, чтобы вы могли выбрать камеристку и двух горничных, ваше сиятельство, — экономка присела в реверансе. — У первых двух девушек есть навыки, необходимые для службы камеристкой вашего сиятельства. Если они вас не устроят — подберем другую.

Я обвела взглядом ровный строй. Все молодые, крепкие и симпатичные.

Забавно, а матушка смазливой прислуге не терпела. Во всем замке Лунь из смазливых служанок были белошвейка, творившая иглой и нитью чудеса безо всякой магии, да мои Нита с Анабелью.

Мысль мелькнула, и сгинула, а я пошла вдоль ряда.

Платья с передниками у всех чистые, волосы убраны под чепцы, а сами уборы накрахмалены — все девушки опрятны.

Головы склонены, и взгляды не выше моей спины. Руки натруженные, но с аккуратными чистыми ногтями.

Я присмотрелась особенно внимательно.

Все нервничают.

Боги, да какая мне разница, я все равно о них ничего не знаю!

— Вторая, пятая и шестая, выйдите вперед.

О, считать умеют все — вышли вперед ровно названные, остальные даже не шелохнулись!

— Элис, Дора и Кейт, — назвала имена эсса Линед, и девицы присели каждая в свой черед. — Отныне вы служите лично её сиятельству герцогине, остальные могут вернуться к своим обычным обязанностям. Кейт и Дора — разберите вещи её сиятельства. Элис, ты поможешь её сиятельству переодеться!

Замашки у этой эссы Линед — как у капитана замковой гвардии.

И плотное ощущение недовольства, никак не проявляемое внешне.

Мне мне сноровисто и ловко помогли сначала раздеться — драгоценный наряд, подаренный королем, отделанный жемчугом, алмазной крошкой и иллюзиями, был унесен в гардеробную самолично эссой Линэд. Затем облачили в домашнее черно-зеленое платье — и, получив разрешение, покинули будуар, отправившись помогать с разбором вещей.

Горничная Кейт присоединилась к двум другим девушкам, а куда направилась экономка, я понятия не имела.

Я устало опустилась в кресло у камина, погладила подлокотник — всё же, не каждый день выхожу замуж.

Сизый бархат обивки менял цвет на серый там, где по нему проводили ладонью, и снова сливался с общим фоном, когда возвратным движением я приглаживала ворс.

Забавно.

В замке моих родителей горничные ни-ког-да не позволили бы себе наводить порядок в господских покоях, пока там их хозяйка. Только когда комнаты пусты!

Недопустимо беспокоить благородную тэю такими низменными вещами, как уборка.

И даже Нита и Анабель, которые были для меня скорее наперстницами, чем прислугой, знали и придерживались этого правила.

Это... что? Демонстрация, что я здесь пустое место?

Да и оговорка экономки в самом начале. Не была ли она преднамеренной либо случайной попыткой показать, что герцогиня в этом доме по-прежнему тэя Керолайн?

Горничные переносили мои вещи мои вещи из гостиной в гардеробную, что примыкала к спальне с противоположной стороны от будуара.

Кому вообще пришло в голову составить сундуки в гостиной?.. Почему их сразу не отнесли в гардеробную?

Опустив веки, я прислушалась.

Особым, ведьмовским образом.

Из гостиной тянуло только сосредоточенной старательностью и некоторым напряжением людей, не знающих, что им ожидать в ближайшем будущем, а вот изумлением, испугом либо шоком — не тянуло.

Значит, камней в сундуках всё же не оказалось.

Ну, ничего, может, они еще просто до них не дошли, хе-хе!

И надо бы выйти, и проследить за тем, что и как делают с моими вещами, но...

Но не хотелось.

Я устала, я испугана, я никогда не оказывалась в столь... в столь недружественной обстановке, я хочу спрятаться, вот в этом кресле свернуться комочком, и никуда никогда не идти!

Истинная тэя через эти постыдные желания, конечно же, переступила бы.

А я — поддалась.

К тому же, сундуки с по-настоящему ценными вещами магически опечатаны, откроются только в моем присутствии, вообще...

...и вообще, самый главный камень отец Вейлерону уже подложил.

Я вспомнила один из многих разговоров с отцом, которых много было в эту неделю, куда больше, чем до этой внезапной и нелепой помолвки, устроенной его величеством из ничего.

Тогда я набралась смелости прямо спросить его сиятельство о том, как я буду жить после? Ведь даже если Вейлерон промолчит о ведьмовстве, не пожелает бросать тень на сестру и ее дете, то я всё равно останусь разведенной, с пятном на репутации... Что я буду делать?

— А что хочешь, — как-то удивительно просто ответил герцог. —

Просто жить, как тебе нравится. А захочешь — я тебя снова замуж выдам.

Отцовское спокойствие было заразным, и я чуть улыбнулась этой мысли — да уж, замуж, после развода-то! И с серьезным видом ответила:

— Хочу!

— За кого? — с одобрением в голосе поинтересовался герцог.

— За Астея Пятого! — мстительно выдала я, любуясь, как его сиятельство батюшка поперхнулся воздухом.

И невинно пояснила:

— Он осчастливил браком меня, я — его, по-моему, всё честно!

И уж чего я не ожидала, так это того, что у его сиятельства загорятся глаза, и он примется прокручивать варианты:

— Так-так, наследовать твои дети в любом случае не будут,

превоочередной наследник — принц Филлип и его дети от принцессы Рейнары, можешь хоть вообще не рожать... Для того, чтобы управлять дворцом, есть Рейнара... Что разведенная — так ведь брак его величества с тобой будет не первый, “правильный” наследник уже есть. Что ведьма — туда же... Так-так-так, какие перспективы!

Да-а-а... кажется, недооценила я батюшкиной мстительности и того, насколько эта история ущемила его самолюбие!

Интересно, я всё еще пошутила, или уже удачную идею подала?..

Я вынырнула из воспоминаний, улыбаясь — всё же, у его сиятельства с его величеством очень странная дружба.

Я прислушалась, что происходит в гостиной-спальне-гардеробной. Оттуда так и тянуло устойчивым ощущением тревожности и старательности.

Я тяжело вздохнула.

“Выберите камеристку!”

Дома за обязанности моей камеристки толкались плечами Нита и Анабель. Нита считала, что она ведьма, и потому всегда должна быть рядом, чтобы прикрыть в случае нужды, и вообще, это ее назначил на это место мой отец! А Анабель была свято уверена, что уж никто лучше нее не защитит бедную беззащитную девочку от врагов.

В герцогском замке у герцогской дочери естественных врагов было не много, но кого когда такая мелочь останавливала?

Нет-нет-нет, при мне они никогда ничего подобного себе не позволяли, и даже неприязнь, хлещущую через край, старались придерживать.

Но это не мешало мне время от времени в самых неожиданных местах замечать признаки борьбы не на жизнь, а на смерть.

Грызня прекращалась в одном-единственном случае.

Горе, горе служанке, скверно почистившей мои ботинки, беда швее, проложившей неровный шов на плтье. Две гарпии прекрасно отработали тактику совместной охоты!

Швее, вызвавшей недовольство заклятых подружек, вообще проще было сразу прыгнуть с замковой стены в замковый же ров, пересечь его вплавь, умчаться в Предгорья и затаиться там до конца жизни, потому что Нита с Аной завели скверное обыкновение брать в союзницы ту самую белошвейку с золотыми руками.

К золотым рукам прилагалась соответствующего веса

профессиональная ревность.

Я хочу домой.

Там всё надежно, любимо.

Там не тянет неприязнью из-под каждой двери, там и замок на моей стороне, и даже ее сиятельство, пусть и недовольна своей дочерью, но ведьмино чутье все же шепчет, что она искренне обеспокоена.

Повезло Вейлерону, что он маг — у магов природная защита, с ними чутье не работает. Только с давними знакомыми. И еще с кровными родственниками, наверное. Но я со всеми своими родственниками давно знакома, так что тут точно не знаю, только предполагать могу.

Да и вообще, магам хорошо — у них все стандартно, надежно и постоянно.

А вот у ведьм...

Матушка Рискин, кося глазом по сторонам — не видит ли кто, как она учит герцогскую дитятю, чему не велено? — рассказывала мне, чем ведьмы отличаются от магов, и за что вторые не любят первых:

— Вот если взять десяток магов, и велеть каждому применить одно и то же заклинание, вложив строго отмеренное одинаковое количество силы — у них у всех итог одинаковым выйдет, — она усмехнулась.

А я как-то ярко представила: десять магов, все плечистые и крепкие, девиц нет ни одной, хотя у женщин магия и бывает, но разве ж они маги? Так, декоративные фитюльки за спинами своих мужчин. А маги стоят, выстроившись ровным рядочком.

Усатый командир со строгим взором, стоя за оградой, приказывает им — “Огонь!”, и они, все, как один, дружно вскидывают правую руку, сложив пальцы знаком огня, выдохнув магическое слово. С пальцев каждого по высокой дуге ярким прочерком летит заклинание, и врезается в мишень, разнося ее в сочные солнечные брызги.

Картина эта, не единожды подсмотренная на тренировочном поле за казармами, живо встала перед глазами.

— А вот если взять десяток ведьм и повелеть им применить одно и то же заклинание, — продолжила матушка Рискин, — То у одной выйдет одно, у второй другое, у пятой пятое, а у половины и вовсе ничего не получится.

Теперь перед мысленным взором стояли сплошь девицы.

Все молодые — старую ведьму шиш поймашь, только Пройдоху рассмешишь, — все симпатичные, но какие-то растерянные.

Суровый усатый командир хмуро окинул их взглядом, и рявкнул:
— Стать в строй!

Некоторое время ведьмы бестолково метались внутри ограждения, как нервные козы, не зная куда приткнуться, а суровый усатый командир, оставив пост за оградой, носился среди них и вокруг, попеременно ругаясь, уговаривая построиться и угрожая сжечь пройдохово племя на очистительном костре во славу Отца-Воина и Матери-Искусницы.

Потом долго объяснял, что именно нужно сделать — собранные по глухим углам, по лесным сторожкам и болотным избушкам, ведьмы плохо понимали, что значит, “пальцы в третью позицию”, “вложить три капли силы” и “спусковая лексема”.

К моменту возвращения на место за оградой, командир изрядно вспотел и был встрепан, и даже усы топорщились теперь нервно.

Три, два, раз...

— Огонь! — скомандовал он.

Сосредоточенные ведьмы, повинуюсь приказу, махнули руками, как было показано.

У одной мишень повалило ветром, и, падая, она зацепила соседнюю, все остальные остались стоять, как ни в чем не бывало. Одна растерянно мялась, потому что ограда вокруг полигона загорелась, еще две ругались — “Это из-за тебя! — Нет, это ты виновата!”, и неизвестно, что они имели в виду, но вот-вот должны были вцепиться друг дружке в косы. Одна плакала, потому что у нее ничего не получилось.

Над полигоном медленно собирались тучки, обещая нешуточную грозу.

Возможно, из нее в итоге ударит молния, и поразит-таки мишень своей создательницы. Но это не точно.

Матушка Рискин покатала слова на языке, подбирая те, что лучше всего разъяснят мне суть.

— Магия — стабильна. Она дастся каждому, кого боги наделили силой, старательностью и каплей таланта. Именно в такой очереди. А ведьмовство... оно капризно и переменчиво. И преуспее ли в нем ведьма, зависит всецело от того, сколько ей боги отмерили таланта и

старательности — сдобрив это самой малой каплей силы.

Из ее слов выходило, что магия — это наука, а ведьмовство — искусство.

— Это у магов всё всегда одинаково, и зависит только от личной силы да количества зазубренных заклинаний, — продолжала между тем болотная ведьма. — А у любой ведьмы всегда — свой путь, и он иной, чем у ее товарок.

Рискин покачала головой:

— Вот если десяти магам повелеть зажечь на расстоянии магический фонарь, они сделают это одним-единственным способом.

В моем воображении все десять магов, стоя красивой шеренгой, дружно сосредоточились и щелкнули пальцами, и десять фонарей налились мягким молочным сиянием под довольное кряканье командира.

— А если же повелеть то же самое десяти ведьмам...

— Тэйрим, не надо, молю вас! — запаниковал воображаемый седуусый.

— То они сделают это десятью разными способами, при том у половины опять не получится, или же получится не то — не терпит ведьмовство принуждения. Опыт и волю ведьме надо иметь, чтобы по приказу колдовать.

На воображаемом полигоне мрачно моросил дождь, хмурые ведьмы сгрудились в кучу и поглядывали на меня недобро. Одна снова рыдала.

Я потрясла головой, отгоняя безумное видение.

А Рискин, не ведая, что творится в головушке у ее подопечной, продолжила:

— А еще ведьмы сварливы, влюбчивы, мстительны. Сила их в чувствах, и оттого чувствуют они ярко. И от этой яркости, бывает, делают то, чего не сделали бы, живи они разумом. И не так чтоб редко бывает... — она нахмурилась каким-то своим мыслям. — Ведьм не любят за это. За то, что может чуть что — полыхнуть, что твоё сухое сено, и такого наворотить, что сама потом сама восплачет. А может, и не восплачет...

Покривишись лицом, Рискин признала:

— Наша сестра тоже разная бывает. Одна в сердцах почесуй нажелает, потом стыдом мается, другая черным мором проклянет, и

совесть не шелохнется.

И что-то такое было в ее голосе, что мне показалось — видела она таких. Тех, кто способен без раскаяния моровое поветрие поднять.

— Но есть у ведьмовского дара и плюсы перед магическим: мага обнаружить может любой, ведьму — только другая ведьма, да и то, иные умелицы и от сестер по дару прятаться умудряются. Мага можно определить по колдовству, ведьму только по последствиям. Когда маги колдуют, всегда есть какие-то признаки, и они заметны даже тем, кто не наделен даром. Свет, звук, тепло или холод... А дрожь самой силы легко почувствует любой одаренный, если пожелает. У ведьмы это всё может быть, может не быть, а может, как сама пожелает, коли ловкая да умелая. И пусть в силе нашей сестре обычно с магами не тягаться, но иной раз ведьма может и такое совершить, что ни одному магу не повторить — таким уж даром нас Пройдоха наделил, что порой мы и сами не знаем, чего от себя ждать.

Она улыбнулась мне, и продолжила:

— Все мы, ведьмы, разные. По силе, по умению, по норову. К нам идут те, у кого на магов серебра не наберется, или тогда, когда маги помочь не сумели. За помощью — идут, но стоит где чему подозрительному стрястись... — помолчала, и совсем уж грустно завершила, — Если рядом с селением обживется ведьма, то со всеми бедами — к ней, но и все беды — от неё.

Рискин перебралась в замок Лунь в тот год, когда родилась я, единственная дочь и последний ребенок — после того злосчастного проклятия герцог принял меры, и детей больше не заводил. А до того матушка Рискин обретала на болотах, а еще до того успела побродить по королевству — и быть может, не только нашему, — пока не обзавелась дочерью и не вернулась в родные края с ней на руках.

Она много повидала, и хоть и дорожила безопасностью и сытостью нынешнего своего места, всё равно оставалась истинной ведьмой.

Герцог не желал, чтобы его дочь учили чему-то помимо самоконтроля, и строго следил за этим. Матушка Рискин, хоть и не смела перечить воле благодетеля, умудрялась её обойти. Не перечая.

К слову, именно так я и поняла одну нехитрую истину: если ты нанимаешь мага, он делает, что повелишь, а если нанимаешь ведьму — она делает, что пожелает.

Хвала богам, что я все же не совсем такая, как настоящие ведьмы.

Я, все же, живу скорее разумом, чем эмоциями.

Найдя взглядом часы, я вздохнула и потянулась к висящему на удобном расстоянии между креслом и зеркалом шнуру звонка.

Пора было собираться к ужину.

Глава 5

В столовую меня сопровождали под конвоем. Нет, конечно, я понимаю, что откуда бы мне знать, как туда пройти, так что сопровождение было необходимо. Но не всех же трех горничных разом! Я чувствовала себя на редкость глупо, пока одна указывала дорогу, а две другие вышагивали позади на почтительном расстоянии. Это в замке Страж порядки такие или ко мне особое отношение?

— Ее сиятельство, герцогиня Вейлеронская, — сочно провозгласил дворецкий, и конвой, почтительно присев отстал.

Оказалось, я явилась последней, хотя за временем следила и была уверена, что не опоздала ни на минуту. Под перекрестными взглядами вражеского семейства было зябко и неуютно — лишняя, нежеланная гостья. И доброжелательные маски этого не скрывали.

Впрочем, были и равнодушные. И даже заинтересованные.

В очередной раз коснувшись губами моих пальцев — еще немножко и я, пожалуй, начну привыкать, мурашки будут носиться не хаотично, а организованным строем! — герцог без лишних слов проводил меня на мое место во главе длинного стола, а сам отправился на свое — напротив, далеко-далеко, через стройные ряды серебряных блюд.

Все прочие заняли места согласно положению и заслугам. И из «всех прочих» положение только трех человек всерьез меня волновало.

Вдовствующая герцогиня сидела посередине между мной и сыном. Отец характеризовал ее как даму слегка вздорную, но предприимчивую, и советовал найти общий язык. Не то, чтобы она имела на сына такое уж сильное влияние, но была хозяйкой Вейлеронских земель на протяжении уже нескольких десятилетий и об этом забывать нельзя. Кроме того, королевская свадьба у тэи Керолайн восторга не вызвала — она давно и прочно решила женить сына на своей дальней родственнице и даже почти женила, по донесениям разведки помолвку собирались объявить весной.

Эта самая родственница — тэйрим Сириль, дочь графа Вайрона, воспитанница и компаньонка герцогини, занимала место по левую руку

от меня, и оставался открытым вопрос, зачем нужно было усаживать рядом состоявшуюся жену и несостоявшуюся невесту. Она была из близкого Вейлеронам рода, она была сильным магом, и она была белокурой красавицей. Или все, что вам нужно знать о той, чье место вы заняли.

Тэйрим Сириль улыбалась крайне любезно и приветливо, а мне до чесотки хотелось демонстративно проверить бокал на наличие яда.

Третья из интересующих меня дам сидела почти что напротив герцогини. Чуть ближе к герцогу, чуть дальше от меня.

Эсса Мириам Клэвлин, молодая вдова почтенного эссея Клэвлина, еще одна компаньонка вдовствующей герцогини.

И нынешняя любовница его сиятельства моего дорогого супруга.

Мне было не очень хорошо ее видно за широкими плечами троюродного герцогского брата, но по иллюзорному портрету я прекрасно помнила яркую брюнетку с пронзительно-голубыми глазами. Она была старше нас с Сириль на пять лет, но вряд ли это как-то играло в нашу пользу, скорее даже – наоборот.

Не то, чтобы мне было какое-то дело до женщин тэйра Алиссандра, всего лишь временно исполняющего обязанности моего супруга. Но папенька утверждал, что женщины – создания непредсказуемые и внезапные, и совершенно нельзя предугадать, как они поведут себя при появлении на игровом поле новой фигуры под названием «жена», а потому мне стоит быть осторожной и очень внимательной, и не выпускать этих трех из виду. А когда я, все еще не до конца понимая, осведомилась, к чему же мне надо быть готовой, его сиятельство герцог мрачно и торжественно отозвался: «Ко всему!».

И все равно, стремительное наступление почти сразу после того, как отзвучали поздравительные тосты и было подано первое блюдо, застало меня врасплох. Зато вопрос “зачем нужно было сажать рядом?”, отпал сам собой!

— Крайне рада знакомству, ваше сиятельство, — с достоинством произнесла тэйрим Сириль, когда над столом зазвучал негромкий гул повседневных разговоров. — Мы с тэей Керолайн так рады новому лицу в замке Страж. Надеюсь, с моей стороны не будет вольностью предложить вам присоединиться к нам завтра в зимней оранжерее. Мы сейчас работаем над розами для весенней выставки магического искусства...

Вот так вот прямо не в бровь, а в глаз!

— Я не маг, тэйрим Сириль, — вежливо отозвалась я, — но я с удовольствием полюбуюсь вашей, несомненно, искусной работой, и выскажу о ней свое мнение.

— Ох, простите, ваше сиятельство, — девушка потупилась. — Очень глупо с моей стороны было делать столь самонадеянные выводы. Но на празднике Зимы, вы с ее высочеством так живо обсуждали ее творения, что я решила...

Да-да, разве может в жены такому сильному магу достаться пустышка? Спасибо, что ткнули, премного благодарна!

— Боюсь, что завтра у ее сиятельства не будет времени на то, чтобы составлять вам компанию, тэйрим, — вмешался с другого конца стола герцог. Надо отдать должное декораторам парадной столовой, прекрасная работа с акустикой! Несмотря на приличное расстояние, никому не приходилось повышать голос, чтобы быть услышанным. — Я обещал показать ей замок. Кроме того, нас ждет ужин у тэйра Россена.

Тэйр Россен — мэр Антры, любопытно. Отец отдельно подчеркнул, что моя первоочередная задача — это поиски артефакта, а не шпионаж, но не скрывал, что какие-либо интересные сведения о деятельности Вейлеронов будут не лишними... что, если во время этого ужина будут обсуждаться какие-то важные вещи. Проверка? Донесет жена или не донесет?..

— И потом, Сириль, — вмешалась в разговор вдовствующая герцогиня, — ты забываешь о том, что ее сиятельство предстоит еще многое узнать о Вейлероне, о замке и о жизни в нем. Ей пока что будет не до развлечений. Нужно многому научиться, чтобы стать достойной хозяйкой этих земель.

— Ну зачем же вы сгущаете краски, матушка, — я переводила взгляд с одной на другую и на третьего, чувствуя себя мячиком в какой-то хитрой игре, который перекидывают туда-сюда. Правда, я не была уверена, что цель этой игры — не уронить мячик. Скорее наоборот. — У ее сиятельства полно времени для того, чтобы ознакомиться с нашими порядками и перенять бразды правления из ваших рук. Я искренне надеюсь, что вы найдете время и для милых женских развлечений. Например, продемонстрируете ее сиятельству, что местные модистки и белошвейки ничем не уступают Аласским. Уверен, моей супруге будет приятно обзавестись новым гардеробом, соответствующим ее

положению.

Да, чистые родовые цвета мы носили только на торжественные мероприятия, но все равно у дворян существовало негласное правило вплетать в наряд хотя бы маленький намек на родовую принадлежность — алая лента, алая роза, алая вставка. Даже мое темно-синее вечернее платье кричало о принадлежности к роду Аласских, алая тонкой вышивкой по краю подола и рукавов.

— Конечно же, мой дорогой, — смиренно кивнула тэя Керолайн. — Я обязательно помогу твоей супруге с таким сложным выбором.

— Эссим Литвина как раз должна прибыть в замок завтра для примерки, — заметила эсса Мириам. — Я напишу ей и предупрежу, что герцогиня нуждается в ее услугах. Уверена, ваша светлость, вы останетесь довольны эссим Литвиной, она творит из ткани настоящие чудеса.

— Крайне любезно с вашей стороны, — снова подала голос я, чувствуя, что горло против воли все равно перехватывает, и откуда-то из глубины души снова поднимается протест: я не хочу! Не хочу всего этого! Верните меня домой!

А ужин продолжался в теплой, дружественной атмосфере... мастерски прикрытые комплиментами, мелкие жалиющие замечания сыпались со всех сторон, особенно, когда герцог отвлекся от женских разговоров, что-то вполголоса увлеченно обсуждая с тэйром по правую руку от себя. Его имя крутилось на языке, но отказывалось всплывать.

Кусок не лез в горло, вкуса не ощущалось, только обида и злость закипали внутри.

Спокойно, Нисайем, спокойно. Дыши и помни о том, что ты разумная благородная тэя! И даже если тебе очень хочется прямо сейчас сделать как-нибудь так, чтобы у всех этих милейших людей разом что-нибудь зачесалось, это совершенно, прямо скажем, лишнее! А будешь так кисло выглядеть, цветы повянут. Было ведь такое? Было! Как выкручиваться тогда будешь?..

— Что это за запах? — герцог вдруг вскинул голову и обвел нас взглядом.

Все присутствующие дружно потянули носами — в воздухе отчетливо пахло горелым.

А потом из соседней комнаты, раздался истошный визг, грохот посуды и вопль:

— Пожар!!!

Воздух взорвался испуганными ахами женщин, мужчины повскакивали, я в первое мгновение втянула голову в плечи и зажмурилась, но тут же опомнилась и округлила глаза, прижала ладонь ко рту.

— Спокойно, дамы, — скомандовал мой муж.

Он первым оказался у двери, из-за которой шел шум, распахнул ее, выпуская облако дыма и треск пламени.

Женщины закашлялись, я прикрыла нос салфеткой.

— Ваше сиятельство, позвольте... — хотел сунуться кто-то, но тэйр Алиссандр оборвал его жестом.

Дохнуло холодом, всех присутствующих пробрал озноб, а характерное потрескивание мгновенно стихло. В столовой воцарилась мертвая тишина.

Алиссандр обернулся, нашарил взглядом меня, все еще прячущуюся за салфеткой, и по позвоночнику мгновенно пробежал уже совершенно другой холодок, не имеющий ничего общего с тушением пожара.

Мне конец...

— Вы в порядке, моя дорогая?

— Я... — нелепые оправдания, чуть не вырвавшиеся раньше времени, едва успели замереть на кончике языка. — Благодарю, ваше сиятельство... Что там случилось?

А что? Имею право знать! Хозяйка я тут или мимо проходила?

— Ваше сиятельство, — это уже звучит перепуганный лепет горничной, — я готовила для вас гостиную, вышла, чтобы принести напитки, пока спустилась вниз, пока поднялась, захожу, а тут уже все полыхает... простите, ваше сиятельство, простите...

Герцог шагнул внутрь соседней комнаты, скрываясь из виду.

Я знала, что там случилось.

Как обычно, постфактум я вполне могла все объяснить, хоть никогда этого и не делала. Проще сказать матушке, что я не знаю, как это вышло, чем объяснять, как чувства разгорались угольками, потрескивали, лизали изнутри языками пламени, как раздваивалось сознание, и крохотная его часть шипела и подпрыгивала тем самым угольком, извиваясь и требуя, чтобы все немедленно прекратили обижать бедную маленькую меня. И уголек этот прыгал, и прыгал, и

прыгал, пока не умудрился выпрыгнуть из камина да не абы куда, а позабытую на столике книгу, а та брызнула искрами и тяжелые бархатные шторы вспыхнули как спички...

Просто в тот самый момент, когда это происходило никакой раздвоенности я совершенно не ощущала. И уж тем более, в тот самый момент, мне даже в голову не приходило, что в соседней комнате...

— Из камина неудачно выпал уголек, — вернулся с итогом герцог. — Досадная неприятность. Зорг, выясни, кто устанавливал экран перед этим камином, наказание провинившегося на твое усмотрение. И проведи дополнительный инструктаж среди горничных, по зимнему времени подобная беспечность совершенно недопустима.

Дворецкий почтительно поклонился.

— Десерт и напитки подайте в Янтарную гостиную. Прошу вас, дамы и господа, мне жаль, что ужин был испорчен этим недоразумением, но не позволим ему испортить весь вечер вечер.

Растерянно замершие в ожидании указаний свьше люди пришли в движение. Мужчины подавали руки женщинам. Эссу Мириам увел троюродный брат, что сидел рядом, герцогиня взяла под руку почтенного тэйра-дядюшку, Сириль упорхнула в сопровождении того самого тэйра, имя которого я никак не могла вспомнить. До меня очередь дошла последней — пока герцог пересек комнату, всех дам уже расхватили и повели, куда велено.

— Надеюсь, вас это не слишком огорчило, — мне пришлось расстаться с салфеткой и вложить пальцы в протянутую руку.

— Что вы, ни капельки, — искренне призналась я, поднимаясь.

Еще бы меня это огорчило! Я устроила переполох, а мне за это ничего не было? Невиданное дело!

Я поторопилась сама себя одернуть — не радоваться надо, Ниса! Плохо! Очень плохо!

Боги, когда я говорю себе, что живу разумом, всякий раз забываю добавить, что матушкиным! И мне-то казалось, что его все еще оставался приличный запас...

А по итогу даже на сутки не хватило.

Занятая самокопанием, я даже не сразу сообразила, что поднять-то меня подняли, а вот вести никуда не ведут. И в опустевшей столовой мы остались вдвоем. И стоит герцог очень близко, поглаживая костяшки моих пальцев...

Губы пересохли и сердце провалилось куда-то в желудок, заявляя, что оно отказывается биться в таких условиях, слишком нервно!

Очень хотелось выдернуть руку и увеличить дистанцию — все внутри кричало, что тэйрим непозволительно так вести себя с посторонним мужчиной.

Вот только я теперь не тэйрим, а тэя. А этот мужчина не посторонний, а муж.

— Скажите честно, тэя Нисайем, — внезапно произнес тэйр Алиссандр. — Чего вам хочется больше всего на свете прямо сейчас?

— Честно? — не удержавшись, переспросила я с подозрением.

— Честно, — подтвердил герцог, изучая меня с легкой насмешкой во взгляде.

— Вишни засахаренной, — выдала я, проглотив чуть не сорвавшееся с языка «домой». Но вишня шла вторым номером, правда-правда! — И спать.

На губах мужа мелькнула усмешка.

— Насчет вишни я распоряджусь. Что же касается второго... для этого сначала придется разогнать наших гостей. Поможете? — он предложил мне локоть.

— Сделаю все, что смогу, — с достоинством отозвалась я, принимая его.

И снова соврала — все, что могла, я уже сделала! Кто ж виноват, что в замке Страж так оперативно тушат пожары!

Вечерняя лампа под сиреневым абажуром мягко освещала спальню, не слепя усталые глаза. В углах комнаты затаились тени, наблюдающие за мной без глаз — замок Страж не намерен был выпускать подозрительную пришлицу из виду. Даже если у Вейлеронских была своя ведьма, жила она явно не в замке, потому что слишком уж настороженно относился ко мне старый камень и, самое обидное, я его даже понимала!

Щетка в ловких руках горничной, временно исполняющей обязанности моей камеристки, скользила по распущенным волосам. Элис, конечно, не русалка, но дело свое знала — волосы сияли и искрились, что не отменяло, впрочем, того, что отражение в зеркале все равно получалось каким-то кислым. Все же ужин в компании новых родственников оставил после себя не самое радужное впечатление.

Хотя, когда мы перебрались из столовой в гостиную, стало попроще. Вейлерон держался рядом, и дамы только коршунами кружили поблизости, но прямо под носом у герцога клевать не решались.

...интересно, как матушка приняла Оленну?

Элис сноровисто заплела свободную косу, от себя добавив дорожную, украшенную иллюзиями ленту, и я мимолетно удивилась такой заботе о моей красоте перед сном, и тут же замерла, осененная абсолютно внезапной мыслью – а это ведь не обо мне заботились!

И словно в подтверждение в дверь спальни сдержанно постучали.

Я успела поймать в отражении придиричивый взгляд горничной, критично осмотревший собственную работу — то есть меня в образе «невинная девица в первую брачную ночь» — прежде, чем она потупилась и отступила на шаг, склонив голову.

— Войдите, — любезно позволила я, едва сдержав вздох. Впрочем, со стороны герцога было мило дожидаться разрешения, теоретически в спальню к супруге он имел право вламываться без подобных реверансов.

Щелкнул замок.

— Свободна.

Негромкий мужской голос прогнал волну мурашек по позвоночнику.

Элис бесшумно выскользнула, замок щелкнул повторно, оставляя меня наедине с родовым врагом, по какому-то хитрому выверту судьбы — моим мужем.

Сердце забилось в два раза быстрее, пальцы похолодели, а шея сделалась какой-то деревянной и решительно отказывалась поворачиваться в его сторону.

На резонный вопрос матушки: «Что мы будем делать, если к моменту развода Нисайем окажется в положении?», отец только отмахнулся — дети это прекрасно, их всегда можно пристроить к делу! Мол, вряд ли герцог захочет оставлять себе ведьмовского ребенка, а Алассам — точно пригодится!

Маменька только вздохнула и пошла проводить с бестолковой дочерью инструктаж на тему супружеских обязанностей, который укладывался в фразу «в этом нет ничего страшного, возможно, тебе даже понравится». Тут маменька слегка, едва заметно поджала губы, и

стало совершенно очевидно, что она в очередной раз подумала о моем крохотном недостатке и в очередной раз огорчилась.

Всем известно, что ведьмы распутны, порочны и жадны до мужского внимания...

Позади меня раздался шорох, а потом легкий хрустальный звон, и я, не удержав любопытства, обернулась.

Вечерний фрак небрежно висел на спинке кресла возле камина, а Алиссандр в одной рубашке выставил на столик искристый графин, наполовину заполненный янтарной жидкостью, и два бокала. Заметив движение, он обернулся, улыбнулся и протянул руку.

— Дорогая супруга.

Пришлось встать, сделать пару шагов, остро чувствуя, что на мне надета только пышная сорочка, ласкающая не скованное ничем, обнаженное тело да полупрозрачный пеньюар, расшитый лентами. И пусть все вместе слои ткани скрывали все, что нужно скрывать, я все равно испытывала острое чувство неловкости от того, что мужчина видит меня такой.

Я вложила ледяные пальцы в твердую ладонь, и герцог, слегка потянув их, усадил меня в кресло. Сам сел во второе, вынул пробку из графина и щедро плеснул янтарной жидкости в бокалы. Запахло пряностями и яблоками.

— За наш долгий и счастливый союз, — провозгласил герцог, поднимая свой бокал.

— За наш союз, — эхом отозвалась я и пригубила напиток.

Тот оказался неожиданно крепким. И с горчинкой. Я едва не поперхнулась, когда почти обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, оставив на языке легкое приятное покалывание и сладковатый вкус печеных яблок.

— Кажется, вы никогда не пробовали вейлеронский бренди. Что, впрочем, не удивительно. И как вам? — герцог смотрел на меня дружелюбно и так же дружелюбно, без насмешки, улыбался.

— Вкусно, — честно ответила я и в доказательство снова поднесла бокал к губам, на этот раз готовая к последствиям.

Второй глоток осел приятным теплым комочком в животе.

Ты только не вздумай напиваться, Ниса! Еще не хватало отколоть что-нибудь в первую же брачную ночь! Вернее отколоть еще что-нибудь...

— Как вам замок? Как вам ваши покои? Возможно, вы хотели бы что-то поменять?..

Вопросы сыпались один за другим, герцог явно не собирался просто уложить меня на кровать и «сделать свое дело», вместо этого, очевидно, пытаясь меня расслабить вежливой беседой.

От бесед я сегодня, признаться, порядком устала. Мне никогда еще не приходилось настолько долго и тщательно контролировать каждое свое слово, и от этого я чувствовала себя до предела вымотанной. Перенервничав за ужином, я почти ничего не съела, и даже от трех глотков крепкого бренди меня развезло и теперь отчаянно клонило в сон.

Или не трех? Когда это бокал успел опустеть?..

Вероятно, по моим скованным и немногословным ответам, Алиссандр что-то понял, поэтому вдруг резко прекратил разговор и поднялся. Я посчитала нужным встать тоже, но координация подвела — перед глазами от резкой смены положения поплыло. Я покачнулась — и оказалась в мужских объятиях.

Тяжелые ладони на моей талии, и грудь, не прикрытая доспехом корсета, прижимается к твердой груди совершенно непристойно, и от этого почему-то чуть ноет, и соски сжимаются в твердые горошины, как от холода. И чужое обжигающее дыхание с ароматом яблок на губах.

Лицу стало так мучительно жарко, что я рефлекторно, против воли прижала ледяные пальцы к горящим щекам, а потом и вовсе спряталась в ладонях.

— Простите, — пробормотала я. — Я такая неловкая.

— Вы устали, — с пониманием прозвучало откуда-то сверху и от этих сочувственных интонаций мне остро захотелось ткнуться лбом в широкую грудь, и чтобы меня пожалели и погладили. Да! Я очень-очень устала!

Я бы, может, даже и ткнулась, но не успела – герцог отстранился и взялся за пуговички пеньюара. Дышать стало тяжелее, а когда легкая ткань соскользнула с плеч, оставляя меня в одной сорочке — я и вовсе забыла на несколько мгновений как это делать.

Алиссандр бросил на меня короткий взгляд, от которого внутри что-то остро екнуло, и подхватил меня на руки.

Несколько шагов — и меня опустили на прохладные простыни. Жар перетек с лица на все тело. Острое чувство неловкости и стыда

щедро смешалось с любопытством и каким-то странным предвкушением.

Я смотрела на герцога, и думала, что он все же красивый — мой муж. И, кажется, заботливый. И, наверное, нежный...

Накрывшее меня одеяло стало большой неожиданностью. Я вздрогнула, выныривая из странной томной неги, несколько раз хлопнула ресницами. А супруг склонился надо мной, сдержанно поцеловал в лоб и выпрямился.

— Отдыхайте, тэя, спокойной ночи.

А потом, подхватив с кресла фрак, взял и... и... и...

Ушел!!!

Просто взял и ушел!

Я не знала чего во мне в этот момент было больше — облегчения или обиды.

Да, я устала и мне страшно, и неловко, и вообще я этого мужчину знать не знаю, чтобы он ко мне прикасался и вообще!

Но я же жена! У нас же брачная ночь!

Я рывком села, мгновенно растеряв и сон, и хмельное наваждение. Два противоречивых чувства осаждали крепость разума с двух сторон, напирали, наседали и каждый требовали своей справедливости. Одно — отпустить и возрадоваться, второе — вернуть и требовать положенное.

...Вот от тэйрим Сириль он, наверное, никуда бы не ушел!

И даже не имею ни малейшего желания думать о том, куда он отправился от меня.

У-у-у, враг он и есть враг!

Я упала обратно на подушки и уставилась в расшитый полог.

Прав, папенька, найти артефакт — и развод!

И чем быстрее, тем лучше.

Глава 6

По ночному замку идти было приятно. По дневному, впрочем, тоже, но в ночном было особое очарование. И лунный свет, льющийся сквозь витражи, добавлял магического очарования. Я с трудом удерживался от того, чтобы начать насвистывать себе под нос какую-нибудь разбитную солдатскую песенку, покачивая перекинутым через плечо фракком. Даже в родном доме у стен есть глаза и уши, а герцогу все же не пристало вести себя, как рихту, возвращающемуся домой в

легком подпитии.

Мысли ожидаемо крутились вокруг обретенной супруги, чьи покои я только что покинул.

Что ж, по крайней мере, сундуки, загромоздившие гостиную её сиятельства, исчезли. Значит, эсса Линед вняла моему резко высказанному замечанию. Но следовало раз и навсегда дать понять слугам, что я не потерплю даже намека на пренебрежение в отношении моей жены. Каково бы ни было ее происхождение, теперь она Вейлерон. И эта оплошность экономки дала мне отличный повод продемонстрировать свою позицию. Эриока очень старалась держаться с достоинством, когда оправдывалась за инцидент, но видно было — прониклась. Впрочем, её объяснения звучали вполне убедительно. Похоже, она действительно желала услужить госпоже наилучшим образом — и ждала, кого тэя выберет себе в услужение, чтобы вещи ее сиятельства разбирали уже одобренные ею слуги.

В этом, возможно, что-то и было. У тэи Нисайем и так сейчас слишком много перемен в жизни, надо вырабатывать новые константы. Может быть, было излишней строгостью не позволить взять ей своих слуг из замка Лунь, но я рассудил, что аласских шпионов в Вейлероне мне хватает, незачем приглашать их в сам замок Страж. И как бы я ни сочувствовал девице, выдернутой из привычного окружения, и отправленной в дом к тому, кого она привыкла считать врагом, есть вещи поважнее моего сочувствия.

А смотреть на нее было и правда жалко. Куда только делась бойкость и искренние желание хоть чуть-чуть да уколоть, блюдя традиции предков. Бледная и растерянная, хоть и отчаянно вздергивающая подбородок в попытках изобразить, что она ничего не боится. А уж как она вздрагивала всякий раз, стоило прикоснуться...

По-хорошему, я бы вообще оставил ее сегодня в покое и обошелся без торжественных семейных ужинов, но традиция есть традиция. Куда хуже для ее репутации выглядело бы, останься она в комнатах.

Но ничего, испытание юная тэя прошла вполне успешно...

Я толкнул дверь в свою комнату — возможно, со стороны смотрелось не очень красиво выделить покои жене не рядом со своими, а на другой половине замка, но мне показалось это хорошей идеей поначалу. Пусть освоится, придет в себя, обживется. А там будет видно.

Оказалось, меня ждали.

Мириам лежала на кровати — едва прикрытая полупрозрачной тканью грудь, темные локоны по плечам, покачивающиеся в воздухе тонкие ножки.

— Доброй ночи, ваше сиятельство, — промурлыкала она.

Я бросил фрак на кресло и вздернул бровь.

— С твоей стороны наглость явиться ко мне именно сегодня.

— Мне уйти? — она не оскорбилась, наоборот изобразила полную готовность.

Я хмыкнул.

— Оставайся.

— Вот и я так подумала, — она похлопала ладошкой по покрывалу рядом с собой. — Иди ко мне, я соскучилась.

Возможно, соскучилась. Возможно, ей важно знать, какие лично для нее последствия повлечет за собой моя женитьба. Возможно — и это вероятнее всего — и то, и другое разом.

Мириам мне нравилась. Она была в меру скромна, в меру инициативна, вела себя с достоинством, не выпячивала нашу связь. С ней не всегда было о чем поговорить, но мы не особенно и разговаривали...

Признаться, я был удивлен сегодня увидеть ее в замке, она собиралась пожить в доме покойного мужа, пока мы в столице, и я не успел намекнуть матери, что, возможно, с этого момента не стоит приглашать за стол всех своих компаньонов.

Впрочем, насколько мне известно, в замке Лунь порядки царили вполне вольные. О бастардах герцога Аласского знает все королевство, да и герцогиня, хоть и ведет себя куда менее вызывающе, не может похвастаться незапятнанной супружеской верностью.

Но Нисайем еще юна и, вероятно, не совсем задумывается о подобных вещах.

Перед глазами всплыло бледное личико с огромными от волнения прозрачно-зеленоватыми глазами. “Вишни засахаренной. И спать”.

— Ты сегодня задумчив. — Стоило мне сесть на кровать, Мириам жарко прильнула со спины и коснулась губами уха. — Свадьба тебя расстроила?

— Воля короля не может расстраивать, Мириам, — хмыкнул я.

— По крайней мере, она хорошенькая.

— Воля короля?

— Твоя жена! — деланно оскорбилась на подначку женщина, отстранившись, призывая меня потянуться за ней.

— Прости дорогая, но я не намерен обсуждать с тобой свою супругу, — отрезал я, и Мириам недоуменно хлопнула ресницами — “А что я такого сказала?” — и снова потянулась ко мне.

Шаловливые пальчики расстегнули пару верхних пуговиц, скользнули под ворот рубашки. А меня все что-то удерживало от того, чтобы принять эту ласку.

Совесть, что ли?

С чего бы?

Признаться, я ни на что особенно не рассчитывал в эту ночь в отношении Нисайем. Девушка от меня очевидно шарахалась, и у меня не было ни малейшего желания насиловать ее только потому, что так велит обычай консумации. Но попытка не пытка, да и во избежание неприятных слухов, я к ней пришел.

Вышло ожидаемо. Юная жена жалась, нервничала, смотрела на меня с недоверием и испугом, деревянела от малейшего прикосновения. И я рассудил, что еще успеется. Торопиться некуда, познакомимся поближе. Она привыкнет к новой роли и со временем поймет, что намеренно я не причиню ей вреда.

А пока...

А пока, казалось бы, мне ничего не мешает “найти утешение” в других объятиях.

Но что-то все таки мешало.

Может быть, свежесть данных в храме клятв.

Я перехватил тонкое запястье ласкающей меня руки, чтобы отвести его, но сказать ничего не успел.

Раздался стук в дверь, и сразу за ним — глухой голос:

— Ваша светлость, прошу прощения, срочное донесение из Карнольского гарнизона.

* * *

Решение с делом у меня редко расходились надолго, поэтому уже спустя четверть часа я тихонечко вышла из своей комнаты, пряча под сорочкой на груди неприятно ледящий кожу медальон. Чем скорее я найду родовой артефакт, тем скорее отправлюсь домой, так чего время

терять?

Теплый шерстяной домашний халат приятно грел, тапочки ступали по ковровой дорожке совершенно бесшумно. Охраны под моими дверями не обнаружилось, да и вообще коридоры были тихи и безлюдны — замок спал.

Держа в руках магическую свечу я с интересом озиралась.

Прежде чем выйти, я долго думала, как буду оправдываться в случае, если меня кто-то застукает, а потом осознала, что мне же не надо! Не надо оправдываться! Я герцогиня, в конце концов! Я оправдываюсь только перед герцогом! Да и перед тем...

Вспомнив нанесенную обиду, я поджала губы. А вот ему я скажу, что отправилась на поиски покоев его сиятельства. Долг неотданный требовать!

По-умному стоило предварительно составить план осмотра территории и обходить замок методично и последовательно, но я решила, что для пробной вылазки вполне подойдет и импровизация. Зато оценю реальное положение дел, людей и всего остального в дневное и в ночное время...

Я шла “куда глаза глядят” — по прямой, а если по прямой нельзя, то направо, чтобы не заплутать. Еще не хватало потом разыскивать помощь, чтобы помочь вернуться в мои комнаты. Бесконечные двери, двери, двери... за некоторыми из них чувствовалось чужое присутствие, за другими зияла пустота. Кулон на груди оставался таким же холодным и немым, но глупо было бы надеяться, что артефакт упрятан где-то на хорошо обжитых этажах.

Темные коридоры не пугали, а наоборот — манили загадками и историями, которые впитал темный замковый камень. Матушка Рискин говорила, что иногда замок Лунь нашептывает ей секреты, вот только я сомневалась, что Страж окажет мне ответную любезность. А может, все-таки попробовать подружиться?

Я коснулась ладонью свободной от декоративных украшений кладки и мгновенно отдернула пальцы.

Ой, не очень-то и хотелось! Я тут все равно ненадолго!

Поворот, поворот... дыхание перехватило.

Залитая лунным светом витражная галерея, высокий стрельчатый потолок, небольшой внутренний дворик — я будто оказалась в каком-то ином мире, наполненном волшебным разноцветным мерцанием.

Безумно красиво.

Я застыла в неподвижном восхищении и в нем вдруг удивительно отчетливо услышала легкий скребущий шорох где-то за спиной.

Рывком обернувшись я высветила только стену и еще одну дверь. Чужого присутствия тоже не ощущалось. Либо здесь кто-то, прекрасно умеющий скрываться от нежелательного внимания, либо померещилось...

Я еще раз осмотрела стену, подошла к двери, прислушалась — за ней тоже ничего не было слышно и царила пустота. Поразмыслив, подняла голову и свечу вверх, пытаюсь дотянуться светом до потолка. И в тот момент, когда мне показалось, что в одном из затемненных сводов тени шевельнулись, тишину спящего замка нарушили глухие торопливые шаги, доносящиеся из-за поворота, и мужские голоса.

Не раздумывая ни мгновения, я нажала на ручку двери, за которую продолжала держаться, проскользнула внутрь и погасила огонь.

Шаги приближались, с ними и голоса — встревоженные, недовольные. Мое сердце билось так громко, что в ушах звучал только его стук, я не разобрала ни слова из того, что говорили. К тому же они прошли мимо быстро и стали удаляться, пока совсем не замолкли. Я медленно выдохнула, прижав ладонь к груди.

Прости, папенька, шпионка из меня, кажется никудышная.

Я вдохнула, выдохнула и открыла, как оказалось, зажмуренные от испуга глаза.

Я оказалась в библиотеке.

Высокие узкие окна с тяжелыми шторами, украшенными золотыми кистями, под окнами диванчики, длинный стол посередине, стулья... и стеллажи, стеллажи, стеллажи... Два, нет, три яруса, и все полки забиты до потолка. Признаться, коллекция герцогов Аласских была много скромнее.

Я не особенно любила библиотеку у нас в замке.

Положенные благородной тэйрим учебники и высокая художественная литература навевали скуку, а развлекательные романы были под запретом, и маменька лично позаботилась о том, чтобы эти книги не давались мне в руки. Она считала, что я нахватаюсь оттуда “идей”.

А вообще львиную долю коллекции составляли книги по магии, к которым я со своим проклятием не имела никакого отношения. Зато

братья могли часами просиживать в библиотеке над формулами и теорией, чтобы потом отправиться на полигон — радовать себя и всех окружающих успехами.

По ведьмовству никто книг не писал...

Впрочем, даже если бы и писали, вряд ли они вдруг нашлись в библиотеке уважающего себя тэйра!

Движимая любопытством, я пошла вдоль плотного ряда разномастных томов, невесомо проводя пальцем по корешкам.

За библиотекой хорошо следили. На полках и корешках не было пыли, а позолоченные таблички с разделами литературы ярко сияли. Хм, а может быть мне скрасить ночь не прогулками, а той самой “идейной” литературой?..

Я в задумчивости колупнула и без того довольно потрепанный корешок и как-то машинально вытащила книгу. Посеребренные буквы блеснули в ярком лунном свете — “Первичные основы магии”.

Не удивительно, что книжка выглядит так, как будто до меня ее держали в руках десятки непоседливых ребятишек. Потому что не “как будто”. С этой книги начинают свое обучение все маги королевства. У Ларса, который старше меня на полтора года, тоже была такая. Помнится, я случайно ее утопила и к ведьмовству это не имело никакого отношения, исключительно к характера вредности!

Поддавшись легкой ностальгии, я прошла к ближайшему креслу и включила удобно висящий над ним магический светильник, а потом, забравшись на сиденье с ногами, открыла книгу.

А вообще, кто сказал, что ведьмы не могут читать магические книги? Допустим, природа наших сил разнится, но должно же быть что-то и общее? В конце концов, мне бы не помешало узнать хотя бы то, как тушить пожары. Мало ли герцога в следующий раз рядом не окажется? Еще не хватало, чтобы кто-то всерьез пострадал...

Мне никогда раньше в голову не приходило открывать магические учебники — зачем? Если ведьмовству обучаться нельзя, то магии — и подавно. Известно, что у ведьм вся магия выходит вкривь и вкось и через бесов хвост. Но...

Вдруг стало любопытно.

Введение — умеренно пафосные строги и необходимости самоконтроля, самоосознания, ответственности, старательности и так далее и тому подобное. Было желание пролистнуть, но я методично

освоила каждую букровку. Эта речь очень походила на речи матушки.

Глава первая — краткая теория магических сил. А в самом конце маленький тест на наличие способностей, он же — упражнение на концентрацию сил.

“Сведите вместе большой и указательный палец. Представьте, как в центре получившегося круга зажигается искра. После того, как это у вас получилось, медленно разводите пальцы, следя за тем, чтобы искра выросла пропорционально этому движению до шара размером с некрупное яблоко. Сожмите кулак, погасив энергию. Повторите упражнение.”

Я свела пальцы в круг и старательно уставилась в полученную дырку, пытаюсь представить искру. От старания эти самые искры поплыли уже перед глазами, а вот в круге она так и не зажигалась.

Может, лучше воображением?

Я зажмурилась. Вот между пальцами зажигается искра, вот она растет до размеров небольшого яблока...

Чуть разжав ресницы, я покосилась на собственную руку.

Ни-че-го.

Дурацкие у магов упражнения!

Подняв руку, я навела колечко пальцев на свет лампы, представляя, что это тот самый шарик искристого света, который получался у Ларса.

Край глаза уловил странное движение, я резко повернулась всем телом. С по-прежнему сведенных в кружок пальцев что-то сорвалось. Раздался негромкий придушенный писк и на пол под мой короткий визг шлепнулась черная клякса размером с кошку.

Я едва успела разглядеть кожистые крылья и сверкающие ярко-рубиновые глаза, как существо тут же попыталось удрать под стеллаж, с удивительной ловкостью перебирая этими самыми крыльями. Только и мелькнул длинный змеиный хвост.

— А ну стоять! — завопила я, откуда только смелость взялась.

Нечисть замерла, будто наткнувшись на невидимую преграду. Хвост раздраженно хлестнул по полу, и его обладатель медленно повернулся. На меня уставилось миниатюрное лицо, полностью покрытое короткой черной шерстью. Лицо, а не морда, потому что черты были куда больше похожи на человеческие. Только глаза непропорционально большие, и нос крючком, и рот полный мелких острых зубов, которые существо оскалило в подобии улыбки.

— Отпусти, хозяйка, не гневайся, — прошипела нечисть свистящим шепотом.

— Ты что еще такое? — осведомилась я, на всякий случай поудобнее перехватывая учебник.

Нечисть брезгливо поскреблась, стряхивая с головы остатки чего-то склизкого (вот вам и искрящийся свет в исполнении ведьмы), и снова махнула хвостом.

— Шорк, хозяйка, местный я, не губи. Я при замке обитаю уже пяток ваших лет. Подай, принеси, полезный я очень! И умный. Да. Правда-правда.

— Это чего это ты подать и принести можешь? — скептически осведомилась я, разглядывая три длинных тонких когтистых пальца на каждом крыле.

— Всякое-разное! — приосанился шорк, вытянув шею и хвост. — Ты во мне, хозяйка, не сомневайся. Говорю же, полезный я.

Да уж, Бес-Пройдоха, праотец всей нечисти, тот еще затейник. Вот тебе и помесь змеи с летучей мышью... Подобного существа мне встречать не доводилось, несмотря на то что Предгорья кишели всякими инородцами, той или иной степени дикости. У нас к ним люди были привычные, за каждой нечистой силой с вилами да мечом гоняться — это быстро до смерти себя загоняешь. Наше дело — агрессивные да самые дикие, и Бес с ними, с остальными, пусть живут, пока не гадят. Как русалки в озере например. Те хоть и могли бы до смерти любого мужчину залюбить, но людские законы чтут.

Правда, ее сиятельство матушка инородцев недолюбливала и в замке им селиться не позволяла, а тут гляди-ка.

Что шорк местный и живет тут с дозволения герцога, я не сомневалась. Инородцы хоть и кажутся дикими да странными, а свои правила имеют и “хозяином” кого попало в жизни не назовут. А раз я хозяйка, значит, тэйр Алиссандр однозначно в хозяинах значится.

Нелюдь косил на меня то одним глазом, то другим, не смея взглянуть прямо, ноздри крючковатого носа трепетали, хвост подергивался, а шерсть на загривке топорщилась. Нервничает.

— И что же это ты от своей хозяйки скрывался? — строго поинтересовалась я.

— Тык велено!

— Кем велено?

- Хозяином велено!
- Что велено?
- Не показываться!
- Кому не показываться?
- Никому!

Рубиновые глаза несколько раз моргнули. Меня почему-то ужасно веселил и сам шорк, и то как он переминался с лапы на лапу. И ужасно хотелось потрогать и распластавшиеся по полу крылья, и хвост, живущий как будто отдельной жизнью.

- Почему не показываться?

— Так откуда ж мне знать-то хозяйка? — скорбно возопило существо, приподнимаясь. Задних лап у него не было, их заменял хвост, но это, очевидно, ему совершенно не мешало. — Велено и велено, кто ж я такой, чтобы вопросы задавать?

- А за мной почему шел?

- Так полезный же я! А вдруг помощь понадобится? А я тут.

- Ты же прятался.

- Так потому что велено!

Я хихикнула: диалог зашел в тупик.

- А зовут-то тебя как?

— Шорк и зовут, — отозвалось существо, ощутимо расслабляясь. Кажется, он понял, что “гневаться и губить” я не собираюсь. — Тут других таких нет, так чего зазря выдумывать?

Он вдруг юркой змеей оказался возле самого моего кресла, преданно заглядывая мне в глаза снизу вверх.

— Ты, хозяйка, только хозяину не говори, что меня видела. А то ой-ёй-ёй будет бедному Шорку. Не велено же! Ой будет ой-ёй-ёй.

Он прижал пальцы с крыльями к голове и активно ей покачал, выражая степень “ой-ёй-ёй”. Я едва смогла подавить рвущийся наружу смех.

- Что ж у тебя такой злой хозяин?

— Э, нет, — Шорк снова приподнялся на хвосте, на этот раз до уровня моих колен. — Хозяин добрый. Строгий. Но добрый. Но строгий, ой-ёй-ёй! Так что не говори, хозяйка, ладно? А я тебе тоже буду полезный. Я очень-очень полезный!

- И умный? — не подтрунивать у меня не получалось.

- Да-да! — с готовностью закивал змеемышь.

— Даже и не знаю, какая польза от тебя быть может... — задумчиво протянула я, постукивая ногтями по обложке учебника.

— Как это какая?! Очень даже большая польза! — Шорк от избытка чувств взвился в воздух и сделал полный круг под потолком, а потом плюхнулся на лампу, и его хвост заманчиво замаячил у меня почти перед носом. — Ты вот, хозяйка, полезные книжки ищешь? Эта книжка — вредная-вредная, — он указал хвостом на магический учебник. — Тебе такие книжки без надобности совсем. Тебе, хозяйка, старые книжки нужны. Старые-старые, древние-древние. Я знаю, какие, хочешь покажу?

Он устался на меня с надеждой, а у меня в животе похолодело.

— Твоя сестра книжек умных писать не умеет, конечно, — продолжал рассуждения Шорк, — да только маги-то по первости тоже не своим умом жили. В старых книжках всякое найти можно, от чего магам — вред один, а вот ведьмам — сплошная польза. Показать, хозяйка?

С трудом справившись с нахлынувшей паникой, я сгребла в кучу все свои знания об инородцах, помножила их на интуицию и скупающе бросила:

— Ты меня не учи, что читать. Это я и сама знаю. А тайна только на тайну меняется. Так что хозяину я ничего не скажу, если и ты мой секрет сохранишь.

— Да какой же секрет-то, хозяйка? Не знаем мы никаких секретов! — расстроился змеемыш.

— Ни твой хозяин, ни кто-либо еще в замке не должен знать, что я ведьма...

С громким шлепком Шорк свалился с насеста. Кажется, в обморок. От переизбытка чувств, не иначе. Я перегнулась через подлокотник и озабоченно уставилась на распластавшуюся на полу кляксу.

— Страшные вещи просишь, хозяйка! — хныкнул змеемыш, прижав лапки к груди и печально зажмурившись. — Такое разве утаишь?!

— Я ведь тоже могу мужу проболтаться, как некоторые шорки ночами на его супругу кидаются с потолка...

Нечисть тут же “ожил”, подскочила и нахохлилась, упаковавшись в крылья и обернув их хвостом.

— Ладно, хозяйка! Тайна на тайну.

Я победно улыбнулась.

Глава 7

Я сидела в своей спальне невыспавшаяся и не в настроении.

Из-за Шорка я засиделась в библиотеке и спохватилась, только когда бездонно черное небо прочертила светлая полоса. С трудом оторвавшись от гигантского фолианта, который мы извлекли из каких-то библиотечных недр, я вдруг сообразила, что замок вот-вот проснется, если уже не проснулся — слуги встанут с рассветом — и мне давным давно пора быть в постели.

В свои покои я прибежала, запыхавшись и едва не потеряв туфельку, вот была умора кому-то из случайных свидетелей наблюдать за тем, как новоиспеченная герцогиня среди ночи носится по замку. Упала в постель и почти мгновенно уснула, подумав, что просплю до обеда, и пусть все думают, что это бурная брачная ночь произвела на меня такой неизгладимый эффект.

Вот только подлый организм почему-то проснулся в привычное время и отказался наотрез засыпать обратно. В бесплодных попытках его уговорить, я уворочалась так, что сбила постель в ком, а волосы в колтуны, в итоге устала, смирилась и дернула за шнурок вызова камеристки.

Да здравствует мой первый полноценный день в роли герцогини Вейлеронской.

Мне сегодня обещали экскурсию по замку и ужин у мэра, довольно насыщенная программа!

На завтрак мне принесли в числе прочего вазочку с засахаренной вишней и записку.

“Моя дорогая тэя Нисайем, обстоятельства вынуждают меня покинуть замок Страж и отправиться на границу. Я приношу свои глубочайшие извинения за отмену наших совместных планов и спешу заверить вас, что мы обязательно к ним вернемся после моего возвращения. Моя матушка, тэя Керолайн, позаботится о том, чтобы вы не заскучали. С надеждой на скорейшее воссоединение, Алиссандр”.

Я перечитывала записку, хмуро жевала вишню и снова разбухала обидой. На этот раз — иррациональной. И не на герцога, а на эти самые обстоятельства.

Ну и на герцога немножко тоже.

Или множко.

Никакой он не нежный. Где? Где я вас спрашиваю заверения в неземной любви? Да, ее и нет, но написать неужели было сложно?!

И не заботливый. Поручить меня вдовствующей герцогине! Да она меня сожрет и не подавится. Что я не помню, как плотоядно она на меня смотрела за ужином? А папенька еще говорил, что вряд ли тэйр Алиссандр возжелает овдоветь!..

И не такой уж и красивый, в конце концов...

И вишня у него невкусная.

И кончилась.

Примерно такие невеселые думы прервало появление тэи Керолайн со свитой.

А я-то думала, я здесь герцогиня.

Тэя Керолайн, в окружении горничных и компаньонов, вошла в мои покои, не снисходя до того, чтобы попросить позволения или постучаться, и мои служанки, торопливо отскочив к стенкам, замерли в угодливых реверансах.

— Ступайте, — величественно махнула им рукой матушка герцога Аласского, а девицы, возглавляемые камеристкой-Элис, торопливо покинули мою спальню, и ни одна не оглянулась на свою госпожу, не говоря уже о том, чтобы проигнорировать чужой приказ.

А я осталась — в кровати, в ночной рубашке, с подносом, стоящим поверх одеяла на коленях...

И когда тэя Керолайн, единственным молниеносным взглядом дав понять мне, что она думает о моем внешнем виде, вернула на лицо маску радушия и пропела: “Нисайем, дорогая, Алиссандр приказал мне позаботиться о твоём гардеробе!” — я вежливо, но равнодушно поправила:

— Тэя Нисайем.

И на непонимающее выражение лица дорогой свекрови повторила:

— “Тэя Нисайем, Алиссандр приказал мне позаботиться о вашем гардеробе”.

Выражение лица вдовствующей герцогини дрогнуло только на

неуловимый миг, а затем она склонила голову и повторила вслед за мной:

— Тэя Нисайем.

И добавила тем особенным ласковым тоном, которым говорят с неразумными детьми и умственно отсталыми взрослыми:

— Я привела вам модистку, ваше сиятельство.

Это преувеличенно почтительное титулование радовало не более, чем прошлое, пренебрежительное.

Значит, весь этот цветник вокруг нее — не замковый, а городской. Обещанная еще вчера за ужином волшебная эссим Литвина с помощницами.

Настроение испортилось еще больше.

Я кивнула, давая понять, что услышала и приняла к сведению, и, не позволяя себе дрогнуть или отступить, с той же равнодушной вежливостью велела:

— Ожидайте меня в гостиной.

Когда дверь в мою спальню закрылась за хороводом цветных юбок, я еще некоторое время сидела в оцепенении, бездумно глядя в пространство.

Одернуть мать своего мужа. И даже не при слугах, а унизить её в присутствии свободных горожанок! Выставить её из покоев, как какую-то служанку.

Отлично я начала семейную жизнь, ничего не скажешь...

Наверное, стоило сейчас смолчать и расставить точки над “ё” тет-а-тет.

Наверное, не будь я застигнутой врасплох, не ощущай себя такой беззащитной, я бы так и поступила, да... А теперь...

Что уж — теперь.

Я всё так же бездумно протянула руку и дернула за звонок.

Когда Элис явилась на вызов, я всё с той же, незнакомой раньше равнодушной вежливостью, распорядилась:

— Помогите мне одеться. Потом сообщите экономке, что я недовольна своей камеристкой и горничными, пусть подберет мне новых. После этого явишься в мою гостиную.

На банкетке перед модистками и портнихами мне стоять было не впервой. Нынешняя была сизо-лиловой, в отличие от домашней,

привычно-алой, только и всего.

К зрителям, наблюдающим за процессом снятия мерок и участвующим в выборе фасонов, тоже привыкать не приходилось. На этом привычное и заканчивалось: матушка, хоть и не щадила моих чувств при обсуждении недостатков, которые надлежало скрыть либо выигрышно обыграть нарядом, никогда не была столь зло-жалящей, как вдовствующая герцогиня.

И пусть прямо упрекнуть её было не в чем, но, боги, сколько же удовольствия она получала, разглядывая меня, застывшую неподвижно в одной тонкой сорочке и выискивая, за что меня еще можно уязвить!

Неужели это только за то, что я осмелилась требовать обращаться ко мне сообразно с моим статусом?

Я терпела. Вспоминала матушкины предсвадебные наставления и старалась быть мудрее. Мне вообще не следовало осаживать ее утром, нужно было перетерпеть, стиснуть зубы и отмолчаться.

В конце концов, эта женщина делит сейчас со мной не столько права и привилегии, сколько сына...

Но от уколов, щедро одобренных патокой, всё равно не удавалось отмахнуться, а вежливо поблагодарить и отказаться от помощи при выборе гардероба, не представлялось возможным — недвусмысленно озвученный приказ герцога закрыл этот путь.

Нет, формально матушка моего мужа с ног до головы осыпала меня комплиментами:

— Ах, милая тэя Нисайем, какие у вас густые волосы! Почти как у тэйрим Сириль, — ворковала эта во всех отношениях милая женщина, пока нитяных дел мастерицы сновали вокруг меня невесомыми бабочками.

И талия у меня тонкая — разве что чуточку шире, чем у Сириль! И ножка почти такая же изящная. И бедра почти такие же стройные!

И примерки сношу почти так же терпеливо — а вот помните, милая эссим Литвина, как вы снимали мерки с тэйрим Сириль перед королевским балом, и бедная девочка тогда простояла почти шесть часов неподвижно!

Спокойно, Нисайем. Ты уже попробовала дать отпор — стало только хуже. Не связывайся. Просто не связывайся. Найдешь артефакт Лунь и через месяц, два — самое большее, уже будешь дома.

Понимая, что эта женщина просто не знает, что ее сын мне не

нужен ни даром, ни с приплатой, я стояла банкетке и усиленно призывала себя быть смиренной, мудрой и благородной.

Все до единого новые платья оказались зелено-черными в различной пропорции.

Но если я думала, что истыкав меня булавками, буквально и фигурально, ее сиятельство вдовствующая герцогиня Вейлеронская успокоится, я глубоко ошибалась.

День шел за днем, затягивалась осада Карнольского гарнизона силами малой волны, нарастала атака на гарнизон тэи Нисайем силами объединенного герцогского женского царства...

Единственное, что меня утешало — один раз это вылилось в некрасивейший прыщ на носу тэйрим Сириль, другой — эсса Мириам слегла с мигренью, третий — герцогиня покрылась пятнами, нечаянным образом перепутав малину в сиропе с клубникой, на которую у нее аллергия. Но их-то много! А я одна! И артефакт не найден, а я вот-вот выдам себя с потрохами...

Слуги меня не слушали. Любое, самое невинное мое распоряжение уточнялось у тэи Керолайн, и она не отказывала себе в удовольствии отменить их. О, безусловно, подобрав благовидный предлог.

Экономка исправно приходила каждое утро в кабинет в моих покоях, мы “обсуждали” планы на день, а после она уходила, и действовала в соответствии с указаниями, полученным от вдовствующей герцогини — и пусть Пройдоха явится за мной лично и утащит в бездну, если это не было маленьким изощренным издевательством маменьки Вейлерона.

Мои собственные горничные днем сопровождали меня повсюду, как конвой, а на ночь оставались дежурить под моими покоями на стульях — и на прямое требование прекратить это, стыдливо опускали глаза: приказ его сиятельства. Что вызывало у меня глубочайшие сомнения — в ночь, когда его сиятельство еще был в замке, под моими дверями не было ни души.

Даже самая младшая из родственниц Аласского, восьмилетняя Розалин, пыталась мне дерзить.

И дело не в том, что меня задевали ее попытки — просто их безнаказанность была еще одним красноречивым признаком.

Мне усиленно указывали моё место.

В довершение всего, отведенные мне сиреневые покои оказались довольно прохладными, и как только в первый раз переменялся ветер, задув с северо-востока, я в полной мере испытала всю прелесть сквозняков, от которых не спасал даже камин.

Запасы смирения, мудрости и благородства стремительно иссякали. Особенно быстро заканчивалось благородство.

Я сама не заметила, как махнула рукой на запреты отца, маменьки и матушки Рискин, и всё больше пользовалась своей силой.

Устроить досадную неприятность одной из достойных дам, когда меня вовсе нет поблизости. Согреться, когда не помогают одеяла и грелки. Бросить сон на караулящую под дверью горничную, чтобы беспрепятственно бродить по замку ночью...

Не так уж это оказалось и сложно — не оставлять следов.

Зато колдовать было сложно — я не знала, не понимала своего дара, тыкалась так и сяк, пытаюсь сделать хоть что-то стоящее. Мелочи, вроде отвода глаз, который я немного умела еще дома, или сон, давались уже легко. Всякие вещи, которые делать было нельзя, но очень хотелось, получались и вовсе помимо воли. А вот полезные, но сложные вещи не получались вовсе.

Книги, подсказанные Шорком, ситуации не спасали— написанные на старом языке, они были скорее головоломкой, чем помощью. Но они, по крайней мере, отвлекали. Спасали от одиночества — они и сам шорк.

Пусть и не в полной мере, но, кажется, именно эта обманчиво бестолковая, а на деле хитрая и ловкая, но по-своему симпатичная бестия, не давала мне окончательно сорваться и совершить непоправимое.

И я еженочно, методично обходила замок по расширяющейся спирали, истово мечтая как можно скорее найти похищенный из нашего замка артефакт, и сбежать, наконец, из этого серпентария домой.

Апогей наступил через шесть дней.

Дорогая серебряная игла мелькала в моих руках, ловко ныряя в ткань. Я вышивала (зеленым по зеленому).

Для занятий рукоделием дамы рода Вейлерон собрались на «нейтральной» (хаха!) территории — в янтарной гостиной. В гостиную ее светлости вдовствующей герцогини я бы и не пришла. Видят боги,

пренебрегла бы всеми приличиями и правилами хорошего тона и просто не пришла.

Изящные руки, аккуратные головы, домашние платья — сплошь зеленые. Даже восьмилетняя Розалин, которую порой допускали на посиделки, была в нежно-зеленом.

Я изо всех сил убеждала себя, что это лишь еще один маневр в объявленной мне войне, ибо заказанные для меня платья еще не были готовы, и в этом кругу всех оттенков зеленого я выглядела белой (хотя на самом деле светло-синей) вороной, но нет-нет, да и мелькала мысль — а вдруг, нет, не притворяются?

Вдруг, они и правда такие?

Тихий ужас в такие мгновения шевелил мои волосы, и я торопилась отмахнуться — нет-нет, это всего лишь манёвры и построения в мою честь, не может быть иначе!

Втыкались в ткань иглы, взблескивали искры магии, дрожал магический фон.

Забавно, но несмотря на то, что одаренные тэи щедро украшали свой рукодельный труд иллюзиями, мои работы им не уступали. Мне это дарило легкое злорадное удовлетворение: не зря матушка хвалила мои вышивки!

Благородные тэи вели приличествующую случаю беседу.

Сколько я таких бесед уже выслушала за дни, проведенные в замке Страж! Тонких, остроумных, бесконечно изящных. После каждой хотелось помыться.

Я поддевала иглой ткань, тянула нить и чувствовала, как что-то во мне истончается.

То ли те самые пресловутые запасы мудрости со смирением, то ли воля, удерживающая ведьмин дар в каком-никаком повиновении — не знаю, но в какой-то момент я вдруг поняла, что если ничего не сделаю, то... То что-нибудь сделаю!.

И, опустив на колени вышивку, я неожиданно (отчасти, даже для самой себя) спросила:

— Тэи, а что я вам всем сделала?

Голос, прервавший на середине очередную утонченно-колкую фразу тэйрим Сириль, на удивление, звучал громко и чуть удивленно. Голос хозяйки положения, а не загнанного зверя. Ай да я!

— О чем вы, ваша светлость? — очень благожелательно и очень

обеспокоенно спросила милейшая тэйрим Сириль.

— Мы вас чем-то обидели, ваша светлость? — в голосе драгоценной Мириам звучало искреннее огорчение.

Вдовствующая герцогиня промолчала — она была выше столь низменных вещей.

Я молчала и смотрела на нее выжидательно. Смотрела светло, с легкой улыбкой.

Боги, дайте мне сил никого не убить!

И после непродолжительного молчания свекровь “сдалась”.

— Видите ли, ваша светлость, — произнесла она с некоторой печалью в голосе, — возможно, вам действительно показалось, что в замке Страж вас приняли недостаточно тепло...

“Что вы! Пожалуй — слишком даже горячо!” — мысленно прокомментировала я, продолжая всё так же безмолвно давить на мать Вейлерона улыбкой.

— Но это только потому, что мы все несколько... огорчены, — она бросила на меня быстрый извиняющийся взгляд, — тем, что вы с первых шагов в качестве супруги герцога Вейлеронского, проявили такое... небрежение традициями!

Теперь в её голосе слышалась скорбь. А я пыталась “причуться” к ней с помощью дара — и не могла. Мало того, что магов в принципе читать получалось из рук вон плохо, в последнее время я всё чаще ловила себя на том, что наглотавшись отрицательного к себе отношения со всех сторон, просто боюсь применять чутье. А без его помощи определить, сколько в словах ее светлости вдовствующей герцогини искренности, а сколько лицедейства, не удавалось.

— И какими же традициями я пренебрегла? — я собрала в кулак всю наличную кротость с этим вопросом.

— Быть с мужу поддержкой в горе и в радости, — грустно признала мать Вейлерона.

Я попыталась понять, что она имеет в виду.

Вот так сходу получалось не очень.

— Но ведь... его светлости нет дома?..

Во взгляде свекрови после этого вопроса появилась жалость.

— Ваша светлость... тэя Нисайем, в нашем роду брачные клятвы — не пустой звук. Я не знаю, как было у вас дома, в Алассе, но здесь, в Вейлероне, “в горе и в радости” означает именно то, что означает.

Стоп. Это она сейчас пытается мне втолковать что, у них здесь жена едет вместе с мужем в осажденную крепость?..

Бред. Не может быть. Что делать женщине на войне?

Я представила, что сказал бы на это батюшка, и мышцы пугливо сжались.

С другой стороны... Это же Вейлероны! Они вон на родовых цветах, судя по всему, немного повернуты — кто знает, как далеко зашло их помешательство?

Ехать мне? На передовую? В крепость, под стенами которой стоит малая волна инородцев?

Я обвела взглядом благородных, достойных тэй.

У меня только один вопрос: если я сею же секунду сорвусь с места и помчусь туда со всей доступной мне скоростью, удастся ли выдать это за то, что я так хочу быть хорошей женой?

От ближайшего портала до Карлионского гарнизона было четыре часа пути. Меня встретил лично мэр и несколько раз поинтересовался, не желаю ли я дожидаться супруга в городе, воспользовавшись их с женой гостеприимством. Соблазн был велик, я всерьез заколебалась. Seriously, ну что мне делать в военном гарнизоне? Но перед глазами всплыло осуждающее лицо тэи Кералайн, ее поджатые губы и полный укоризны взгляд.

Жаль, что тэйр Алиссандр так и не ответил на мое сообщение. Надеюсь, он его хотя бы получил...

— Капитан, вы уверены, что я не нарушу ничьи планы своим прибытием? — все еще в растрепанных чувствах уточнила я у офицера сопровождения.

— Никак нет, ваше сиятельство, — отрапортовал боевой маг. — Мы все равно отправляемся в гарнизон с подкреплением, сопроводить вас — большая честь.

Вот так вот взял и перекрыл последний путь к благородному отступлению.

Ладно, в конце концов, если мне до сих пор никто ничего не сказал и даже не посмотрел косо, то может быть, тут и правда такие порядки?..

Карета тряслась на ухабах, новая камеристка, которую я усадила с собой, вместо того, чтобы отпустить на козлы к кучеру, сидела, уставившись в пол и сложив ладони на коленях. От скуки я даже

задремала...

Сначала я услышала истошный визг. И не успела толком проснуться, как карета содрогнулась. Затем последовал еще удар, заставивший меня машинально спросонья ухватиться за что попало. А потом карета медленно, со скрипом и треском... повалилась на бок.

Зубы клацнули, я прикусила язык и проглотила вопль, больно ударившись головой. Судя по звуку прыснуло осколками стекло, завывала камеристка. Меня пребольно. приложило о каретный бок и накрыло собственными юбками, и пока я выбиралась из них, карету тряхнуло еще пару раз.

С трудом понимая, что вообще происходит, я кое-как высвободилась, восстановила равновесие, села, и тут сверху донеслось рычание, а мне на руку капнула горячая вязкая слюна. Леденя от ужаса, я подняла глаза и уставилась в оскаленную пасть, в которой зубов было больше, чем волос у меня на голове. Она торчала в проем вырванной дверцы кареты. Из пасти тянулись вниз длинные ниточки слюны. Глаз у твари не было.

Резко закружилась голова, перед глазами потемнело... и тут рычание сменил рев огня. Под истошный визг тварь отшвырнуло. и в освободившийся проем заглянула голова капитана, который тут же протянул мне руку.

— Ваше сиятельство, скорее.

Я уцепилась за протянутую ладонь, меня потянули наверх и тут же подхватили еще руки, вытаскивая из кареты на белый свет. Кто-то сразу прыгнул на мое место, чтобы вытащить бессознательную камеристку.

— Сюда, ваше сиятельство. Руку. Скорее.

Капитан втащил меня на лошадь перед собой и почти сразу сорвался в галоп. Я даже толком не успела осмотреться и понять, что вообще произошло.

Ледяной ветер пронизывал до костей, я зажмурилась. сжалась в комок, пытаюсь хоть как-то сохранить тепло. Было больно, неудобно, и скачка казалась бесконечно пыткой, пока не прекратилась как-то в один миг под зычный оклик: “Открыть ворота!”.

Я вскинула голову, с трудом разлепила, казалось, смерзшиеся ресницы, и увидела, как быстро поднимается решетка, раскрываются кованые железом двери, и отряд поспешно въезжает внутрь гарнизона.

Маленький внутренний двор, забитый людьми. Звонкий стук копыт

по камням.

И герцог, торопливо сбегающий по лестнице нам навстречу.

Люди расступались, пропуская его.

Карие глаза сверкали бешенством, и у меня внутри все что-то премерзко сжалось.

Он подошел вплотную, протянул руки и снял меня с лошади. И если бы он не сжимал жестко и уверенно мою талию, у меня подкосились бы ноги, и я бы рухнула прямо там, где стояла.

— Вы можете идти? — он произнес это так тихо, что я сама едва расслышала и смогла только кивнуть.

Еще не хватало, чтобы меня сейчас потащили на руках. Как-нибудь доковыляю.

— Мне не передать словами радость видеть вас, ваше сиятельство, — произнес герцог уже вслух, так, что слышали все присутствующие.

— Ваша смелость — достойный пример для подражания и несомненный источник вдохновения в битве.

Слова были сказаны, тон задан, и повисшую во дворе тишину нарушил одобрительный гул.

Наверное, стоило сказать что-то столь же возвышенное и пафосное, но я смогла только выдавить из себя улыбку и вцепиться в герцогский локоть, молясь всем богам разом, чтобы ноги не подвели в критический момент и все же довели до того места, где я смогу упасть без свидетелей.

Тэйр Алиссандр шел молча, не реагируя на попадающихся нам навстречу и торопливо отступающих с дороги людей. Те с запозданием кланялись, а спиной я чувствовала любопытные взгляды. И только когда за нашими спинами закрылась грубоватая дубовая дверь комнаты, герцог со всем почтением осведомился:

— Тэя Нисайем, вы в своем уме?

И в голосе его звучали грозвые раскаты. Брови сдвинулись на переносице, возле губ залегли жесткие складки.

Возможно, мне должно было бы сделаться страшно — мужчина был не просто зол, он был очевидно в ярости. Но, откровенно говоря, твари, встреченной на дороге, тэйр Алиссандр категорически проигрывал, и пугаться герцога после нее у меня совершенно не получалось. Я вообще была ему страшно рада, хотя бы потому, что это означало, что до гарнизона я добралась живой!

— Вы не получили мое сообщение? — поинтересовалась я, зябко сцепив ладони. В конце концов, если он так категорически не хотел меня здесь видеть, мог бы мне об этом и сказать!

— Я получил ваше сообщение. Час назад, когда остановить ваше идиотское мероприятие не было уже никакой возможности!

— Это странно, — отметила я задумчиво. — Я отправила его еще вчера.

— В осажденный гарнизон, дорогая тэя, почта может приходить с опозданием, — ядовито отозвался мой муж. — Как вам вообще пришла в голову подобная мысль?!

Как мне пришла в голову подобная мысль...

Путем долгих размышлений, дорогой тэйр, она ко мне пришла!

Просто-напросто мне нужно было знать, насколько далеко готова пойти ваша сиятельная матушка в жажде от меня избавиться. Да, и теперь я точно знаю, что она хочет от меня избавиться, а не просто вымещает злость на неудачно сложившиеся обстоятельства.

С простой злостью я бы примирилась. Простая злость была бы понятна в общем-то и на нее можно было бы все же как-то закрыть глаза.

А вот на это — нет, нельзя. И для себя я решила, что своим поступком вдовствующая герцогиня развязала мне руки. И пусть я пока еще не придумала, как именно я добьюсь, чтобы со мной считались, но уже знала, что теперь — буду добиваться. Любыми средствами.

Потому что да, нужно найти артефакт, но пока что все поиски тщетны, сколько мне еще торчать в замке Страж — одному Бесу известно, а жить в ожидании нового удара в спину я решительно отказываюсь! Мне это не нравится!

Но, естественно, вам, ваша светлость, я всего этого не скажу!

Потому что во-первых, не желаю оправдываться, а во-вторых, вы мне все равно не поверите!

Тэя Керолайн была не глупа. И пожалуйся я герцогу, пристань он к ней с допросом — она бы просто сказала, что я ее неправильно поняла, и у нее хватит свидетелей. Я уже выставила себя дурой, выставляться еще большей дурой, а то и лгуньей, у меня не было ни малейшего желания. Но я благодарна вдовствующей герцогине хотя бы за весомый аргумент.

— В Алассе принято навещать мужа в случае затяжных боевых

действий для поддержания боевого духа и придания моральных сил, — не моргнув выдавала я, глядя его сиятельству прямо в глаза. — Я не знала, что в Вейлероне другие порядки. Мне очень жаль, если мой визит оказался... неудобным.

— Неудобным?!.. неудобным?!!!

Кажется, подбор слова впечатлил герцога особенно сильно, потому что он повторил его и в третий раз:

— Неудобным, Бес его раздери! Тэя Нисайем, вы хоть понимаете, что вы едва не погибли по дороге? Ваша камеристка серьезно ранена, часть сопровождающего вас отряда погибла, вы сами остались живы просто чудом и находчивостью капитана! А сейчас вы находитесь в осажденном гарнизоне в разгар боевых действий!

Гарнизон был с герцогским гневом солидарен, и громко бабахнул в подтверждение то ли пушками, то ли залпом заклинаний, от чего я против воли втянула голову в плечи.

— Передо мной сейчас стоит задача удержать малую волну, а я должен думать о том, как сделать так, чтобы ваша хорошенькая, но пустая головушка осталась на плечах при всем остальном теле! Вы хоть понимаете, что будет в случае вашей гибели?

Он подошел вплотную и, ухватив меня за подбородок, жестко вздернул его вверх, заставляя меня смотреть ему в глаза.

Признаться, над этим вопросом я не размышляла. Гибель как-то совершенно не входила в мои планы...

— Будет война, — припечатал тэйр Алиссандр. — Потому что ни король, ни Аласс мне этого не простят. А я не буду вымаливать прощение за то, что у одной девицы не хватило ума сидеть спокойно дома.

Я сама не поняла, почему у меня задрожали губы. Вот только была спокойна и уверена в своих решениях и действиях, а тут вдруг...

Не дождется. Не буду я при нем рыдать.

— Можно я сяду?

— Что? — недоуменно переспросил герцог.

— Вы можете продолжать читать мне нотации, я вас очень внимательно слушаю и все принимаю к сведению, честное слово. Но можно я буду делать это сидя? У меня болит нога.

То, что сорвалось с губ моего супруга дальше, я предпочла не услышать. В самом деле, не мог же благородный тэйр позволить себе

такие слова? По крайней мере в присутствии не менее благородной тэи (которая их, конечно же, совершенно и знать не знает!).

Он подхватил меня подмышки, как ребенка и сделав два шага опустил на оказавшуюся поблизости кровать, застеленную шкурами. А потом сам опустился на колени.

— Какая? — последовал короткий вопрос.

— Правая, — машинально ответила я, еще не до конца понимая, что герцог собирается делать.

А тот ловко расшнуровал и стянул ботинок. Я морщилась, но терпела, и громко ойкнула только когда мужские руки бесцеремонно скользнули под юбку. Даже попыталась от неожиданности прижать ткань, не пропуская к самому сокровенному, что впрочем не произвело на герцога никакого впечатления, и тут же залилась краской, когда он на ощупь потянул завязку чулка.

Тонкий шелк, безобразно порванный в одном месте, сполз вниз, обнажая ногу, и тут же воспаленной кожи коснулись сухие горячие пальцы.

Я покраснела еще сильнее, хотя, казалось бы, куда еще!

— Просто ушиб, — супруг мое смущение игнорировал. — Обойдемся без целителя.

Кожу легонько закололо. Я закусила губу, наблюдая, как мужские пальцы управляют тонкими потоками магии, снимают отек, ускоряют восстановление тканей. Тэйр Алиссандр был таким же светлокожим, как и я, но почему-то на фоне моей ноги его руки казались смуглыми. Загар?..

Боль прошла, а герцог продолжал держать мою щиколотку, и глядя на меня снизу вверх спросил:

— Еще где-то болит?

Я отрицательно помотала головой. Ну разве что бок чуть-чуть, но там точно ничего страшнее синяка, не надо меня осматривать!

— Хорошо, — тэйр Алиссандр таки выпустил мою ногу и поднялся сам, вновь возвышаясь надо мной. Я торопливо одернула юбку и поджала пальцы. — У вас холодные ноги. Ложитесь-ка в постель. Я прикажу Белсу принести вам ужин и что-нибудь горячее. Ваша камеристка по понятным причинам не может присутствовать, других женщин, которых я мог бы к вам приставить в гарнизоне нет. Вы в состоянии раздеться сами, или вам помочь?

— Спасибо, ваша светлость, я справлюсь, — с достоинством отозвалась я.

— Отдыхайте, тэя, — в голосе герцога улеглись и ярость, и раздражение, и теперь он был сух и озабочен. — И ради всего святого не выходите без меня из этой комнаты. Помните, что вы в зоне военных действий, и это приказ.

— В окошко смотреть можно? — уточнила я, всем видом изображая смирение и демонстрируя, что и чихнуть без дозволения не смею.

— Можно, — великодушно дозволил супруг и вышел.

Когда Белс, камердинер его сиятельства, постучал в дверь, я уже обжилась и обогрелась в постели под мягкими шкурами. Он поставил поднос, куда было сказано, поинтересовался, не нужно ли ее светлости герцогине что-либо еще и был отпущен. Я дождалась, пока дверь закроется, и выбралась из своего кокона. В нижней сорочке (ночная канула в зубастых пастьях, пусть подавятся!) было прохладно, ушибленная нога не болела, но чувствовалась слегка онемевшей — последствия заклинания. Но я все равно не стала требовать еду в постель, а прошла до стола.

На подносе оказалась большая кружка с горячим чаем, хлеб, сыр и мясная каша. Судя по всему, в гарнизоне герцог питался практически наравне со своими солдатами.

В освобожденный от оков корсета живот каша упала приятной тяжестью, от горячего чая разморило, а шум снаружи уже не казался таким оглушительным. Я подошла к окну (мне разрешили!), узкому и высокому, больше похожему на бойницу, и попыталась взглянуть в освещенную магическими огнями темноту.

Люди сновали, кричали, что-то делали, периодически грохотало. Один раз я заметила Алиссандра, судя по всему, отдающего приказы, потому что люди, стоящие вокруг него по очереди убегали в разные направления. А потом кто-то подскочил, что-то сообщил, и его светлость, помрачнев лицом, исчез из поля моего зрения.

Я вздохнула, прикрыв глаза торопливо прочитала молитву Матери-Искуснице и Отцу-Защитнику, поразмыслив, попросила и Беса не пакостничать чересчур и отправилась в постель.

Уснуть под канонаду не получалось долго, но я все же провалилась

в зыбкий сон, наполненный какими-то странными видениями — будто я это не я, а зыбкая тень за чьими-то плечами, и меня окружает странный темный мир, который то и дело высвечивается разноцветными вспышками, но тут же снова гаснет. И я нашептываю то, что шепчет мне этот мир...

Потом сон померк, а потом я резко проснулась от слабого шороха.

Сквозь сомкнутые ресницы пробивался очень слабый свет. А еще было очень тихо. Так тихо, что отчетливо было слышно малейшее движение.

Я приоткрыла глаза.

В комнате было темно, если не считать слабого светлячка над герцогским плечом. Еще глубокая ночь или ранее-ранее утро. Но так тихо. Атака волны захлебнулась?

Герцог стоял ко мне спиной и раздевался. Что-то было в его движениях не совсем правильное, но только когда он стягивал рубашку я поняла, что — он берег правую руку. Я пригляделась — видимых повреждений не было, но что-то явно причиняло дискомфорт. Тоже ушиб? Самого себя лечить тяжело и сложно, но почему к целителю не обратился?..

Взгляд еще раз пробежался по руке, вверх и вниз, а потом по спине с темной впадиной позвоночника, по широким плечам, и снова стек вниз — герцог расстегивал брюки.

Я разглядывала мужа с каким-то жадным любопытством, но когда он повернулся, торопливо сомкнула ресницы, прикидываясь крепко спящей.

Ровное дыхание. Ме-едленное... тише сердце, не стучи.

Пробивающийся сквозь ресницы свет погас, несколько мягких, едва слышных шагов, и я, не удержавшись, вздрогнула и задержала дыхание, когда тяжелое тело опустилось на кровать, рядом со мной.

Я сплю-сплю-сплю...

Тэйр Алиссандр улегся осторожно, явно опасаясь меня разбудить, и через несколько долгих минут, я отчетливо осознала, что он спит.

Ровное дыхание. Медленное.

Ну и слава богам!

Я расслабилась и тоже попыталась заснуть обратно, но сон не шел. Отлежав все, что можно, я не выдержала и повернулась на другой бок

оказавшись лицом к лицу со спящим мужем. Глаза уже привыкли к темноте, а ночь была ясной и в лунном свете, заглядывающем в окошки-бойницы все было видно довольно четко.

Тени под глазами, усталые складки на лбу...

Не в силах удержать любопытство, я потянулась к спящему магу собственным даром и с сожалением констатировала — истощен, вымотан до предела, и сон такой глубокий что почти похож на потерю сознания.

Сердце сжалось от какого-то пронзительного чувства сострадания. Тэйры Предгорий почти все такие. Там где равнинные спокойно отдают приказы за спинами верных подданных, эти рвутся в бой едва ли не впереди собственной армии. Мой отец такой же. И братья. Наверное, это как-то связано с тем, что сражаться “нашим” приходится куда как чаще. Люди должны знать, за что и за кого они умирают. За общее дело, которое роднит тэйра с рихтом...

Повинуясь странному наитию, я протянула руку и провела пальцем по лбу и переносице спящего мужа. По вискам и снова через лоб...

Лежа было неудобно, и шкуры мешали, я села, раздраженно сдув с лица волосы и снова всмотрелась в лицо герцога. В лицо, в ауру, в самую глубинную сущность.

Здесь надо залатать, а здесь подтянуть, а здесь обрывок чего-то чужого и вряд ли его кто-то заметит, а потом оно растворится, сольется и выльется через десяток лет в неприятную ломоту в плече на дождливую погоду, а то и во что похуже. Здесь снять воспаление, здесь почистить...

Руки порхали над телом, по телу — скользили, гладили, сжимали — но меньше всего в тот момент я думала о том, что прикасаюсь к обнаженному мужчине.

Я сама толком не понимала, что и как я делаю, но знала, что задумываться и пытаться понять ни в коем случае нельзя. Да и это неважно, важно, что у меня получается! У меня получается что-то хорошее!

Гладкая кожа, сильные, но расслабленные сейчас мышцы под пальцами... и последний штрих — губы к губам, и мое дыхание смешалось с чужим.

Оно будто вдохнуло финальные силы в наведенную волшбу, и та на мгновение радужно вспыхнула, и погасла оставив после себя круги в

глазах, испарину на лбу, ломоту в теле, и сонную усталость.

Я опустилась обратно на подушку, чувствуя, как слипаются глаза, и силы иссякли так резко, что их нет даже для того, чтобы подтянуть обратно отброшенные шкуры. И все, что я могу — это подкатиться под теплый мужской бок, и, прижавшись к нему, провалиться в сон.

Глава 8

Я проснулся от того, что чихнул. А чихнул от того, что уткнулся носом в копну волос. Мотнул головой, пытаясь от них избавиться и от этого проснулся окончательно. Вдохнул и приоткрыл глаза.

Позднее утро уже осветило комнату, ярко подсвечивая золотыми искрами рыжеватые волосы, выбившиеся из развалившейся косы. Во сне моя сумасбродная женушка каким-то образом умудрилась раскидать и одеяло, и шкуры, и в итоге забилась ко мне под бок в поисках тепла.

Прижимающиеся в области паха женские округлости дарили то еще ощущение бодрости.

Боевой дух вы приехали, многоуважаемая тэя, поднимать? Не знаю, как оно с боевым духом...

Держать Нисайем в руках было приятно. Теплую, мягкую, податливую.

И от нее вкусно пахло. Чем-то тонким и свежим — абсолютно неуместный в гарнизоне аромат.

Осознание того, что волна была ночью окончательно разгромлена, в принципе настраивало на благожелательный лад, но вкупе с таким пробуждением... Что-то в этом все таки есть, пожалуй, проснуться в обнимку со своей женщиной после тяжелого боя. Может, Алассы и не такие уж полные идиоты?

Хотя, конечно, тэя Нисайем “моей женщиной” являлась пока что исключительно номинально.

Она спала крепко, длинные ресницы бросали тени на щеку, а дыхание было медленным и слабым.

Я чуть отодвинулся, приподнимаясь на локте, и Нисайем с тихим вздохом потянулась за мной, переворачиваясь с бока на спину.

Нижняя сорочка платья, откровенно говоря, совершенно не предназначенная для сна, задралась и сбилась, полностью оголяя плечо и большую часть груди.

Теперь, когда все закончилось благополучно, угроза осталась

позади и опасность окончательно отступила — отступила и моя злость на ее выходку. Вчера хотелось встряхнуть дуреху, посадить на лошадь и шлепком по задку отправить туда, откуда приехала, пусть даже и лишившись при этом кровно необходимого отряда.

Увы, положение обязывает, и желания иногда приходится сдерживать во имя репутации. И выставить герцогиню идиоткой, к сожалению, было никак нельзя. Все разногласия между супругами должны случаться за закрытыми дверями спальни.

Сегодня уже казалось — ну приехала и приехала. И не побоялась ведь. И мой гнев выдержала со стойким достоинством...

Не удержавшись, я коснулся пальцами молочной кожи плеча и провел ими вдоль кромки ткани, а потом слегка — совсем чуть-чуть — отодвинул ее, высвобождая едва прикрытый сорочкой нежно-розовый сосок. Обвел его по кругу, медитативно наблюдая за тем, как он сжимается в твердую горошину.

“Боевой дух” был приподнят, как никогда, но Нисайем спала так глубоко и безмятежно, что я, вздохнув, вернул ткань на место и убрал руку. Будить ее не хотелось, но и валяться в кровати в ожидании, когда тэя изволит проснуться, тоже.

Поэтому я поднялся, накрыл жену одеялом (и не столько ради тепла, сколько от греха подальше) и принялся одеваться.

Самочувствие было на удивление великолепным. Мелькнула даже мысль, что я даже не помню, когда последний раз я чувствовал себя настолько в хорошей форме в принципе, не говоря уже о после боя. Даже ушибленная рука, ради которой мне не захотелось отвлекать загруженных целителей, не беспокоила совершенно.

Удивительное дело. Может, от того и настроение было хорошим.

Тэя Нисайем изволили проснуться, только когда был подан завтрак. Встрепанная голова высунулась из-под шкур, принюхиваясь к аромату крепко заваренного травяного чая. И глядя на это зрелище почему-то очень хотелось улыбаться. Но вот еще не хватало, чтобы девица думала, что ей любая выходка может сойти с рук. Поэтому улыбаться я не стал, только уведомил супругу:

— Волна отступила, моя дорогая, поторопитесь собраты, мы возвращаемся в замок Страж.

Всю дорогу обратно тэя Нисайем была тиха и молчалива. Она выглядела уставшей, несмотря на крепкий сон, и спросила разрешения

отправиться в свои покои, едва мы переступили порог замка, и с благодарностью приняла мое предложение не спускаться к ужину. Я все же сопровождал супругу до ее комнат и с некоторым сожалением закрыл за собой дверь. Мысль навеститься вечером к молодой жене придется снова отложить.

Зато по дороге в кабинет мне очень удачно попалась Мириам. Хотя “удачно попалась” не то выражение, куда точнее будет “караулила”. Она опустилась в глубоком почтительном реверансе, демонстрируя великолепное декольте.

— Ваша светлость, мы так молились за ваше возвращение. День и ночь...

— К счастью, ваши неустанные молитвы были услышаны, эсса, — я кивнул и, не дав женщине продолжить, добавил, пользуясь тем, что коридор совершенно безлюден. — Я не успел тебе сказать до отъезда, Мириам, но больше не стоит приходить в мою спальню без приглашения.

Ответом мне был растерянный взгляд.

— Вы хотите, чтобы я покинула замок, ваша светлость? — голос ее прозвучал надломленно, а в глазах даже заблестели слезы.

Отчего-то это не тронуло, а наоборот вызвало раздражение, хотя к Мириам я всегда испытывал только теплые чувства и мне казалось, она все прекрасно понимает.

— Ты сопровождаешь мою мать, она тебя приглашала. Если она по-прежнему в тебе нуждается, я не вижу причин, по которым тебе необходимо покинуть замок.

— Я поняла вас, ваша светлость, — прошелестела почтенная эсса.

Нахмурившись, я продолжил свой путь, собираясь заняться делами, которых за недельное отсутствие наверняка накопилось немало, но в кабинете меня поджидала новая “засада”.

— Ах мой дорогой, — матушка устремилась мне на встречу, шелестя юбками, дыша духами и сверкая драгоценностями. Я нарочно не отправлял в Страж сообщение о нашем возвращении, чтобы избежать пышной и церемонной встречи с большим количеством народа, но, естественно, что по самому замку вести разносятся быстро. — В твое отсутствие мы не находили себе места!

Материнские руки пробежались по мне, будто ощупывая на предмет повреждений.

— Видимо, именно не найдя себе места, ее сиятельство отправилась в гарнизон? — холодно уточнил я. — Матушка, я понимаю, что Нисайем молода и порывиста, но я же просил вас позаботиться о ней в мое отсутствие! Неужели невозможно было отговорить ее от этой безрассудной затеи?

— Отговорить? — мать всплеснула руками. — Как ты себе это представляешь? Ох, мой дорогой, я не хотела тебя беспокоить, но в замке после появления твоей супруги просто творится настоящее безумие! Она никого не желает слушать — я герцогиня и слова сказать мне не смейте! Смотрит на всех свысока, не дает жизни Сириль — а разве бедная девочка в чем-то виновата? Вникать в управление хозяйством не желает, советы не принимает, и экономка просто вынуждена пересогласовывать все со мной. Ты представляешь, она уволила уже с десятков горничных, где мы возьмем столько квалифицированной прислуги?! А это ее решение ехать в Карлион!.. У меня чуть не случился сердечный приступ...

Эта пламенная речь слегка сбила меня с толку. Тэя Нисайем не показалась мне настолько взбалмошной. Да, явление в гарнизон было сумасбродством, но все же...

— Прошу тебя, мой мальчик, поговори с ней, втолкуй, что никто здесь не желает ей зла и мы только хотим помочь!

— Я поговорю с ней, — вынужден был согласиться я, и мать, просветлев лицом, невесомо поцеловала меня в щеку и покинула кабинет, оставляя меня с делами и с каким-то мутным ощущением неправильности.

Я неслась по замку Страж, как мстительный дух, такая же незримая и грозная, в ореоле жажды отмщения...

А если не романтизировать и не воспарять воображением над реальностью, то я неслась из Северной башни по лестнице вниз, к своим покоем.

Сегодня за обедом я поссорилась с Сириль. Очередной её колкий пассаж в мой адрес я оборвала заявлением, что тэйрим стоило бы не обсуждать действия герцогини Вейлеронской, а поискать себе жениха — раз уж предыдущего она упустила.

Услышали все, тэя Керолайн и вовсе ахнула, до глубины души сраженная моей грубостью.

Все меня волновали мало (а тэя Керолайн так не волновала и вовсе, сколько можно из-за нее волноваться) — принципиально важно было, чтобы услышал дражайший супруг, военный гений и первый маг Предгорий.

Быстрый взгляд искоса подтвердил: услышал, недоволен. Орать не изволят — чай, он и в осажденной крепости одернуть публично не счел нужным, но взгляд потяжелел и не обещал хорошего — а обещал, наоборот, одно только плохое.

Я покаянно склонила голову, показывая, что мужнину волю узрела и приняла к сведению, но в остальном присутствующие за столом предпочли сделать вид, что ничего не заметили: глава семьи свою позицию обозначил внятно, и только во взорах нежных дам читалось обещание лютой смерти.

После обеда супруга удачно отвлекли дела государственной важности (ну, может, чуть помельче, герцогской), а я улучила момент, и сама подошла к тэйрим Сириль с извинениями. Та изволила покривиться на мои извинения (представляю себе, если бы кто-то из домочадцев позволил себе такие гримасы в адрес матушки, хотя, какие отношения у маменьки были со свекровью, мне не ведомо, бабушка со стороны отца умерла до моего рождения), но всё же согласилась, в знак мира, помочь мне с выбором платья к ужину — “Ах, я совершенно теряюсь в этих оттенках зеленого! В семь, верно?”.

Подошла и к супругу — но тот был слишком занят для выволочки нерадивой и нелюбимой жене, и получив время высочайшей аудиенции (“Поговорим после ужина, дорогая), я поднялась к себе.

Замковые дела, которые приходила обсуждать со мной эсса Линед (чтобы сразу после этого переобсудить с тэей Керолайн) были единственной сферой куда меня допускали. Хоть и чисто ритуально.

А когда эконожка удалилась из сиреневых покоев, я, прихватив с собой книгу — генеалогическое древо дорогого супруга, между прочим! — поднялась еще выше. Северная башня была удивительно удачно расположена. Южная и восточная смотрели на горы, Западная возвышалась над долиной, а из северной открывался чудесный вид на город, по-зимнему нарядный, отсюда, с высоты, казавшийся пряничным.

— Я хочу побыть одна! — властно распорядилась я, — Если я забуду, напомните мне, что в восемь часов ко мне придет тэйрим

Сириль!

И камеристка (уже третья, как бишь ее? Астра?), накинув мне на плечи медвежий мех, почтительно отступила, оставив меня в тесной комнатке наедине с книгой и видом...

Еще удачнее было то, что из этой каморки только один выход, через соседнюю комнату, где ожидает меня мой условно-почетный эскорт из служанок, обычно неимоверно раздражающий, но сегодня — как нельзя кстати.

Час я действительно заставляла себя читать — и о, Мать-Искусница, что это был за час!

А когда время истекло решительно, но беззвучно закрыла родовую книгу Вейлеронов.

Заклятие отвода глаз мне сегодня далось удивительно легко — мне вообще сегодня везло.

Дверь открылась без звука. Хороший знак.

Камеристка читала молитвенник, обе горничные вышивали и перешептывались с друг другом...

Я знала, чувствовала, что чары действуют, но всё равно кралась из комнаты на цыпочках — и только выскользнув за дверь, припустила во весь дух.

Тэйрим Сириль пришла точно в назначенный час.

Обвела взглядом пустую гостиную, нахмурила изящные брови.

Подождала. Прошла по комнате. Постучала в двери спальни:

— Ваша светлость! — и покривилась при обращении.

А при свидетелях держит себя в руках, молодец.

И — повернула ручку. Заглянула в спальню. Постояла на пороге... и вошла.

Я, выскользнув из-за портьеры, проследовала за ней.

Сердце колотилось, как безумное, руки мои холодели, а дыхание удерживать ровным удавалось с трудом.

Сириль зашла в будуар, постояла у туалетного столика, то ли презрительно, то ли завистливо разглядывая обилия шкатулок и пузырьков (между прочим, всё это подарено мне отцом, а вовсе не мужем!) Она открыла одну, другую крышку. Закрыла — одним пальчиком.

Вышла.

Заглянула в гардеробную.

Постояла напротив белого платья, натянутого на истукан в ожидании момента, когда я вновь надену его, чтобы вместе с мужем явиться в дворцовых храм.

Напротив платья она задержалась даже дольше, чем рядом с драгоценностями Аласских. Она даже почти протянула руку, чтобы коснуться его — но не коснулась. Резко развернулась на каблуках, оставив вмятины в ворсе ковра, и вышла.

Прошла через спальню, дернула ручку запертого кабинета — и, зло сверкнув глазами, покинула покои мои покои.

Я дождалась, пока за ней закроется дверь. Потом, для верности, выждала еще пять минут, считая гулкие удары собственного сердца и чувствуя, как взмокла спина.

А потом заперлась на ключ, и уже не прячась, прошла через спальню в будуар.

Назад, в башню, я возвращалась... хотелось бы сказать — вальяжно, как сытая кошка, но нет. Это скорее было похоже на мокрую мышь. Меня колотила нервная дрожь, руки тряслись, влажное платье противно липло к спине.

Страж — огромный, бесстрашный и прекрасный замок — смотрел на меня витражами узких окон с прежним отчетливым неодобрением. И если нелюбовь людей я легко приняла как должное, то его отторжение было все же обидно.

Проскользнуть под отводом глаз мимо служанок не составило труда. Горничные по-прежнему вышивали. Камеристка читала. Дверь скрипнула, открываясь передо мной, но ведьмины чары не дали им этого заметить.

И только когда она закрылась за моей спиной, и мореный дуб отрезал меня от всех обитателей замка, дар мне изменил. Помимо моей воли чары выскользнули из рук и развеялись — как будто мыльный пузырь лопнул.

На неверных ногах я дошла до своего места у окна. Опустилась в кресло. Взяла в руки книгу. И всё оставшееся время перелистывала страницы, не видя ни имен, ни миниатюр. Как механическая кукла.

Астра постучала в дверь, когда до ужина оставался час:

— Ваше сиятельство, вы просили напомнить, что в восемь у вас встреча с тэйрим Сириль!

Повторный спуск к моим комнатам дался уже легче — благо, от меня не требовалось ничего, кроме как перебирать ногами и задирать нос.

В лилово-седой гостиной я очнулась:

— Принесите в будуар изумрудное платье с черными птицами, второе цвета виридиан с вышивкой зеленым мхом и третье вердепомовое с круглым вырезом.

Указания горничным получились уверенными и естественными. Обе девицы ринулись в гардеробную, спеша выполнить приказ, а Астра пошла за мной — исполнять свой долг, помогать госпоже с прической и с одеждой.

Я открыла дверь в будуар — и почти сразу из-за спины раздался пораженный вскрик.

Было чему поразиться.

Витражное окно было разбито.

Туалетное зеркало брызгами разлетелось по ковру.

И — повсюду, везде валялись мои драгоценности: разорванная нитка жемчуга, безжалостно смятая серьга. Разоренные пустые шкатулки валялись где придётся, взирая на погром с укором.

— Ваша светлость, ваши платья...

Горничная, влетевшая в будуар, замерла. Хриплый звук, исполненный ужаса, сорвался с её губ, и она замерла рядом со мной и камеристкой точно парализованная.

Я шагнула вперёд, аккуратно переступая осколки, и подобрала с пола рубиновое ожерелье — широкое, с крупными камнями и художественно зачерненной оправой. Выглядело оно скверно.

Интересно, его можно будет починить? Потом, когда вернусь домой?

Я молча положила изувеченный подарок отца на трюмо.

Обвела комнату взглядом, собирая картину воедино, и развернулась, крутнувшись на каблуках.

Гардеробная представляла собой не менее удручающее зрелище.

Платьям всех оттенков зелёного — дорогим, новым, оплаченным герцогом — здорово досталось. Портняжные ножницы порезвились здесь вовсю. Но это всё ерунда.

Потому что рядом, на болване висело белое платье. Королевский подарок.

Изодранное в клочья.

Я даже заходить в гардеробную комнату не стала, с порога оценив зрелище, а потом развернулась и направилась к выходу.

Служанки, пришибленные ужасом, гуськом потянулись за мной.

— Сидеть здесь! — резко ошпарив их взглядом, скомандовала я.
— Ничего не трогать, никого не пускать!

— Ваше сиятельство, но тэя Керолайн... — задавлено выдохнула камеристка, и я впилась в неё тяжёлым взглядом.

— Скажи-ка мне, рихта Астра, как подобное могло случиться? — вкрадчиво поинтересовалась я у девицы, глядя в её расширенные зрачки. — Разве я не требовала находиться в покоях, вместо того чтобы следовать за мной по пятам?

Она молчала, не смея отвести глаз и даже дыша, кажется, через раз.

— Если бы вы выполняли свои обязанности, а не распоряжения тэи Керолайн, этого бы не произошло, — равнодушно бросила я и отправилась, куда собиралась.

К мужу.

Камеристка осталась стоять, словно примороженная моими словами к полу.

Ноги переставлялись так, будто стали деревянными, в голове царил прозрачность и отстраненность.

Приёмная супруга встретила меня неласково — секретарем и словами "Его светлость занят!". Но лицо его из строгого сделалось растерянным, когда я, проигнорировав почтенного эссея, молча распахнула дверь в кабинет Вейлерона.

Герцог изволил работать.

Темно-зелёное сукно и светлое дерево удачно обрамляли четкий силуэт на фоне окна. Управляющий что-то степенно и с достоинством излагал моему мужу и своему господину, письменный стол между ними и маленький боковой были завалены бумагами.

Моё появление заставило обоих оглянуться, и я, не дожидаясь, пока мужчины поднимутся, скомандовала управляющему:

— Вон.

Растерянный эссеи оглянулся на тэйра Алиссандра, и тот согласно прикрыл глаза:

— Дэйв, оставьте нас.

Управляющий благоразумно поспешил воспользоваться

дозволением, а я прошла к окну. Из окна был виден город — кабинет герцога смотрел в ту же сторону, что и моя каморка для чтения в башне.

Я молчала и понимала, что молчание затягивается, но не было сил, чтобы взять себя в руки и начать говорить заранее подготовленные слова.

Герцог тоже не спешил начинать разговор.

Когда я шла сюда, я намеревалась вывалить на голову дорогого супруга ледяное бешенство Алассов, которым славился мой батюшка, и даже чувствовала его в себе. Вот только здесь, в молчании кабинета, что-то переломилось, и моя злость на мужа и его Пройдохой проклятую семейку схлынула. Приходилось заново собирать ее по капле.

Снег за окном падал тихо и плавно.

А когда я открыла рот, из него вырвалось вовсе не то, что я запланировала сказать:

— Ваша светлость, я понимаю, что меня здесь не любят. Будем честны: вы все мне тоже не очень нравитесь! Но то, что сделали в моих покоях — это уже слишком. Если вы думаете, что моя гордость это стерпит, вы ошибаетесь. Я буду вынуждена доложить его величеству обо всём.

Молчание за спиной было нарушено не сразу.

— Могу ли я узнать, что произошло в ваших покоях? — попытался прояснить суть претензий Вейлерон.

Ах, да. Я же собственно планировала с этого начать... Но теперь расписывать, как некий мерзавец нанес непоправимый ущерб мне, моему приданому и подарку короны не хотелось.

Хотелось к папе. Домой. Свернуться клубком в безопасности своей комнаты и вволю поплакать.

Вейлерон всё ещё ждал ответа, и я устало вздохнула:

— Сходите да взгляните! Я запретила служанкам там убирать.

Шорох одежды и звук шагов дали понять, что муж встал и покинул кабинет. Дверь за ним закрылась.

Я стояла и смотрела на снег. А потом прошла к креслу.

За письменным столом тэйра Алиссандра мне было не слишком удобно: размерчик великоват. Но альтернативы не предполагалось. Выдернув из стопки с писчей бумагой чистый лист, я взялась за ручку с механическим пером, опробовала её на черновик и опустила стальное жало на лист.

"Его Величеству Астею Пятому..."

Его светлость супруг явился, когда я дописала свое послание, и чахла, не способная принять решения, как быть с ним дальше: отправлю — порадуя батюшку. Он, без сомнения, будет доволен тем, что его заклётого зятя постигнет королевская немилость. А мне уже не хотелось чтобы человека, устало опускавшегося на постель в осажденной крепости, постигла королевская немилость.

Но и не отправлять невозможно. Не отправлю — дам понять, что об меня можно вытирать ноги...

Словом, явление мужа застигло меня в тот момент, когда я осознала, что своей затеей загнала себя в тупик, и как раз доходила до мысли, что интриги, кажется, не моё.

Он вошел в кабинет, и было в его лице нечто такое, что я сразу как-то поняла: не только Алассы славны холодным бешенством. Нет, мы на монополию и не претендовали, но супруг казался мне всё это время более... уравновешенным. Флегматичным даже.

Его светлость был окружен гневом, как грозovým облаком, и мне захотелось приглушить восприятие как можно сильнее, чтобы не ощущать проскакивающих в этом облаке колючих разрядов.

Увидев лист, покрытый вязью моего почерка, муж протянул руку:
— Позвольте.

И ничего, что сердце дрожало, как заячий хвостик, когда я отдавала супругу письмо! Главное — подбородок оставался вздернутым.

События для его величества я изложила скупой и сдержанно, в завершение присовокупив просьбу — прислать в замок Страж компетентного человека, способного точно установить ущерб, нанесенный моему приданому. Вейлерон каменел лицом, читая, и облако вокруг него уплотнялось, темнело...

Боги-боги... А ведь ему проще всего сейчас прибить меня, и свалить все на трагический случай. К примеру, пожар... Я отчаянно старалась чтобы эта мысль и накатившая за нею паника не отразились в моих глазах, но Вейлерон видел её, наверняка видел, не мог не видеть, с его-то опытом, и его слов я ждала с ужасом.

— Весь ущерб будет вам компенсирован лично мной, тэя.

Тяжелый голос заполнил кабинет, пронзил меня насквозь, отозвался гулом в костях и нервах... И лишь через несколько мгновений

я поняла, что он сказал.

— Вне зависимости от того, кем он был нанесен и отправите ли вы это письмо.

Плотный лист с вензелями и гербами Вейлеронов лег на стол, и герцог одним пальцем подвинул его ко вплотную ко мне.

Сперва я поняла только, что меня не убивают, и мысленно чуть не застонала от облегчения. А потом все же застонала — ка-а-ак?! Как “вне зависимости от того, отправите ли вы письмо”? А поугovarивать меня?! Дай же мне возможность отступить, сохранив лицо, Пройдоха тебя побереги!

— Но я бы предпочел, чтобы произошедшее осталось внутри семьи.

Я вздернула подбородок еще выше и гневно смерила его взглядом. Тонкий навик смотреть сверху вниз на куда более крупного, чем ты сама, оппонента, мне прививала лично герцогиня Аласская.

Начиналась самая ответственная часть моего плана. Теперь важно было не прогадать, и добиться того, ради чего я всё это и затеяла. Того, что действительно мне было мне необходимо. Жизненно, как воздух.

— Мне нужны добросовестные слуги, ваша светлость. По-настоящему добросовестные — если вы понимаете, о чем я говорю! — надменные слова обозначили начало торгов.

Камеристка, горничная... Чушь.

Преданные, надежные люди рядом — это стоило того, чтобы пожертвовать драгоценностями и нарядами.

Этой ночью я снова выбралась в библиотеку. Бродить по замку в поисках невесть куда подевавшегося родового артефакта не было ни сил, ни желания — сегодняшний день высушил меня до дна. Спать не получалось, и я сбежала из покоев, уже привычно усыпив присмиривших и перепуганных служанок. Хотелось сидеть, бездумно смотреть на свечу, и больше ничего не делать.

Этим я и занималась, забравшись с ногами в кресло и зажав на коленях книгу.

Вспоминать прошедший день хотелось еще меньше, чем спать — но мысли всё равно крутились вокруг него.

Я вытребовала у мужа камеристку, горничную и белошвейку из замка Алассов, и это было даже больше, чем я рассчитывала, потому что

изначально я надеялась только на Ниту и Анабель. Дав согласие и получив мое слово — не отправлять письмо, герцог тут же, при мне отправил послание отцу, и я представляю, как обрадуется матушка, лишившись лучшей белошвейки герцогства!

Но матушка, я уверена, справится с потерей и найдёт ей достойную замену, а я... Я попросту устала быть одна. Мне нужен хоть кто-то рядом. Хоть кто-то свой.

Свечной огонек расплывался в глазах, и нет, я не плакала — просто к горлу подкатил глупый противный ком.

Когда откуда-то сверху на колени, прямо на книгу, шлепнулся кто-то большой, черный и мохнатый, я даже не испугалась — у шорка такое появление стало уже обыкновением. Я сгребла этого “кого-то” в охапку, и уткнулась в него носом. В тугого, увесистого. Тепло.

Инородец терпеливо дождался, пока моё дыхание из прерывистого станет ровным, и только потом вывернулся из объятий, устроился на столе передо мной, начал коготками приглаживать взъерошенную шерсть, всем видом давая понять, сколь не одобряет подобной фамильярности.

И лишь приведя себя в порядок, заговорил, искоса наблюдая за мной круглым алым глазом:

— Старая хозяйка сегодня ругалась. Много ругалась!

И замер, ожидая моей реакции.

Я потянула к себе книгу, раскрыла её на закладке. Нет, мне было очень интересно, что он узнал. Но уговаривать и торговаться не было сил.

— Сперва девицу свою. Ту, которая хотела хозяйкой стать! Потом с хозяином.

Шорк обвил лапы чешуйчатым хвостом, и чуть повернулся, чтобы смотреть на меня обоими глазами.

— М-м-м, — неопределенно отозвалась я, делая вид, что книга меня увлекла.

— Ой-ой-ой, как ругала!

Я всем видом давала понять, что с интересом читаю.

— Говорила... Говорила, что та её опозорила. Что думала, будто воспитала её достойно. А она неблагодарная!

У-у-у, знакомо. Её светлость матушка тоже любила метать в мою сторону эти громы и молнии...

Шорк побуравил меня алым взглядом, а потом вдруг раскрыл пасть — и я услышала голос вдовствующей герцогини!

— Как ты могла! — голос тэи Керолайн был просто ледяным. — Из-за твоей глупой выходки, девчонка, моему сыну могла грозить опала! Мы вырастили тебя! Воспитали! А ты благодаришь нас королевской немилостью?! Чтобы избежать её, моему сыну пришлось пообещать этой женщине возместить нанесенный тобой ущерб! Ты представляешь, на какую сумму ты испортила драгоценностей? Я разочарована вами, тэйрим. Я считала, что вы умнее, и испытываете к нам хоть каплю благодарности! В ближайшее время я подберу вам супруга, а до того — вы возвращаетесь в дом вашего отца.

Я зачарованно смотрела на шорка, открывшегося мне с новой грани — и слушала, как холодный тон герцогини Вейлеронской становится отстраненным, как обращение меняется с домашнего, семейного “ты” на официально-отстраняющее “вы” и “тэйрим”, и как завершающие слова ставят точку в этом монологе.

— А... А Сириль? — осторожно уточнила я, не в силах притворяться больше безразличной.

— Плакала, — деловито откликнулся шорк. — Говорила, что не она. Сначала. Потом опять плакала.

Полузмей-полулетчий мыш подполз ко мне ближе, и я, вздохнув, сгребла его в охапку.

— Осуждаешь? — спросила куда-то в черную шерсть.

— Люди! — удивительно философски отозвался шорк.

Ужин ожидаемо был испорчен и все трапезничали по своим закрытым комнатам. Оказаться в тишине и одиночестве было по-своему неплохо, но я бы предпочел, чтобы это случилось в других обстоятельствах.

Мать была зла. Сириль рыдала. Нисайем заперлась у себя, уведомив, что желает побыть одна.

Сообщение о том, что скорее всего погром в ее покоях совершила воспитанница вдовствующей герцогини и что в ближайшее время она покинет замок, моя супруга приняла равнодушно. Отказалась от переезда в другие комнаты и потребовала все прибрать в этих.

Она выглядела высокомерной и надменной, именно такой, какой описывала ее мать. И смотрела на меня с вызовом и одновременно,

почему-то, страхом.

Иногда мне кажется, что жить в гарнизоне под постоянной атакой волн проще, чем в стенах родного замка, хотя бы потому, что там все просто и понятно — здесь свои, здесь враги: этих беречь, этих убивать. Именно поэтому герой войны из меня еще ничего, а вот политик...

Самокритично усмехнувшись сам с собой, я устало потер шею и вытянул ноги. Что должно было случиться дома за неделю моего отсутствия, что моя мать чуть ли не со слезами на глазах принимается уверять меня, что моя жена неуправляема, жена, до того демонстрировавшая прекрасные манеры, прилюдно оскорбила постороннюю тэйрим, а эта самая посторонняя тэйрим опустила до отвратительной и откровенно глупой выходки?..

Если Сириль настолько неприятно было находиться в замке и смотреть на ту, что заняла место, которое она уже считала своим, что мешало ей просто уехать? В конце концов, ее не связывают никакие обязательства.

Хоть я и не считал, что ее присутствие в замке Страж уместно после моей свадьбы, выставлять девушку в приказном порядке не было причин, в конце концов, она ни в чем не виновата и если ей хотелось оставаться подле моей матери...

Перед глазами всплыл облик вдовствующей герцогини с поджатыми губами.

— Девочка не могла совершить ничего подобного! И у тебя нет доказательств!

— На самом деле не имеет ни малейшего значения, виновата она или нет. Ей просто-напросто больше нечего здесь делать. Это не обсуждается, мама. Тэйрим Сириль покидает Страж, и если вы так дорожите девушкой, то на вашем месте я бы занялся тем, чтобы подыскал ей другую достойную партию, а не тратил время и силы на попытки изменить то, что изменить нельзя. Возможно, королевская воля вам и не по душе, но она, как и мой приказ — не обсуждается. Поэтому всем будет лучше, если вы и тэя Нисайем найдете общий язык. И еще. Почему вы до сих пор не передали моей жене фамильные драгоценности? Я ожидаю, что это будет сделано в течение суток.

Мать смотрела на меня так, будто я ее ударил.

— Мириам ты тоже отошлешь? — холодно осведомилась она.

— Мириам вольна оставаться в замке столько, сколько вы этого

желаете, если только она в свою очередь не намеревается враждовать с ее светлостью.

Голова гудела.

Знает ли Нисайем о Мириам? Почтительно ли ведет себя эсса в отношении новой герцогини? И не стоило ли все же отослать и ее?..

Спасибо, ваше величество, все же подкинули вы мне головную боль!

Движение я почувствовал спиной, позвоночником, зудящей щекоткой. И большого труда стоило удерживать рефлекс, позволяя затаившемуся в тених убийце приблизиться еще немного, еще чуть-чуть... на расстояние неминуемого, неотвратимого удара...

Миг — и черная молния врезается в живот, почти опрокинув меня вместе с креслом.

И я расхохотался, позволяя Шорку делать вид, что он остервенело рвет на мне рубашку в попытках добраться до внутренностей, но стоило протянуть ладонь, как в нее тут же ткнулась покрытая шелковистой шерстью голова.

— Хозяин вернулся, — нечисть выскалила в широкой улыбке многочисленные мелкие зубы, и длинный змеиный хвост довольно хлестнул по подлокотникам.. — Замок грустил без хозяина!

— Незаметно, — пробормотал я. — Кажется, тут наоборот было очень весело.

— Не-е, — не согласился Шорк. — Ску-учно.

— Выкладывай, чем она занималась?

Я приставил замкового питомца приглядывать за супругой в первый же день, но вот отчета стребовать до сих пор не пришлось.

— Спала, кушала, платья надевала, еще платья, много-много-платьев, потом гуляла, потом кушала, потом меняла платье, потом...

— Стоп, — с трудом удержав смешок, оборвал я, — “кушала” и “платья” опускаем.

Рубиново красные глаза остекленели, Шорк замер, будто пораженный заклятием оцепенения. Кажется, в его маленькой голове сейчас в спешном порядке вычеркивались “кушала и платья” и шло судорожное вычисление того, что выходит в остатке.

Он растопырил длинные когтистые пальцы и начал загибать по одному:

— Вышивала, читала, гуляла, разговаривала, разговаривала,

разговаривала...

— С кем разговаривала?

— С бывшей хозяйкой и ее женщинами, с городскими, у которых нити да иголки, — принялся перечислять инородец, которого сколько ни учи, а втолковать человеческую иерархию и систему именований так и не удалось, — с хозяйкой-которая-не-хозяйка, с девицами, которые хвостом ходят и меняются, с маленькой... и все почитай.

— О чем разговаривала?

Инородец поскреб лапой затылок и развел крыльями — да о ерунде всякой, хозяин, не достойной даже не то что упоминания, а и запоминания!

Я вздохнул. Шорк был дивно полезной зверушкой, но все же зачастую себе на уме. Я рассеянно поглаживал короткую шерстку, наблюдая как нечисть довольно жмурится. А Шорк вдруг, понизив голос, доверительно произнес:

— Она хорошая хозяйка, хозяин. Сильная! Глупая пока, правда, но Шорк научит! Шорк умный! И полезный!

Он горделиво вытянулся на змеином хвосте.

— Где она сейчас?

— Спит, хозяин.

— Спит... — произнес я вслух сам себе. — Ну пусть спит. На-ка тебе, заслужил.

Я достал из кармана брюк свернутый платок. Шорк принялся, осторожно развернул и тут же спальню огласили сдержанные восторженные попискивания и довольное урчание — инородец перебирал привезенные специально для него сокровища — несколько виверньих клыков.

Что он с ними делал, я понятия не имел, но подозревал, что в душе нечисти живет то ли увлеченный коллекционер, то ли ученый-биолог.

С хрустом потянувшись, я отправился в кровать — утро вечера мудренее.

Жену я застал в разгар утреннего туалета.

Она уже облачилась в одно из своих “старых” домашних платьев — в крупную, вызывающе-красную клетку, и смиренно сидела перед зеркалом, позволяя камеристке скользить щеткой по волосам.

Наши взгляды встретились в отражении зеркала, и Нисайем почти

сразу опустила ресницы.

— Доброе утро, ваша светлость, — и снова примерна, и снова тиха.

— Сегодня я отправляюсь с докладом в столицу, — сообщил я герцогине. — Меня не будет весь день, возможно, и на ужине тоже.

— Хорошо, ваша светлость.

— Я хотел предложить вам отправиться вместе со мной.

Густые ресницы снова взметнулись вверх. В витражном солнечном свете глаза вдруг оказались насыщенного зеленого оттенка, совсем не бледного.

И все-таки красный ей не идет.

— Я должна вас сопровождать?

— Я отправляюсь с докладом его величеству и, вероятно, буду занят большую часть дня, так что не смогу составить вам компанию. Но вы могли бы развеяться, возможно, повидать знакомых, пройтись по магазинам. И мы могли бы остаться в столице на ночь.

В зеркале отразилась отчаянная борьба. Кажется, мое предложение ее заинтересовало, но в то же время ей что-то категорически мешало его принять. Или она по-прежнему меня боится, и ночь упоминать не стоило?

— Благодарю, ваша светлость, — произнесла она наконец. — Но если я вам там не нужна, я предпочла бы остаться в замке.

Внутри шевельнулась досада.

— Вы уверены?

— Да, ваша светлость, уверена, — подтвердила девица.

Я постоял еще несколько мгновений, наблюдая как щетка скользит по длинным каштановым прядям. И вышел.

Как знает.

День в столице превратился в ночь в столице и в новый день в столице.

Его величество при моем появлении радостно распахнул объятия: Вейлерон, тебя-то нам тут для полного счастья и не хватало! И втянул в военный совет. Донесения из прочих пограничных гарнизонов тоже были не утешительные. Аласс, дорогой тесть, сухо уведомил меня, что идут волнения нечисти вдоль всей границы герцогства.

Слов “Великая Волна” никто не произносил, но они висели в воздухе.

Карты, схемы, прогнозы, исследования активности, доклады-

доклады-доклады. Оценка рисков. Превентивные меры. Доклады-доклады-доклады...

Я переступил порог замка Страж только поздним вечером следующего дня.

— Алиссандр! — на глазах у матери блеснули слезы. — Алиссандр, как хорошо, что ты вернулся. Твоя жена со своими девками со скандалом выставила Мириам из дома. Боги, это была безобразная сцена! Ты бы только знал, о чем теперь шепчут слуги! Потом она укатила из замка, а вернувшись, отказалась даже словом со мной обмолвиться! Исчезла, и теперь мы понятия не имеем, где она находится!

Так...

Так

Глава 9

Интересно, как долго можно незамеченной просидеть на верхней галерее библиотеки? Если тебя не ищут, то, наверное, целую вечность, потому что кроме меня в этой самой библиотеке, по-моему, никого и не бывает, а значит, замечать некому.

А если ищут?..

— Нисайем!!!

О! Не так долго, как хотелось бы. Но, может, он еще мимо пройдет? Серьезно, зачем ему искать меня в библиотеке? Разве ж мне тут место? Уважаемую тэю стоит искать совсем не там. А в оранжерее, например, или в ее комнатах в компании других, не менее уважаемых тэй. Или за рукоделием, музицированием... мало ли на свете занятий для уважаемых тэй!

Но уж точно не в библиотеке.

— НИСАЙЕМ!

Что ж так надрываться-то? Сейчас, не дай боги, связки повредит, как командовать парадом будет? Осипший герцог — зрелище печальное и не вдохновляющее, а вдохновение в военных делах элемент совсем не лишний!..

— НИСА!!!

Дверь в библиотеку распахнулась с грохотом, и я против воли втянула голову в плечи, но тут же опомнилась, выпрямила спину — грациозный наклон головы, тонкие пальцы между страниц книги,

опущенные ресницы и даже до отвращения правильные складки на юбке вопиют о том, что перед вами крайне благочестивая тэя одного из древнейших дворянских родов Карлиона.

Тяжелые шаги по паркету — обратный отсчет. И герцог замер у подножия ведущей на галерею лестницы.

Под прикрытием ресниц я покосилась вниз.

Стоит. Смотрит. Карие глаза полыхают, темно-шоколадные волосы в беспорядке, губы сжаты в тонкую линию, скулы напряжены. Осторожно, ваша светлость, не скрошите зубы ненароком! У вас такая красивая улыбка жалко портить!

— Немедленно спускайся.

Хриплый приказ. Никак и правда голос сорвал?

— Зачем? — спокойно поинтересовалась я, перелистнув страницу и изображая полное и абсолютное погружение в книгу. На самом деле строки скакали перед глазами, и я даже не была уверена, что не держу ее вверх тормашками.

— Затем, что я сказал! — рывкнул герцог так, что стеллажи содрогнулись.

Фух, отбой тревоги! Голос на месте, парад состоится — ура, ура, ура! Да здравствует Вейлерон, чтоб ему провалиться!

— “В разговоре с тем, кто стоит ниже, помогайте собеседнику подняться до вашего уровня, но ни в коем случае не опускайтесь до его”, — с возвышенным придыханием процитировала я. — “Записки тэйра Лорвена. Том второй. Об искусстве диалога”.

Алиссандр, герцог Вейлеронский, супруг мой законный перед богами и людьми, едва ли не зарычал. Я не была менталистом, но им и не нужно было быть, чтобы прочитать мысли этого мужчины в данный конкретный момент.

— Если вы меня придушите, то приданое придется вернуть! — сочла необходимым напомнить я. — С компенсацией, между прочим. Подумайте о ваших людях, ваша светлость, минутное удовольствие не стоит таких жертв, я считаю.

Шпилька ушла в пустоту. На застывшем красивой маской лице не дрогнул ни мускул, и вообще создалось обидное впечатление, что благородный тэйр вспомнил, кто он такой и решил взять себя в руки. Но так же нельзя! Я же так старалась! Это он сейчас успокоится, и мои бедные нервы были растрочены впустую?

— Значит так, многоуважаемая тэя Нисайем, — подтверждая мое разочарование, герцог заговорил медленно, четко и ровно, — в этом замке хозяин — я. А значит, только я принимаю решения о том, кто может здесь остаться, а кто должен уехать. Это вам понятно?

Ледяной тон был более чем намекающим. И обидным до слез. Быстро сморгнув, я растянула губы в безмятежной улыбке.

— Конечно, ваша светлость. Прошу простить мое своеволие. Конечно же, только вы решаете, кто может здесь оставаться, а кто нет. В конце концов, кто я такая? Всего лишь временная гостя.

— К чему это вы клоните, тэя Нисайем? — в вопросе послышалось напряжение и зашедшее на новый виток раздражение, пролившееся бальзамом на мою душу.

— К разводу, тэйр Алиссандр, — церемонно отозвалась я.

— И на каких же основаниях? — ядом в его голосе можно было отравить целую армию.

Я собралась с духом и выпалила выпестованную, бережно подготовленную, прекрасную в своем совершенстве гадость:

— На основании вашей мужской несостоятельности, мой тэйр, и неспособности зачать мне ребенка.

На несколько мгновений мир замер. Тишина стала плотной, осязаемой, от нее заложило уши и перехватило дыхание. А потом пол галереи подо мной вдруг растворился, и я с визгом полетела вниз...

Чтобы угодить в подставленные руки, а на ухо свистящим шепотом прозвучал приговор:

— Ну все, девчонка, ты доигралась.

Не так, ой не так я планировала разговор с супругом. Вернее, планировала-то я его именно так! Но надо было, тэя Нисайем, разумный диалог обдумывать, а не гадости на языке катать!

И я уже открыла, было, рот для того самого, разумного диалога, как герцог взял... и перекинул меня через плечо, как... как... как какую-то девку деревенскую!

И это с ним прикажете диалогироваться?!

Я попыталась гневно извернуться, но тяжелая ручища придавила талию, дрыганье ногами увязло в многочисленных юбках, и мне оставалось только зло стукнуть кулаком по широкой спине. Спина на этот боевой порыв отреагировала соответствующе — никак.

— Немедленно отпустите меня! — я вспомнила, что у меня божьей милостью дар речи имеется.

— И не подумаю.

Тэйр Алиссандр покинул библиотеку и теперь широким шагом направлялся к лестнице на второй этаж.

— Это возмутительно! И непочтительно! И в конце концов мне неудобно! — я пыхтела, сопела и извивалась, но вся эта возня не производила на герцога ни малейшего эффекта.

Хотя вру, при словах “мне неудобно” герцог хмыкнул и подкинул меня на плече. От этого движения меня хорошенько потрянуло, с едва слышным звоном из волос выскользнула шпилька, и вся прическа от этого стремительно поползла.

— Варвар! — простонала я, отплевываясь от волос, и попыталась кое-как выпрямиться. Но ладони скользили по ткани, зацепиться и упереться не получалось. — Чудови...

Очередное подбрасывание, сдобренное шлепком по юбкам, заставило клацнуть зубами.

— Вы что-то хотели сказать, герцогиня?..

Я кое-как примерилась и ткнула острым кулаком прямо в центр позвоночника. Герцог сдавленно хекнул, но не выпустил. А второй меткий удар я нанести не успела. Мир в очередной раз кувыркнулся, и я плюхнулась на кровать, подпрыгнув на мягкой перине. А через несколько мгновений раздался звук защелкнувшейся двери и провернувшегося ключа.

Фух! Всего лишь запер? Обошлось что ли?

Я встряхнулась, откинула волосы с лица и настороженно замерла.

Это не моя комната.

И герцог в качестве предмета интерьера здесь тоже определенно лишний!

Он стоял в паре шагов от кровати, между мной и закрытой на ключ дверью.

И раздевался.

На то, чтобы осознать этот факт, мне потребовалось долгих секунд пять, а то и все десять. И за это время супруг успел избавиться от сюртука и жилета, и даже уже наполовину расправиться с пуговицами рубашки — ворот разошелся, а под воротом...

Я сглотнула.

Внутри отчаянно зазудело ляпнуть ломким детским голосочком “а что это вы, дяденька, делаете?”, и я на всякий случай даже прикусила кончик языка, чтобы уж наверняка подобную глупость не озвучить.

Потому что до меня, наконец-то, дошло, что именно имел в виду герцог под “доигралась”, и резко проснувшееся чувство самосохранения носилось по черепной коробке и орало генеральским голосом: “Всем молчать! Все назад! И ни звука! Кто скажет хоть слово, четвертую через повешение!!!”.

Когда полы рубашки разошлись, открывая узкую полоску обнаженной кожи и темную выемку пупка, а мужские пальцы взяли за запонки на манжетах, я вдруг остро осознала, что сижу на кровати в герцогских покоях, с задранными юбками, с растрепанными волосами, тяжело дышащая ото всех переворотов и брыканий, и жесткий край декольте как-то особенно чувствительно врезается в грудь...

Страшно почему-то не было.

Было странно. И любопытно. И нервно. Но все равно любопытно.

Хотя больше, пожалуй, все же нервно.

Потому что, когда герцог расправился с запонками, скинул с себя и рубашку, и шагнул в мою сторону, я в свою очередь, не отрывая от него взгляда, подалась назад. Медленно, не мигая уставившись в карие глаза.

Я почти доползла до спинки кровати, еще не совсем понимая, куда буду отступать дальше, когда на моей лодыжке сомкнулись горячие сильные пальцы, обжигающие сквозь тонкий шелк чулок.

— Куда это вы, тэя Нисайем? — вкрадчиво осведомился герцог.

Я застыла, соображая — и впрямь, куда это я? Ползти надо не прямо, а по диагонали, желательно так, чтобы соскочив с кровати, можно было сразу рвануть к двери, не в окно же мне, право слово, выбрасываться?

За потерянные на размышления мгновения с меня содрали обе туфли, и когда чужие пальцы щекочуще пробежались по ступне и дальше — вверх, до самой коленки, меня на мгновение накрыло волной жара. Каким-то очень интимным было это прикосновение, интимнее

даже, чем поцелуи.

Я опомнилась, взвизгнула, брыкнулась и, нащупав жесткую декоративную подушку, от души опустила ее на голову дорогому супругу.

Наверное, тэйр Алиссандр все же не был бы героем войны, если бы из строя его можно было вывести голой пяткой и декоративной подушкой.

Он мало того, что не выпустил мою ногу, а сжал ее крепче, но еще и в следующее мгновение мои запястья захлестнула полупрозрачная мерцающая петля. Стянула их и вздернула вверх, зацепившись непонятно за что. Вроде и не туго, и не больно, а высвободиться почему-то все равно не получалось.

Пока я выясняла это опытным путем — дергаясь, как муха в паутине — герцогская ладонь проникла под кружево панталон, добралась до края чулка...

Осторожное, невесомое практически прикосновение к обнаженной коже, но от него по телу прошла волна жара. Я застыла, ошарашенная слишком яркими для таких простых действий ощущениями (это ведь снова даже не поцелуй!), и обнаружила, что мужчина находится куда ближе ко мне, чем я ожидала.

Надо мной.

Мой взгляд мазнул по напряженному рельефному животу, по груди с темными сосками, по шее, по жесткой линии подбородка, по губам. И когда он, наконец, добрался до карих глаз, я почувствовала, что мне становится очень жарко. Щеки полыхали, губы, язык, горло пересохли, груди стало тесно в корсете, а по-прежнему лежащие на моей коже пальцы жгли углями.

Зацепив мой взгляд, герцог убрал руку оттуда, где нестерпимо жгло (легче от этого, почему-то не стало) и медленно наклонился.

Я закрыла глаза, разомкнула губы и против воли издала тихий разочарованный вздох, когда поцелуй коснулся не их, так ждавших этого поцелуя, а шеи.

Мягкие губы мазнули по коже и прихватили мочку уха.

— Вы этого добивались, моя дорогая тэя? — обжигающий хриплый шепот и мурашки-мурашки-мурашки...

Я зажмурилась еще сильнее и отчаянно и честно помотала головой.

Точно не этого! Этого я честно-честно добивалась меньше всего!

— Ну как же? — все так же тихо осведомился герцог и его губы спустились ниже, прижались к выглядывающему из декольте полушарию груди — и сумасшедше бьющееся сердце чуть не выскочило из грудной клетки. — Вы же только что категорично настаивали на исполнении супружеского долга.

— Это... не... неправда, — с трудом прошептала я и прикусила губу.

С закрытыми глазами все почему-то ощущалось только острее.

Это неправильно. Я не должна так реагировать. Ни одна благородная тэя не будет так изнывать по мужчине, не будет неосознанно выгибаться так, чтобы мужской руке, лежащей на моем бедре, было удобнее скользнуть выше, туда где все ныло и пульсировало. Не будет задерживать дыхание на вдохе, лишь бы только продлить прикосновение губ к груди...

Мне казалось, что если я не буду его видеть, то смогу взять себя под контроль, но в итоге я была даже благодарна за связанные запястья — магическая удавка контролировала меня куда лучше меня самой.

— Неправда, значит? — иронично уточнил муж и потянул завязки на панталонах.

Низкий, слегка изменившийся голос будоражил едва ли не так же, как прикосновения, посылая по телу волны дрожи. А может быть, дело в том, что звучал он так близко, что дыхание щекотало кожу?

Все это надо прекратить!

Но ведь он имеет право?..

Но ведь я не хочу прекращать...

В момент, когда ловкие пальцы проникли под ткань и прикоснулись ко мне там, внизу, герцог накрыл мои губы, и мой вскрик утонул в поцелуе.

И я осознала, что до сих пор — он меня не целовал. Просто касался губами. Поцелуй — настоящий поцелуй — был сейчас. Глубокий, долгий, кружащий голову. Проникновение языка сменялось короткими покусываниями, и я, окончательно дезориентированная, задыхалась, выгибалась, отвечала...

В то время как пальцы внизу творили что-то невообразимое. Они то невесомо скользили по складкам, то надавливали, заставляя меня сводить ноги от странных тянущих ощущений, то сосредотачивались на одной особенной точке, и тогда происходящее становилось совершенно

невыносимо.

И на грани восприятия напряженное ожидание, что что-то должно случиться.

Еще немножко.

Сейчас.

Вот-вот...

И...

Это было ослепительно.

Взрыв наслаждения, волной промчавшийся по всему телу, до пальцев на ногах. Пик острого, почти болезненного, но упоительно сладкого напряжения.

Оно накрыло и смыло реальность.

И та возвращалась медленно и неохотно — слабостью, сбитым дыханием, слезами, застывшими на слишком сильно зажмуренных ресницах.

Всепоглощающим чувством стыда.

Они все были правы.

Ведьма. Испорченная. Порочная. Помани мужчину пальцем и тут же упадет к нему, как спелый плод с ветки. И неважно, что это муж. Я все равно не должна была... так.

Это все наверняка совершенно неправильно.

Мать-Искусница, ну почему ты отвернулась от своей дочери?..

Бес-Пройдоха, ну хоть бы ты помог сейчас сквозь землю провалиться!

Боги оказались глухи — ни очищающего благословения, ни сомкнувшейся над головой земной тверди не случилось.

Самым страшным было открыть глаза. Так что я продолжала отчаянно страдать с закрытыми. Даже когда поняла, что мои запястья уже ничто не удерживает. Я бы для верности даже закрыла лицо ладонями, но это означало бы подать признаки жизни. А подать признаки жизни — нарушить хрупкую тишину. А нарушить тишину...

— Ниса.

Тишина осыпалась, и, резко выдохнув, я рывком села. По-прежнему зажмурившись, нашарила край кровати и спустила ноги на ковер. Ну вот, теперь, когда герцог точно остался сзади, можно и открыть глаза.

— Ниса?..

Боги, за что?! Может, если я сейчас как-нибудь по-хитрому хлопну-топну, то все-таки сумею провалиться?..

Его голос не изменился, оставался все таким же хрипловатым, и от этих интонаций у меня по позвоночнику прошла медленная дрожь.

Бежать! Бежать!

Но я же не могу в таком виде через весь замок? Если кто-то увидит... Босая, мятая, волосы гнездом, грудь почти вывалилась из корсета.

— Тэя Нисайем, я вас обидел?

Официальное обращение и контрастное прикосновение губ к обнаженному плечу, с которого как-то незаметно для меня было стянуто платье. Я вцепилась ногтями в покрывало, стиснула его в кулаках. Выдавила, с трудом заставляя себя дышать ровно:

— Нет, ваше сиятельство.

Чуткие пальцы отвели в сторону взлохмаченные локоны, открывая доступ к шее. Где тонкая, чувствительная кожа. Слишком чувствительная...

— Ты можешь уйти, если хочешь.

Чувственный шепот на ухо, противоречит тому, что вытворяют мужские губы.

Уйти? Я?..

Как?

А герцог, воспользовавшись моей такой удобной позой, взялся за пуговицы платья на спине, и расстегнул их быстрее, чем опытная камеристка. Ткань медленно поползла вниз.

— Посмотри на меня. — Я снова зажмурилась. — Ну же, девочка, не бойся.

Пришлось медленно повернуться, придерживая лиф руками.

— Для этого надо открыть глаза, — с теплой усмешкой произнес голос.

Это обязательно, да?..

Ладно, Ниса, давай, ты сможешь! От стыда еще, вроде бы, никто не умирал — будешь первой! Какое-никакое, а достижение в жизни.

Мокрые ресницы разлепились с усилием.

Осуждения в карих глазах не было. Осуждение я в них как-то видела, и выглядело оно совершенно не так. Что было — я не понимала. Знала только, что того выражения, с которым герцог смотрел на меня

сейчас, до сих мне видеть не доводилось.

Он обхватил мое лицо ладонями и наклонился, мимолетно коснувшись моих губ. Так быстро, что я против воли потянулась следом — поймать ускользающий поцелуй. Красиво очерченные губы тронула улыбка.

А потом... Поднявшаяся откуда-то из глубин души волна протеста снесла к Бесу все тщательно выстроенные преграды — запреты и правила, можно и нельзя.

И я позволила целовать себя — жадно, жарко, яростно. Позволила бесцеремонно обдирать с себя такую лишнюю сейчас одежду. Позволила мужским рукам и губам делать со мной все, что угодно — мять, кусать, сжимать, целовать грудь, остро оттягивая чувствительные соски, выписывать языком узоры и петли на дрожащем животе, проникать пальцами еще глубже, чем в прошлый раз...

Меня самой под этим напором хватало только на то, чтобы впиться ногтями в широкие плечи, в гладкую кожу, в твердые мышцы, и остервенело кусать губы, пытаюсь сдержать стоны.

Боги, это невозможно! Это невозможно, чтобы было так хорошо...

Я даже не сразу поняла, когда пальцы внутри меня сменило что-то другое. Осознала и дернулась, только когда проникновение вдруг сделалось слишком тугим и немного болезненным. Но всерьез испугаться не успела.

Толчок. Короткая вспышка боли. Мой вскрик.

Муж опустился на меня почти всей своей тяжестью — грудь к груди, живот к животу, и замер неподвижно, уткнувшись лбом мне в висок.

Тяжесть эта была приятной, а ощущение наполненности внутри — очень необычным.

— Еще чуть-чуть потерпи, маленькая, — нежный шепот на ухо и торопливые поцелуи. — И больше не будет больно. Никогда.

Сама не знаю зачем, я кивнула.

Алиссандр приподнялся, пропуская между мокрыми, разгоряченными телами воздушный холодок, и, скользнув рукой по бедру, закинул мою ногу себе за спину.

Больно, в полном смысле слова, не было. Только легкое саднящее ощущение, когда он начал двигаться. Да и оно постепенно таяло, сменяясь уже знакомым нарастающим напряжением. И вот я уже не

напряженно жду обещанной боли, а сама подаюсь вперед бедрами, чтобы принять мужчину еще глубже в себя, чтобы полнее прочувствовать происходящее и ускорить наступление сладкого мига разрядки.

Жадный поцелуй, зажатый между костяшек сосок, еще один толчок — и меня накрывает. Еще полнее и ярче, чем в прошлый раз. Так, что невозможно сдержать крик, и тот тонет в глухом мужском стоне.

На несколько мгновений мужчина надо мной замер в каменном напряжении, и снова опустил на меня.

Я медленно, практически по одному разжала пальцы — на гладкой коже плеча остались красные, даже чуть кровящие лунки. Мне снова стало стыдно, и я не придумала ничего умнее, чем легонько подуть на них.

У меня над ухом раздался тихий смешок, а потом герцог откатился в сторону, при этом не выпустив меня из рук, и я неожиданно оказалась лежащей на широкой обнаженной мужской груди.

Я бы застыдилась и застеснялась и снова попыталась бы удрать как можно дальше, но неожиданно оказалось, что ни стыдиться, ни стесняться, ни — тем более — бежать у меня нет сил. Совсем. Их будто сначала накачали в меня с лихвой, подарив ощущение всесилия, а потом разом выкачали обратно. Ноги и руки слушались плохо, а голова вообще была неподъемной, но я все же вскинула ее, чтобы посмотреть герцогу прямо в глаза и заявить:

— Вы знаете, я всегда думала, что это нормально, когда у мужа есть любовница. И что мне будет все равно. Но оказалось, что мне просто ужасно неприятно. Так что вы, тэйр Алиссандр, скрывайте, пожалуйста, ваших любовниц получше, а то я ведь, когда узнаю, их всех все равно выгоню.

Если бы он сейчас рассмеялся, я бы наверное все же нашла в себе силы — встала и ушла. И видеть бы его никогда больше не пожелала. Но герцог не рассмеялся. Хмыкнул только иронично и неожиданно провел костяшкой указательного пальца по моему носу — сверху вниз — заставив поморщиться.

— Какая вы, тэя, грозная. Так уверены, что справитесь?

Глаза закрывались сами собой. Держать голову не было никаких уже совершенно сил, и я опустила ее, прижимаясь ухом к груди, где размеренно и как-то убаюкивающе билось чужое сердце.

— Конечно, справлюсь, — пробормотала я, устраиваясь поудобнее. — Это я вашей маменьке отпор дать не могу, потому что мать мужа полагается чтить. Да и вообще... мама же. И благородная тэя. А какую-то там любовницу, да еще и ниже меня происхождением — точно изведу!

— А если любовница будет выше происхождением?

Я абсолютно не могла сказать, издевается он сейчас или интересуется серьезно, но все равно снисходительно ответила:

— Да где же вы, тэйр, найдете любовницу хотя бы моего происхождения? Что уж там — выше!

Я даже не слышала, ответил мне что-то герцог или нет. Сон окончательно утянул меня в свои мягкие лапы. Краешек сознания еще успел мимолетно удивиться такой внезапной усталости, но это все равно не помогло. Мир погрузился в умиротворенную черноту.

Я лежал, закинув одну руку за голову, другую пристроив на приятной девичьей округлости, смотрел на сладко спящую у меня на груди жену, и, выражаясь языком возвышенной дипломатии, пребывал в легком недоумении.

В полном обалдевании — если по-простому.

Я вернулся из столицы и без того не в самом прекрасном настроении, и в тот момент хотел горячего ужина и тишины, а никак не очередного скандала с участием моей драгоценной супруги. Раздражение, бурлившее где-то внутри, вскипело яростной волной. Да сколько же можно?!

И что значит — не могут найти?!

Ярость закипала, поднималась, клубилась и потрескивала молниями. Плевать на Мириам, если Нисайем выставила ее из дома, значит, почти наверняка почтенная эсса оказалась таки дурой и позволила себе грубость. Но какого Беса она провернула все за моей спиной?! Ради этого она отказалась от поездки в столицу?!

И вместо того, чтобы заставить слуг прошерстить замок от подвалов до верхушки башен, я отправился на поиски сам.

Нашел. А эта нахалка вместо того, чтобы опустить голову и принести извинения, еще и издевается! Более того, смеет насмехаться над тем, что я просто-напросто пытался проявить уважение!

Я не собирался ее насиловать.

Я в принципе плохо понимал, что собираюсь делать, когда уронил вздорную девчонку себе на руки и потащил в спальню.

Припугнуть? Встряхнуть? Показать, что я не обязан всегда быть добрым, если моя доброта ей не нужна?

Развод, это ж надо!..

А потом что-то пошло не так.

Вместо того, чтобы пугаться и рыдать, она смотрела на меня с вызовом, гневом и даже любопытством. И наказание неожиданно превратилось в игру. А взбесившая меня несносная девица — в чувственную, отзывчивую женщину.

Признаться, в какой-то момент, в самом начале, когда она так остро и ярко отреагировала на простейшую ласку, у меня даже мелькнула мысль, что Алассы подсунули мне далеко не невинный цветочек. Мелькнула и пропала. Нет. Просто эта чувственная женщина внутри нее пряталась под толстым слоем строгого воспитания, родительских наставлений, правил и этикета, которые сейчас облетели ненужной шелухой.

Сладкая, страстная девочка. Искренняя. Смущенная. И боявшаяся вовсе даже не меня, а собственных желаний.

А потом разморенная и сонная. До невозможности серьезная в своей обиде.

“Правило семейной жизни номер один: любовниц прятать, а то жене неприятно”.

Подумал я и сам себе усмехнулся. Сказала ведь тоже!

Провел рукой от бедра по изгибу спины, зарылся пальцами в рассыпавшиеся крупными кольцами локоны.

Нисайем даже не пошевелилась, продолжая тепло сопеть мне в грудь.

Второе откровение этого вечера было куда менее приятным.

По всему выходило, что не Сириль, и не Мириам виноваты в моих “семейных” проблемах.

Моя мать травит мою жену.

А та оказалась слишком гордой, чтобы идти жаловаться. Или думала, что не поверю? Она ведь даже сейчас не поняла, что проболталась.

“Это я вашей маменьке отпор дать не могу”.

И пока у меня шла война с нечистью, здесь шла война за

главенство.

Я потер рукой лоб.

Да уж, Бес-Пройдоха, ты здорово повеселился, чую, с устройством этой свадьбы...

Осторожно отведя с лица растрепанные волосы, я погладил Нису по щеке. Отчаянная все же девица.

Я осторожно высвободился, подсунув вместо себя подушку. Нисайем сквозь сон разочарованно и недовольно вздохнула, но все равно приняла замену, не открывая глаз.

Дернуть за шнурок.

— Позови камеристку и горничную ее светлости.

Когда прискакали две девицы, я успел привести себя в порядок. Осторожно взяв завернутую в одеяло жену на руки, я бросил обеим:

— Нужно перестелить постель и принести ее сиятельству ночную сорочку. А мне ужин.

Когда я поставил Нисайем на пол в ванной, она все же открыла глаза. Немного. Сонный, расфокусированный взгляд прошелся по мне, и она ткнулась лбом мне в грудь, намереваясь, кажется, спать и так.

— Стой, — с улыбкой попросил я, отстраняясь.

— Стою, — сонно пробормотала герцогиня, слегка покачиваясь, но равновесия, к счастью, не теряя.

Я опустил на колени и осторожно провел по нежной коже влажным полотенцем, стирая розоватые разводы. Поддавшись соблазну, прижался губами к животу, и Ниса снова тихонько вздохнула, запуская пальцы мне в волосы, легко принимая и даря ласку.

Но по-прежнему толком не просыпаясь.

В сорочку мы ее облачали уже в четыре руки, и когда герцогиня была уложена обратно на свежую постель, я все же озадачился — все ли в порядке?

— Не беспокойтесь, ваша светлость, — вдруг подала голос камеристка, сверкнув на меня черными глазами, — ее светлость очень плохо спала эту ночь да и день выдался... насыщенный. Она очень устала.

— Что произошло между ее светлостью и эссой Мириам?

Девица тут же отвела взгляд, потупилась.

— Рассказывай.

Версию одной стороны я выслушал, хотелось бы знать и вторую.

Стоило, конечно, с этого начать разговор с Нисайем, но... теперь уж об этом думать поздно.

Камеристка все еще медлила, поглядывая на спящую госпожу, но под моим тяжелым взглядом сдалась:

— Почтенная эсса позволила себе заметить, что после свадьбы вы почти не ночуете в замке.

Выдав эту тщательно продуманную формулировку, девушка снова покосилась на мою кровать, и стало очевидно, что в исполнении Мириам эти слова звучали совершенно иначе.

— Ее светлость на это сказала, что не потерпит подобных намеков в свой и в ваш адрес и что раз эсса позволяет себе подобную оценку герцогской четы, то ей лучше покинуть замок Страж. Эсса Мириам ответила, что она служит герцогине. И ее светлость напомнила, что герцогиня — это она. Потом она приказала нам собрать вещи эссы, проводила ее до кареты и вместе с ней доехала до портала, и, убедившись, что эсса покинула город — вернулась в замок.

В общем-то картина ясна. А пряталась юная герцогиня, полагаю, не столько от меня, сколько от ядовитого недовольства вдовствующей герцогини.

В матери я был разочарован. Она всегда казалась мне разумной женщиной — поддержкой и опорой отцу. Мне и в голову не могло прийти, что она всерьез будет оспаривать королевское решение.

Что ж, если мысль не быть хозяйкой в доме ей настолько невыносима...

Впрочем, это подождет до завтра.

— Свободны, — бросил я девицам, и те испарились, переглядываясь, а за дверью, наверняка, и перешептываясь.

Избалованная у ее сиятельства прислуга. Подозреваю, не столько прислуга — сколько подружки настолько, насколько это возможно между тэйрим и рихтим.

Оленна попросила прислать ей ее цветы из оранжереи, а не прислугу...

Глава 10

Я проснулась от щекочущего ноздри аромата свежих булочек.

Села, толком еще не выпутавшись из объятий сна, и потянулась за этим ароматом — настолько он был восхитителен, а я — голодна...

— Доброе утро, герцогиня.

Насмешливый мужской голос сдернул с меня сонную негу, как одеяло. Я распахнула глаза, панически покрутила головой, охватывая взглядом герцогскую спальню, герцогскую кровать и — о ужас! — самого герцога, сидящего за накрытым столиком у окна.

События вчерашнего вечера проскакали по голове галопом в сопровождении ликующего “эгегей!” в исполнении кавалериста с пышными усами. Бойницы крепости “Нисайем” на разнузданный праздник жизни под ее воротами смотрели осуждающе.

Тэйр Алиссандр поднялся и двинулся в мою сторону.

Чем ближе был герцог, тем выше поднималось одеяло, в которое я вцепилась. И когда супруг уселся рядом, оно как раз достигло подбородка. Эх, надо было сразу на голову натягивать! Ему!

И бежать, бежать!

Соблазн сделать из герцога замковое привидение в одеяле был так велик, что я удержалась от него, только спрятав в ткани собственный нос и оставив супругу для обозрения глаза и лохматую макушку.

Боги, как неприлично! Тэйры и тэи не спят в одной постели! Тэя должна быть прекрасна для своего мужа всегда, а потому ему никак не следует видеть ее утром! Маменька никогда не позволяла его сиятельству папеньке заходить в ее покои до того, как камеристка приведет ее в порядок.

— Вы составите мне компанию за завтраком, тэя Нисайем? — вкрадчиво поинтересовался муж, не обратив на мои манипуляции с постельным бельем ни малейшего внимания.

— Нет! Я не хочу завтракать, — решительно отрезала я. — Мне нужна камеристка. И ванная. И платье. И чтобы вы встали с кровати! А лучше вышли.

Выпалила я список требований и, поразмыслив пару мгновений, прибавила осторожно:

— Пожалуйста.

Карие глаза отчетливо смеялись, и уголки губ кривились и подрагивали, пытаясь сдержать улыбку. От воспоминаний о том, что вчера делали с моим телом эти губы, кровь прилиwała к щекам, и я заводилась еще больше. Весело ему! Я страдаю, а ему весело!

— Смею напомнить, что это моя спальня, тэя.

— Смею заметить, что я сюда не сама пришла!

— Но остались.

— Вы меня заперли! — искренне возмутилась я. — И связали!

— А вы угрожали мне разводом, если я немедленно не исполню супружеский долг.

Судя по интонации этот факт веселил герцога несказанно.

— А вы... а вы!.. — я даже приспустила одеяло и теперь хватала ртом воздух в поиске претензий, которые почему-то отказывались находиться. Ну где же?! Вчера было с горкой!

— Я был неправ, — удивительно легко признал супруг, и только-только нащупанные претензии прыснули в разные стороны и раскатились, как жемчужины с порванных бус. — Но вам, моя дорогая, следовало прямо рассказать мне о том, что вас не устраивает, а не втягиваться в закулисное противостояние с превосходящим по численности противником.

Знает. Если не все, то, очевидно, многое. Знает и при этом не говорит мне, что старших надо чтить, что я не имею права, что должна отнестись с пониманием...

— Можно подумать, вы бы поверили, — пробормотала я, не желая так легко отпускать свою обиду.

— Может быть, не сразу, — согласился мужчина. — Но я бы выслушал и попытался разобраться, сколько истины в ваших словах. Мне очень жаль, что так вышло.

Он поднял руку и коснулся моей щеки, провел по ней большим пальцем.

Кровь мгновенно прилила к лицу, внутренности сжались, а по позвоночнику пробежали колкие мурашки, и одеяло снова само собой поползло вверх. Мать-Искусница, как же стыдно!

— Я все равно не хочу с вами завтракать! Я хочу к себе! — я постаралась высказать это строго и твердо, но получилось как-то жалобно и по-детски.

— Хорошо, — герцог убрал руку и поднялся.

Сделав несколько шагов, он распахнул одну из дверей, не ту, которая вела в коридор, и сделал приглашающий жест рукой.

— Прошу.

Я нахмурилась. Что он имеет в виду?

— Ну же, ваша светлость, — с улыбкой поторопил меня супруг.

Наверное, там ванная, решила я и встала, все так же прикрываясь

одеялом, и оно потянулось за мной тяжелым шлейфом. Было, конечно же, очень любезно со стороны его светлости позаботиться о моей ночной сорочке, но вот о пеньюаре никто не подумал!

А за дверью оказалась... еще одна спальня.

— Я думаю, ваши вещи уже успели перенести, я отдал распоряжение еще вечером. Осваивайтесь. Увидимся за обедом, раз завтракать вы предпочитаете в одиночестве.

Он подхватил мою руку и поцеловал. Но не пальцы, как раньше, а раскрытую ладонь. Улыбнулся, и покинул комнату, закрыв за собой дверь.

Я осталась стоять, как громом пораженная.

Спальня. Красивая, в теплых желто-коричневых тонах.

Вещи успели перенести...

Дверь, закрывшаяся за мой спиной и ведущая в герцогские покои.

Он... он...

Это же смежные комнаты!

И да, я знаю, что мужу и жене в принципе естественно жить в смежных комнатах! Но...

Я сделала несколько шагов, опустилась на вышитое золотой нитью покрывало, по прежнему прижимая к груди одеяло, как самое дорогое, и предалась вдумчивому осознанию всей глубины ситуации, в которую сама, собственными рученьками — вернее, языком, если уж быть совсем точной! — себя загнала.

С вас, тэя Нисайем, учебник по стратегии писать можно. С наглядными примерами и детальными разборами! И одним большим выводом: вот так делать не надо!

Я сидела в полном смятении, уставившись в причудливый завиток на ковре, пока где-то в стороне не прозвучало осторожное:

— Ваше сиятельство...

— Приготовь мне ванну, пожалуйста, — попросила я Ниту, не отрывая взгляда от этого самого завитка.

Ведьмина дочка выскользнула выполнять распоряжение. Послышался звук льющейся воды, а по комнате поплыл аромат роз.

— Ванна готова, тэя Нисайем, — известили меня через некоторое время, а потом Нита, наклонившись, добавила шепотом. — Вам стоит вспомнить об осторожности...

Я недоуменно вскинула брови, а камеристка кивнула на шикарные

букеты, украшающие комнату. Крупные, полностью распустившиеся розы, источающие густой, кружащий голову запах.

— Их доставили бутонами, ваша светлость...

— Подумаешь, цветы распустились, — фыркнула я, поднявшись и расставшись, наконец с одеялом.

Нита вздохнула, а потом протянула руку и показательно скovyрнула свежую почку... со столбика кровати.

— Анабель проверит тут все, а мы пока искупаемся, — в интонациях Ниты отчетливо звучали нотки, которые я часто слышала от матушки Рискин — певучие, успокаивающие, немного покровительственные, но не обидно, а... надежно, что ли.

И когда я опустилась в горячую воду, в облака душистой пены, когда откинулась головой на холодный бортик, позволяя ведьминой дочке перебирать мои волосы — путанные-перепутанные — в поиске заплутавших шпилек, она сказала:

— Этой ночью вы вошли в полную силу, тэя.

И как-то так просто она это произнесла, так обыденно и спокойно, что мне и не подумалось краснеть, хоть и прекрасно было ясно, какое событие она имеет в виду.

— Для ведьмы ее женское начало — основа всех основ, — негромко продолжала Нита, а я прикрыла глаза, наслаждаясь тем, как ее пальцы скользят в моих волосах. — Ее сила, ее слабость. И теперь вам стоит быть вдвойне осторожной, если вы не хотите, чтобы правда просочилась. Чем больше сила — тем сложнее ее удержать. Если девушкой вы имели доступ к ручейку из которого черпали ладонью, то теперь перед вами полноводная река и ведро в руках.

Кто бы еще научил герцогскую дочку этим ведром пользоваться! — мысленно булькнула я и сползла еще ниже в воду, чувствуя, как намокают и тяжелеют выпущенные камеристкой волосы.

— Нита, а у ведьм есть книги?

— Нет, тэя, откуда? Многие и читать-то не умеют, им без надобности.

— А как же вы тогда передаете знания?

— От наставницы к ученице, от матери к дочери... а есть такие, кто и сами учатся, дурное-то дело не хи... — Нита вдруг сама себя оборвала и подозрительно уточнила: — А вы почему спрашиваете?

— Да так... — отмахнулась я. — Нашла кое-что в библиотеке...

— Что нашли? — подозрительно спросила ведьмина дочка.

— Книжки, Нита, книжки! Но ты сама сказала, что ведьмы книжек не пишут, значит, бояться нечего, верно?

— Ох, ваше сиятельство, — в голосе Ниты слышался укор, — кажется, вы что-то задумали.

— Задумала, — кивнула я. — Я хочу научиться колдовать. Как следует.

Эта мысль была свежа, как розовый бутон. Вот только что и родилась. Вернее, родилась, наверное, раньше, а оформилась вот в тот самый момент, когда Нита спросила, что я задумала. И я поняла — это.

Потому что все, чему меня пытались научить всю мою жизнь — не работает.

Я сейчас видела это четко и ясно. Вся эта шаткая конструкция под девизом “запретите ведьме колдовать” держалась только с огромным количеством подпорок в виде круглосуточного надзора, контроля и приближенной ведьмы, на которую, если что, можно все свалить. И стоило мне переехать в замок Страж, как в первый же день все зашаталось. И да, пока еще каким-то чудом не рухнуло — но именно что чудом. И если теперь, как утверждает Нита, мне будет еще сложнее себя контролировать...

То выход только один.

Если я не могу не пользоваться своим даром, то мне надо научиться им пользоваться. “Не можешь предотвратить, возглавь!”. Этим известным принципом всегда пользовался мой отец. Взять хоть мою свадьбу!

Так что мне надо научиться. И научиться надо быстро.

— Вот и правильно, — прожурчал за спиной другой голос, не Ниты, которая, кажется, дар речи потеряла — это в ванную вошла Анабель. — Ведьме без магии, как русалке без воды: можно, но недолго. И для здоровья вредно... — она выдержала паузу и добавила: — ...окружающих. Ну-ка, дай-ка сюда.

— Чего это “дай-ка”? — возмутилась Нита. — Ты все проверила?

— Все-все! Подай госпоже платье лучше, а я тут помогу.

За моей спиной шла ожесточенная борьба за мытье волос, от которой мне хотелось с хихиканьем сползти под пену. Маменька ни за что бы не позволила прислуге так открыто воевать за ее расположение — выставила бы обеих. А я предпочитала не вмешиваться — сами

разберутся! Главное, что борьбу девицы вели честную и до мелких подлостей не опускались, ведя исключительно открытый бой.

А это было даже лестно, что уж тут!

Да и вообще я враг себе что ли, ведьму с русалкой по углам растаскивать?

— Что за книги вы нашли, ваша светлость? — я не видела, но знала — на руках, которые нежно взбивали мокрую шевелюру в пену, проступали прозрачные серебристые чешуйки.

— Шорк посоветовал. Он сказал, что на заре развития магии та много черпала из ведовства. И если покопаться в старых книгах, то можно найти то, что будет полезно и ведьме. Только я пока еще не успела толком ничего прочитать... эх надо было быть внимательнее на уроках старого языка!

— Ох, ваша светлость, нашли кого слушать — нечисть! — голос Ниты сочился ядом, и я подозревала, что укол был вовсе не в сторону змеемыша.

— Шорки хитрые, — Анабель укол с достоинством проигнорировала. — Но не злобные. Они ищут пользы для себя, а не вреда для других. Сильная хозяйка в его интересах. Так что, тэя, я думаю, что книги лишними точно не будут. И Нита поможет. Ей до статуса наставницы самой еще учиться да учиться, конечно, но должна же она хоть что-то уметь!

Вода в ванной булькнула пузырьками, будто вскипев, и я снова возвела глаза к потолку с видом — ничего не вижу, ничего не слышу. Боги, как я по ним соскучилась! Как же легче стало дышаться, когда рядом знакомые и родные уже лица.

Я порадовалась этому мимолетно и тут же загрустила, подумав о другом.

Вот уж воистину у девицы Нисайем волос долгий, ум короткий.

Жила бы да бы радовалась тому, что супругу до меня нет никакого дела, и спокойно занималась тем, зачем прислали. Так нет же!

И что теперь делать?

Как я теперь буду ночами бродить по замку, когда за стенкой будет герцог спать?

А то и не спать, и не за стенкой...

Краска снова прилила к лицу.

Одно дело сон на горничных кидать — совсем другое на боевого

мага.

Самое время бегать по комнате, дергая волосы, с воплями “думай-думай-думай”! Но вместо комнаты ванна, а волосы вообще в руках у Анабель и в ее священнодействия лучше не вмешиваться.

И я вздохнула.

Девушки синхронно вздохнули тоже, улавливая глубинную суть моих страданий.

— Ничего, тэя Нисайем, — негромко сказала Нита, заворачивая меня в большое теплое полотенце, когда я вышла из ванны. — Все образуется. В конце концов, хорошее во всем этом тоже есть!

И обе девушки заговорщически переглянулись.

Я недоуменно подняла брови. Посмотрела на одну, на другую, нетерпеливо уточнила:

— Ну? Что?

Обе хихикнули и глаза блестели от задора и любопытства. Анабель показала глазами в сторону герцогской спальни и в тон мне поинтересовалась:

— Ну? Как?!..

Настроение было неубиваемо хорошим.

Его не смогли испортить ни по-прежнему тревожные донесения с границ, ни скопившаяся за время отсутствия куча дел, ни даже предстоящий разговор — крайне неприятный, но необходимый. Однако для разговора этого пожалуй стоило все же слегка омрачить чересчур довольную рожу.

— Ты звал меня, мой дорогой?

Рожа-таки омрачилась сама, стоило матери показаться на пороге.

— Да, матушка, присядьте.

Она прошла к креслу, опустилась в него, привычным женским жестом расправила складки юбки, и устремила на меня улыбающийся, полный любви и нежности взгляд.

Да, Нисайем права, вряд ли бы я ей сразу поверить. Очень тяжело верить в то, что человек, на которого ты привык во всем рассчитывать, на самом деле поддерживает тебя только пока это в его собственных интересах.

— Я подумал, матушка, что пожалуй пришло время вам перебраться в столицу. Я вижу, что вашей деятельной натуре тесно в

стенах замка Страж, так что столичный высший свет подойдет ей куда больше. Я сегодня же отдам распоряжение подготовить для вас особняк на улице Роз.

— Столица? — после небольшой паузы переспросила вдовствующая герцогиня. — Я не понимаю, о чем ты, дорогой... сезон закончился и...

— Я думаю, понимаете, — перебил я, чувствуя, как тяжелеет взгляд.

Мать смотрела на меня растерянно. Непонимающе. Беспомощно.

Я почти поверил.

Почти.

— То, что вы моя мать, не дает вам права оспаривать мои решения. Наоборот, как моя мать, вы должны прекрасно знать, что я не терплю подлости. Именно поэтому я не намерен разбрасываться предупреждениями и выговорами. Если мысль о том, чтобы принять мою жену вам настолько невыносима, значит, вам лучше уехать.

— Что она тебе наговорила? — сколько оскорбленной невинности было в этом возгласе. Сколько боли и надрыва. Видят боги, я понятия не имел, что моя мать настолько великолепная актриса. — Впрочем, неважно. Мальчик мой, я разочарована, ты так легко поверил какой-то девице...

Девице. А еще экономке и прочим слугам, которые сначала пусть и не очень охотно, но признали, что в отношении юной герцогини у них были соответствующие приказы от герцогини вдовствующей. По-хорошему, их всех бы разогнать — вот только я и сам в этом отчасти виноват. Потому что именно моя просьба "присмотреть", как справляется юная жена, позволила матери отдавать такие приказы. А уж то, что матушка эту просьбу так извратила — не вина прислуги.

...да и набрать такое количество квалифицированного персонала...

Правда, отчитываться об этом перед матерью я не посчитал нужным.

— Но ведь она не "какая-то девица", верно, мама? Она. Моя. Жена. И в общем-то даже слово, данное королю, сейчас не имеет никакого значения. Я не ней женился. Это было и мое решение тоже, никто не стоял у меня за спиной со взведенным курком. Но вы посчитали, что ваши амбиции важнее, чем мое решение. Я могу понять, что вам нелегко спустя столько лет уступить место хозяйки дома девушке из

рода Алассов, но именно поэтому я не буду вас мучить и унижать этой необходимостью. Потому что вы покинете этот дом.

— Ты не можешь меня выгнать! — мать, наконец, поняла, что все серьезно и мгновенно вспыхнула.

— Могу, — с горечью подтвердил я.

— Я не поеду в столицу!

— Хорошо, — легко согласился я, и мать наградила меня настороженным взглядом. — Значит, вы отправитесь в Изумрудный Дол. Там тоже может пригодиться умелая хозяйская рука.

Она смотрела на меня с бешенством, часто дыша, сверкая глазами.

Что это будет, маменька? Столица или отдаленное поместье — часть вашего приданого?

Молчание затягивалось, но я не торопил ее. Если она надеялась, что глядя в ее отчаявшиеся глаза я передумаю, это было напрасно. Вдовствующая герцогиня уже давно не юная, вспыльчивая и безрассудная девица, она прекрасно понимала, что делает.

Как и я.

— Я действительно соскучилась по родне, кузина Виолетта давно уговаривает меня побольше времени проводить в столице, да и пора подумать о хорошей школе для Розалин... решено! Отправляюсь сегодня же!

Она поднялась с прямой спиной, гордой осанкой, и я только склонил голову, принимая ее выбор.

Сначала мне доставили фамильные драгоценности Вейлеронов. А потом уже новость — вдовствующая герцогиня покидает замок Страж. Она решила, что раз здесь появилась новая хозяйка, она наконец-то может оставить сына и герцогство и отправиться в столицу, чтобы “пожить для себя на старости лет”.

Анабель, донося до меня эту новость, лучилась таким самодовольством, будто лично выставила тэю Керолайн из дома. Нита поглядывала на меня хитро — “ну, я же говорила, все не так плохо!”. Признаюсь, я и сама на какой-то момент испытала огромное облегчение, сообразив, что мне больше не придется ежедневно сражаться со свекровью.

Облегчение было недолгим. Длилось оно ровно до того момента, как явилась экономка, чтобы принести мне свои глубочайшие

извинения от своего лица и от лица всей прислуги, а также сообщить, что его сиятельство отдал распоряжение наидетальнейше ввести меня в курс всех хозяйственных дел замка.

Нет, я понимаю, что с правами приходят обязанности, но...

Через два часа наедине с экономкой и учетными книгами, бесконечными цифрами и важными примечаниями, у меня уже голова шла кругом, а почтенная эсса только начинала входить во вкус. “Конечно же”, — говорила она, — “абсолютное большинство всей этой работы я беру на себя, но вы должны все это знать для того, чтобы достойно контролировать исполнение мной моих обязанностей...”.

На обед я сбежала, забыв про то, что там меня ждет супруг, а с ним — неловкость и смущение, от которых я никак не могла отделаться.

Впрочем, опасалась я напрасно. Несмотря на то, что вдовствующая герцогиня, хоть еще и не покинула замок, осталась обедать в своих покоях, чтобы контролировать сборы, за столом мы оказались не одни. В замок прибыли несколько тэйров и эссеев с границы, и обед прошел в живом обсуждении тактики и стратегии, которое грело слух своей привычностью. Такие разговоры за столом батюшки не были редкостью.

Герцог перехватил меня по окончании, перед тем как переместиться с почтенными господами в салон и продолжить свои сугубо важные разговоры. Однако перехватил вовсе не для того, чтобы вгонять меня в краску.

— Дорогая супруга, я попросил тэю Керолайн перед отъездом составить для вас список дел, которыми она должна была заниматься в ближайшее время как герцогиня и хозяйка замка Страж, — мне был вручен мелко исписанный листок. — Пожалуйста, ознакомьтесь. Я позволил себе добавить туда планирование визита в столицу на церемонию возложения даров... и пожалуйста, тэя Нисайем, не забывайте, что с любыми проблемами вы можете обратиться ко мне напрямую.

Он был серьезен, выдавая мне этот список, но глаза почему-то неуловимо смеялись.

Мимолетный поцелуй на прощание обжег губы, и тэйр Алиссандр удалился, оставляя меня на растерзание навалившемуся бремени власти.

А вечером состоялся грандиозный прощальный ужин. И я со стыдом вдруг осознала, что и собственный прощальный ужин

вдовствующая герцогиня организовала самостоятельно, хотя мне вообще-то следовало об этом подумать и отдать соответствующие распоряжения. И внезапность отъезда отнюдь не служила оправданием.

Она была со мной так любезна, что от сладости в голосе сводило зубы. И никто, даже самый придирчивый и внимательный слушатель, не отыскал бы в ее словах даже намека на оскорбления. К облегчению примешивалась горечь, а душу терзали сомнения — действительно ли я все сделала для того, чтобы наладить отношения со свекровью?

Но ведь я же не просила выселять ее из замка?..

От тяжких дум удалось отвлечься только когда заиграла музыка.

Она повела меня за собой, подхватила, закружила...

Хотя, конечно, не она, а муж.

Мне подумалось, что мы не танцевали с самого дня свадьбы. Который был каких-то десять дней назад. А кажется — целую вечность.

А еще — что он все же очень хорошо танцует.

А еще — что мне нравится его близость.

А еще...

— Вы сегодня удивительно молчаливы, герцогиня, — бархатистый голос над ухом во время сближения и сразу за ним — расходящееся движение танца.

Ничего я не молчалива!

Я одарила герцога хмурым взглядом.

— Был тяжелый день? Не выспались?

На этот раз мой взгляд был подозрительным.

Он что... подначивает меня, что ли?

Достойный ответ придумать я не успела — танец развел нас сменой партнеров. А когда свел вновь мне уже расхотелось отвечать. Обойдется! Я танцую и мне хорошо!

И я танцевала. С упоением, с полной отдачей, до сбивающегося дыхания, до легкого головокружения, до стертых туфелек.

И под конец вечера чувствовала себя пусть и до невозможности уставшей, зато... счастливой.

— Позаботьтесь о моем сыне, ваше сиятельство, — сказала мне на прощание тэя Керолайн, отбывающая утром в столицу.

Тэйр Алиссандр накрыл ладонью мои пальцы, лежащие на его локте.

— Конечно, тэя Керолайн, — пообещала я, но голос против воли

дрогнул.

Я только сейчас поняла, что даю обещание, которое не планирую выполнять.

Глава 11

— Оставьте нас.

Супруг, любезно сопроводивший меня до моих (или теперь уже наших?) покоев, не остался за дверью. Не то, чтобы я на это рассчитывала. Но...

Обе поджидающие госпожу девицы метнули на меня вопросительные взгляды, и только не увидев возражения, присели в почтительных книксенах и удалились. Я выпустила герцогский локоть и с гордым и независимым видом прошла в будуар, на ходу вынимая из ушей тяжелые серьги с изумрудами — ожидаемо любимым камнем Вейлеронов. Добрая половина фамильных драгоценностей сверкала зеленым.

— Я должна предупредить вас, ваша светлость, что это платье я самостоятельно не сниму.

— Вам и не придется снимать его самостоятельно.

Я вздрогнула от неожиданности, когда шеи коснулись теплые губы — как он успел так бесшумно проследовать за мной? — и провернулась в легших на талию руках.

Вздых, вырвавшийся из груди, даже мне самой показался испуганным, когда я увидела взгляд его сиятельства — там отражались свечи, там отплясывали бесы, там, в глубине зрачков, свил гнездо покровитель-Пройдоха...

И...

И пальцы мужа скользят по моим рукам вверх — кисти, предплечья, плечи... Я чувствую это прикосновение сквозь ткань платья, как горячий след на теле, и вздрагиваю, когда платье заканчивается — и, замерев на невесомое мгновение, муж касается кожи. Ключиц. Шеи. Замка ожерелья на шее.

Но смотрит он только мне в глаза. И в глубине зрачков больше не танцуют смешинки, там теперь живет что-то древнее, вечное, жаркое.

Отвернуться! Разорвать контакт взглядов!

Но нет сил. И ожерелье он расстегивает на ощупь.

У моего мужа обветренная кожа и сухие губы. У него темные глаза

— темнее чем обычно. От него пахнет древесным, горчащим, мужским — и от этого голова идет кругом.

Или не от этого, а от того, что он, такой большой, такой знакомый и незнакомый, стоит так близко, и я чувствую жар его тела, или это не его, а мой, но мысли плывут и дрожат, и я будто здесь и не здесь.

Мне страшно и не страшно. Я хочу, чтобы он остановился, и чтобы он продолжал. Я хочу провалиться сквозь землю — но, кажется, сейчас взлечу.

Зеленые камни в тяжелой оправе со стуком касаются туалетного столика — чтобы спугнуть это замершее, словно в янтаре, мгновение.

Мой муж берет мою руку, и не разрывая взглядов, склоняется к ней, — и я сглатываю, чувствуя, как горячие губы касаются касаются её там, рядом с обручальным кольцом.

Почему-то это невинное движение отзывается роем горячих мурашек по телу, и я жмурюсь и взываю к Матушке-Искуснице, прося сил и выдержки, и позволяю развернуть себя спиной.

Но с закрытыми глазами глазами не становится легче. Герцог... Нет, Алиссандр! Он разбирает шнуровку платья, попутно целуя меня то там, то здесь — и поцелуи легкие, как лепестки, ложатся на плечи, на шею, на позвоночник, и я чувствую каждый из них маленькой печатью.

Он ведет ладонями по мне, и руки, горячие, крепкие, надежные, сгоняют с меня платье, как воду. И я переступаю через него — будто выхожу из воды.

Одежда сползла с меня слой за слоем, пока я не осталась лишь в нижней рубашке и панталонах.

И шпильки покидают прическу плавно, неторопливо. Томно.

Одна за одной.

Узел волос какое-то время еще держался в порядке, чтобы потом в один миг развернуться покрывалом, рассыпаться волнами.

Где-то за стенами замка снегопад, и потрескивает мороз. Где-то за стенами замка поет ветер.

А здесь в покоях герцога Вейлеронского тепло, и в карих глазах пляшут, пляшут бесы — и от их пляски у меня сбивается дыхание и густеет кровь.

Мой мужчина разбирает мои волосы — ворошит каштановые с рыжиной пряди, чешет их руками, словно гребнем, пропускает сквозь пальцы текучий шелк, как самая заботливая служанка.

Никогда ни от одной служанки у меня не бежали горячие искры по коже. Не грохотала в ушах кровь.

И кто-то, у кого еще хватает сил и воли думать, но уж точно не я, вдруг понимает, почему Анабель так рвалась утром непременно мыть мои волосы, а еще все лила мне на макушку воду, приговаривая русалочки бормотушки, а Нита всегда считавшая это глупостью, только ревниво смотрела со стороны, требуя получше умыть. Наглые девки наверняка думали про сегодняшний вечер! И уж знали о том, что будет, побольше меня!

Тело немеет, непослушное, тяжелое. Мне страшно и сладко. Мне... медово. Мой мужчина разбирает мои волосы — и от каждого его движения я словно узнаю себя. Словно возвращаюсь домой.

А он целует там, где только что гладил, и гладит там, где целовал — и у меня плечи и шея, спина и затылок горят от его поцелуев, и что-то внутри тоненько дрожит, когда крепкие ладони обхватывают меня за талию и ставят на пуфик — попутно разворачивая лицом к мужу.

— Ваша светлость! — выдохнула я в поцелуй, неведь чего испугавшись, и он засмеялся.

И поцеловал угол рта. И глаза. И щеки. И заправил за ухо непослушную волнистую прядь. И поцеловал висок.

— В спальне, — прошептал он между поцелуями, — вы вполне можете обращаться ко мне на “ты” и по имени. — И снова горячие губы скользят по моему лицу, и лицо горит. — А “Алиссандр” вполне можно сократить до “Лис”!

“Лис? Лис... какой ты Лис?” — мимолетно удивилась я, пытаюсь совместить в воображении солдатски-прямолинейного Вейлерона и это имя, и тут же забыла об этом, потому что после долгой артподготовки рот мужа наконец накрыл цель.

Он поцеловал меня крепко, глубоко, и у меня за спиной словно распахнулись крылья — вот-вот улечу.

— Теперь ваша очередь, ваша светлость, — выдохнул он, отстраняясь.

И я послушно потянулась к нему сама.

И поцеловала.

И обвила руками шею.

И зарылась пальцами в волосы, густые и жесткие...

Целовать кого-то самой — это, оказывается, не то же самое, что

принимать чужой поцелуй.

У моего мужа на подбородке и щеках щетина, она колется — и это почему-то приятно.

У моего мужа узкие губы, и они послушно раскрываются мне навстречу, и он вздрагивает, когда я, повторяя за ним же, прихватываю губами сперва верхнюю, потом нижнюю.

У моего мужа совсем нет выдержки — он стонет, стоит его лишь чуть-чуть прикусить!

И я смотрю него торжествующе и свысока. С пуфика.

И он беззвучно рассмеялся в ответ, глядя на меня сквозь ресницы, короткие и темные, и продолжил смеяться, уткнувшись лбом мне в ключицу и оплетя меня объятиями:

— Мне нравится ход ваших мыслей, ваша светлость! Но вообще-то, я имел в виду, что мне тоже нужна ваша помощь, раз уж здесь нет моего камердинера. Разденьте меня, тэя Нисайем.

Во рту мгновенно пересохло, а мысли заметались заполошными канарейками: что?! Я?! Но... Я не смогу! Нет-нет-нет, я же никогда! Я не такая! Я не посмею! Я просто не посмею! Я...

Я гордо вздернула подбородок и, глядя на герцога Вейлеронского из-под ресниц и свысока (пуфик-пуфик!), надменно сообщила (внутренне обмирая от собственной смелости):

— Ниса. И ты тоже можешь звать меня по имени и на “ты”!

И я чуть не утонула в расширенных зрачках Вейлерона, когда он повторил:

— Раздень меня. — Негромко и хрипло. — Ниса.

Медленно.

Пробуя и смакуя это “ты” и “Ниса”.

Я не выдержала и опустила ресницы, берясь за первую пуговицу...

Очень неудобно раздевать мужчину, который ничуть не помогает тебе, а сплошь мешает — целует руки, пряди волос, бодается лбом и ловит губы...

Нечеловеческие условия труда!

Пальцы путаются в петлях, кисти застревают в рукавах, и вот вот мне смущения уже не больше, чем азарта и смешливого недовольства.

Но я все же робею, запуская ладони под белую ткань рубашки, чтобы провести руками по плечам — горячим, широким, тем, за

которые я вчера так отчаянно цеплялась. По рукам, по твердым мышцам...

Рубашка стекла на пол белой кляксой и я, помедлив, положила ладони на твердую мужскую грудь, мимолетно отметив, как часто она вздымается, и как бьется под моей ладонью сердце.

Взгляд невольно скользнул вниз и я отчаянно покраснела. Нет, нет и нет! Я не буду снимать с него брюки!

Алиссандр читал мысли, не иначе, потому что вдруг снова тихонько рассмеялся, притягивая меня к себе, впечатывая в большое, горячее тело, целуя так, что воздуха стало не хватать.

И кружится голова, и дрожат руки, и ноги становятся слабыми настолько, что отчетливо становится ясно: с этого пуфика я скорее упаду, чем сойду.

Хорошо, что у меня есть муж.

Надежный, крепкий муж, способный взять меня на руки и перенести из будуара через мою спальню — прямоком в свою, не дав неверным ногам ни единого шанса уронить свою хозяйку.

Полезный это зверь в хозяйстве — муж!

...но сгрузил он меня не на кровать, как я ожидала, а рядом.

Поставил на ноги и в ответ на удивленный взгляд — пояснил.

— Мы еще не закончили, — и он провел кончиками пальцев по краю сорочки, щекотно, едва задевая кожу. — Но, полагаю, дальше ты — и я — справимся самостоятельно.

И он взялся за пуговицу на брюках.

А я...

Я отвернулась. Повернулась спиной, но подцепила край сорочки непослушными пальцами, потянула наверх, чувствуя как ласкает воздух обнаженное тело, съезжившиеся соски. Нырнула в ворот, протащила ткань сквозь копну волос, и та на несколько мгновений открыла спину, чтобы потом снова спрятать ее густым пологом.

Вздохнув, я потянула завязки на панталонах.

Когда и они сползли на пол бесполезной тряпкой, я испытала острое желание прикрыться, погасить свет, сбежать под покровом темноты...

Мужские пальцы отвели волосы с плеча, щекотно провели по позвоночнику вниз, а потом вверх.

— Тебе нечего стесняться, Ниса. Ты прекрасна.

“Ты прекрасна”.

Такие простые слова. Но от них разливается тепло в груди, и руки уже не тянутся прикрыть все стыдное, и несмотря на то, что щеки горят, как будто я весь вечер просидела слишком близко к камину, я поворачиваюсь.

И Алиссандр делает шаг вперед.

Его тело совсем не похоже на мое.

Мое — маленькое и мягкое, слабое, поддатливое. Его — большое и жесткое, с силой, свернувшейся под кожей жгутами мышц. И несмотря на то, что оно вдавливают меня в постель, мне не тяжело и не неудобно. Мне — именно так надо.

Я вдруг понимаю, что мне нравится чувствовать эту силу. Гладить ее. Целовать...

Мне уже ничего не страшно, и я, увлекшись, с чувством лизнула темный плоский сосок, и в то же мгновение выгнулась с тихим стоном.

Он внутри меня — и это совсем не больно. Ни капельки. Это приятно, жарко, туго.

И нетерпеливо. И я подаюсь бедрами навстречу, потирая — дай, дай то, что дал мне вчера. Я готова. Я хочу.

И снова тихая теплая усмешка, и контрастно острый укус — он хватается сосок и тянет его на себя, потом выпускает и хватается другой, но не двигается.

И я хнычу:

— Ли-и-ис... — цепляясь за его плечи, притягивая ближе, ловя губами губы.

Он послушно опускается, вжимается в меня, сдавливает в объятиях, а потом — рывок, переворот. И я вдруг оказываюсь сверху, и вскрикиваю от того, каким глубоким делается проникновение.

И изумленно ловлю карий взгляд. Что он хочет? Что мне делать?

Шершавые мужские ладони сжимают бедра, подталкивают наверх. Упираясь коленями в кровать, я приподнимаюсь, с упоением ловя новые ощущения, чувствуя медленное покидающее движение, и как все сжимается внутри в попытке удержать, не выпустить.

Руки добираются до талии, сжимают ее и указывают — теперь вниз.

Глубоко, до упора, так, как мне хотелось.

Я поняла.

Я приподнимаюсь, упираясь ладонями не в постель, а в твердую грудь. Выпрямляюсь.

И двигаюсь.

Прядь волос щекочет сосок, губы горят, ладони мужа на бедрах обжигают, но уже не давят, лишь поддерживают равновесие, позволяя мне самой выбирать нужный ритм. И он смотрит.

Я не могу выдерживать этот взгляд, поэтому прячусь за ресницами, но все равно чувствую его каждой клеточкой своего тела.

Удовольствие скручивается в тугой узел внизу живота, оно становится почти невыносимым. И это так ново, так остро. так странно — невыносимое удовольствие. И глухой грудной мужской стон становится спусковым крючком.

Я замираю, я хватаю ртом воздух, уставившись расширенными глазами в потолок.

Внутри горячо, жарко пульсирует.

Чудовищное напряжение разрядки медленно отпускает тело. И я сама опускаюсь мужу на грудь, еще ловя затихающие отголоски этой пульсации.

Закрываю глаза.

Нет, сегодня мне не хочется спать, как вчера. Сегодня мне хочется, чтобы мир за дверями этой спальни перестал существовать. Мне хочется остаться здесь, на удобной широкой и теплой мужской груди. Чтобы я была на нем, а он — во мне.

Вы были правы, маменька, мне понравилось. И если для того, чтобы испытывать подобное, нужно быть ведьмой, то я впервые не жалею, что родилась ей.

...Я раскинулась на спине и думала о том, что надо бы встать, позвать служанок, потребовать наполнить ванную, подать ночную сорочку и расчесать волосы, разметавшиеся по постели неопрятными космами...

Но ничего не делала, так и лежала. Почему-то — поперек постели (хотя что значит “почему-то” — потому что поперек постели все и было, а после я только и смогла что стечь с мужа, когда он подо мной зашевелился...).

Лечь, как должно, или хотя бы протянуть руку за подушкой не было никаких сил.

Лису, видимо, тоже было лень тянуться за подушкой, поэтому он

пристроил голову мне на живот, и созерцал, как на моей коже пляшут язычки огня, им же и пускаемые. На бедрах, на груди и даже на животе, в опасной близости от герцогской умиротворенной физиономии. Высотой с ладонь, иллюзорные и прозрачные, они не обжигали, а лишь дарили приятное тепло: несколько секунд назад я замерзла, и попыталась укрыться одеялом, которое у меня с негодованием отобрали.

Мужу хотелось на меня смотреть, а мне не хотелось мерзнуть. Призванный огонь стал впечатляющим компромиссом. Как от этих впечатлений я за завизжала на весь замок Страж — не знаю.

Время от времени Лис дул на пламя, и оно занималось сильнее, но тут же опадало.

Чудесная у нас супружеская жизнь: ведьма горит, маг раздувает огонь — идиллия!

Мимоходом отметив эту, безусловно, глубокую мысль, я потянулась к творению Вейлерона. Алый лепесток охотно перескочил мне на руку, облизывая пальцы и рождая почему-то приятные, но щекочущие, неприличные ощущения внизу живота.

Я не удержалась от подначки:

— Красивый цвет. Аласский гербовый...

И подавила улыбку, когда муж сердито фыркнул, а алое пламя сменилось изумрудно-зеленой искристой дымкой с черными нитями-прочерками в глубине.

Эта иллюзия вела себя еще беспокойней: она то растягивалась длинным языком по всей мне, то таяла, оголяя то грудь, то впадину пупка, то лобок... Будоражила, беспокоила... ласкала.

Я возмущенно охнула, попыталась стукнуть мужа куда придется, но он лишь бессовестно рассмеялся, и сгреб меня в охапку, навалившись сверху. Иллюзию, правда, за ненадобностью развеял.

А потом смело взял на себя суровую мужскую роль — уложить нас как следует.

Жену мне выдали вредную, но забавную. Смеяться над ней нельзя — кусается.

Не смеяться тоже нельзя: выражение лица благородной тэи, осознавшей, что женщина тоже может быть сверху — бесценно.

На самом деле, сквозь смех и желание, я испытывал, пожалуй, даже

зависть: в свои первые разы я изо всех сил пыжился, чтобы никто не подумал, что у меня нет опыта. В свои девятнадцать я уже мнил себя опытным любовником и распускал хвост уже от этого (и слава богам, что жену мне вручили позже, намного позже — когда у меня кроме чувства собственного величия отросли еще и мозги). Но никогда я не был ни таким доверчивым, ни таким искренним как эта девочка, которая сперва искренне старалась держать себя в руках, потом искренне удивлялась, а после столь же искренне проваливалась в близость с головой и выплывала из нее разомлевшая, осоловевшая и теплая, как сытый котенок.

И, да, Бес его всё дерит, перед этой девочкой снова хотелось лезть из шкуры вон, как в первый раз, снова и снова показывая, что плотская любовь — это больше чем постыдная обязанность для продолжения рода. Это огромный мир чувственных удовольствий для двоих.

— Какие планы у тебя на завтрашний день? — спросил я у неё, укутывая нас обоих в одно одеяло.

Мне-то зимние сквозняки не страшны, мою дубленую шкуру не вдруг проймешь, а вот Ниса, кажется, мерзлячка.

Жена сладко потянулась подо мной (непередаваемые ощущения) и обняла меня внутри одеяльного кокона:

— Собиралась продолжить входить в дела. Пока эсса Линед знакомит меня с учетными книгами, а там и до ревизии дойдём. Еще завтра из Антры прибудет маг-садовник, оценить объем работ в замке. Её светлость ухаживала за магически измененными растениями лично, и теперь нужно нанять специалиста, который будет этим заниматься. Городской маг может выручить только на временной основе... И еще, — Ниса повозилась, удобнее устраивая руки на моей талии, — я хотела вас... — она смущенно засопела куда-то мне в шею и поправилась: — Я хотела тебя попросить связаться с тэей Керолайн и узнать, не желает ли она забрать какие-то свои растения? Как я поняла, у нее были довольно впечатляющие экземпляры, они побеждали на королевских выставках... Вероятно, ей будет обидно их лишиться?

Я ухмыльнулся:

— Ты могла бы сама с ней связаться. Я скажу секретарю, он даст тебе ее новый адрес.

В районе шеи засопели еще активнее, а потом уныло отозвались:

— Да, ваша светлость...

— Ниса, — я не удержался и поцеловал встрепанную макушку. — Это не приказ. Но я бы хотел, чтобы ты это всё же сделала. Ну же, девочка!

Я пощекотал сжавшийся комочек герцогини Вейлеронской, и он немедленно и очень ощутимо ткнул меня локтем. Вот же!

Выдохнув и выровняв дыхание, я повторил:

— Ниса, ты уже победила в вашем противостоянии. Ты можешь позволить себе проявить великодушие и сделать первый шаг. Тебе не надо искать расположения моей матушки или добиваться ее дружбы — но поговорить с ней о хозяйственных делах. Почтительно, но твердо. Подумай об этом, хорошо?

В одеяле продолжалось ничуть не убежденное, но крайне горестное сопение.

Я снова пощекотал жену и, уже наученный опытом, успел прижать ладонью ее локоть:

— В конце концов, если матушка начнет капризничать и набивать себе цену, просто выставишь эти пройдоховы цветочки на выставку от своего имени — имеешь полное право, а матушка впредь воздержится от подобного поведения.

— Хорошо. — Нисайем вздохнула пусть и по-прежнему без энтузиазма, но уже и без яростного внутреннего сопротивления. — Я свяжусь с тэей Керолайн.

Умница!

Нисайем задумчиво и забывчиво царапнула ноготками мою грудь и продолжила:

— Когда она решит, что она заберет к себе, и маг оценит объем работ, я подойду к тебе со сметой. — Это было похоже скорее на вопрос. — И потом нужно будет подобрать постоянного специалиста, который обеспечит растениям в оранжерее и в замке достойный уход...

Тэя явно не была уверена, может ли она подходить ко мне со сметой, и я кивнул:

— Приходи, конечно, если пожелаешь, но особой необходимости в этом нет. Ты вполне можешь самостоятельно распоряжаться средствами. — Я подумал и позволил себе мелкое ехидство: — Кстати, эсса Мириам — один из лучших магов-флористов в округе... И уж точно, она не занята!

В одеяльном коконе на короткую секунду замерли. И, кажется,

даже перестали дышать.

Потом моя жена решительно подняла голову, отстранилась, насколько это было возможно, и смерила меня взглядом. Выразительным. Многообещающим. И с удивительно фальшивым сочувствием произнесла:

— Бедные растения. Как жаль, что они все погибли!

Мою попытку обнять её герцогиня Вейлеронская встретила испепеляющим взглядом, а смех — острым локтем.

Вернуть грозную воительницу на место — себе под бок — удалось не сразу. Но радует уже то, что она не вспомнила о своей спальне!

Отдышавшись от возни и распутав сбившиеся волосы, благородная тэя вспомнила, о чем мы говорили:

— Еще нужно будет выбрать время и зайти к Дайан, она восстанавливает белое платье и просила обязательно прийти на примерку.

Жена озабоченно свела брови.

Дайан — это третья девица, которую жена забрала из родительского замка, вспомнил я. Модистка-белошвейка.

— Что она говорит? — уточнил я, запуская пальцы в волосы супруги, которые она с таким трудом призывала к порядку.

— Ругается, — смущенно сморщила нос та.

Я не сдержал смехок:

— А что она говорит о перспективах ремонта?

— Обещает, что дате возложения даров никому и в голову не придет, что это платье было повреждено. Сделает всё, как было — хотела сделать даже лучше, но я запретила из конспирации!

Я снова улыбнулся.

Семейная идиллия.

Ленивая беседа о завтрашнем дне, обсуждение планов с шутками и невинным фехтованием остротами: “Вам опять нужен новый гардероб, тэя!” — “Ваша светлость, клянусь, что не менее половины платьев буду зелеными, но можно, вторую половину заказать разноцветную?”.

Возня и попытки уйти в ванную комнату, а оттуда к себе, обреченные на провал изначально. И ванную комнату тэя идет, но возвращаемся мы оттуда в мою же постель.

Ворчание о том, что ей нужна камеристка, и мои уверения, что я справлюсь не хуже — после которых супруга заливается краской.

Сонная возня, когда моя жена укладывается долго и решительно устраивается поудобнее, а потом незаметно для самой себя проваливается в сон.

Я поглаживаю ее поверх плеча и чувствую, что улыбаюсь.

Ничего, ребенок, я тебя еще приучу. Приручу.

Рано или поздно, но ты привыкнешь мне доверять, и в ответ на мой вопрос сама будешь интересоваться моими планами. А потом и вовсе делиться всем без вопроса.

Глава 12

А утром я вдруг поняла: ревизия, о которой я говорила накануне ночью мужу, на которую возлагала такие большие надежды, это — всё. Конец моей семейной жизни.

Я найду артефакт, и... Всё. Дальше — развод и возвращение к отцу.

Я сидела в герцогской постели в полном одиночестве, (его светлость изволили отбыть еще раньше), и пыталась представить, как это будет.

Через пару дней мы с эссой Линед закончим подбивать учетные книги, и назначим дату. Одним днем не управимся, конечно — Страж велик.

В замке уже сейчас все шуршат, зная, что час проверки грядет, а в тот день и вовсе начнется форменное безумие. И я, безусловно, в процессе сверки найду артефакт Лунь — потому что мы обойдём весь замок от крыши до подвалов.

И если есть момент, когда благородной тэе не зазорно заглянуть в самый отдаленный угол, в самый дальний закоулок, то это он.

Я представила, как нашла артефакт Лунь. Как позволила обнаружить свой дар — в строгом соответствии с инструкциями его светлости батюшки.

И вот я в карете зимой покидаю Вейлерон. За мной трясется на телегах три десятка сундуков. Сопровождает этот караван позорного возвращения отряд охраны: муж мой, человек чести, и, безусловно, сопровождение тэе выделит, хоть это теперь совершенно чужая ему тэя.

Посторонняя.

На глаза навернулись слезы.

И пока я, ненужная и нежеланная, буду сквозь мглу и непогоду (воображение услужливо дорисовало снежный буран) добираться к отчему дому, Вейлерон станет думать, как будет судиться с батюшкой за Воловыи Лужки. А первое, что сделает — вернет своих ведьм. И не надо мне напоминать, что они магини, а не ведьмы, я знаю о чем говорю!

Я прямо увидела, как это будет: они войдут противно, с фальшивым смирением, и самой мерзкой, конечно, будет эсса Мириам.

На лицах у них будет написано “Я же говорила!”, но они кротко опустят взгляды, и герцогу они ничего не скажут — нет-нет, не сразу же!

Они будут сидеть за семейным столом, бедные страдалицы, и всем сразу будет понятно, что они — несчастные жертвы моего произвола.

Лис будет молчать какое-то время, потому что он же мужчина, и он упрямый, но потом он им скажет, что они, конечно, были правы, во всём по поводу меня правы, а они, конечно, ответят ему “Мы же говорил!”

У меня задрожали губы.

А эсса Мириам, нечего и думать, в первую же ночь заявится к нему в спальню! Утешать! И, конечно, утешит! Что уж тут сомневаться — ей же не впервой! И будет говорить ему, как он, бедненький, со мной мучился!

Я представила, как эта... эта... ЭТА тянется к моему мужу, как Лис ее обнимает, и говорит ей, что скучал, и какая она красивая, и...

И пламя, гудевшее в камине уже некоторое время свирепо и зло, яростно ухнуло, лизнуло языками экран, выплеснулось на ковер, и тут же схлынуло, не успев заняться.

Слезы катились градом по щекам, стекали по шее за ворот ночной сорочки.

Как он мог? Как он мог?!

Только я за порог, а он! А он тут же притащил эту... эту девку гулящую!

— Хозяйка! Хозяйка! — верещал шорк, свалившись с потолка мне почти на голову, — Что случилось, хозяйка?

Я сгребла инородца в объятия, и самозабвенно рыдала в черную бархатистую шерстку.

Шорк сначала немного подергался, пытаясь спастись в ужасе, а потом обмяк и смирился.

Было больно и обидно осознать, как легко мне найдут замену.

Никто (и я имею в виду Алиссандра Вейлерона!) не будет жалеть, что меня у него больше нет. Просто выдернет бывшую любовницу из отставки — он ведь этой ночью ее вспоминал, будто шутил, а если не шутил?

И будет её греть магической дымкой, а меня и не вспомнит. И хорошо, если не вспомнит. Могут ведь с прекрасной Мириам и пройти по гадкой ведьме!

Я инстинктивно сжала в объятиях звереныша, стараясь защититься от тех слов, что они скажут за моей спиной.

Боги, кто угодно, только не она!

— Шорк, шоршенька! — нос заложило от слез, и голос вышел гнусавый. — Ты можешь, если вдруг Лис в свою постель эссу Мириам приведет, устроить ей... ой-ой-ёй? Чтобы... ну... чтобы сбежала!

В надежде, что станет легче, попробовала представить вместо Мириам другую девицу, но она получилась до боли похожей на Сириль.

Легче не стало.

— Или если другую женщину!

Шорк растерянно почесал за ухом когтистой лапой:

— Так ведь это... Хозяин не велел!

Разочарование кольнуло сердце тупой иглой: а что ты хотела, девочка? Инородец верен в первую очередь своему хозяину. А ты здесь кто? А ты здесь подсыльная ведьма — вот и молчи!

Со стены упал замковый пейзаж, а с прикроватной тумбочки Лиса дождем хлынули письма. Я честно старалась взять себя в руки, но обида грызла, и сила, которой в последнее время пользоваться не было ни времени, ни возможности, лезла из меня, как перестоявшая опара из кадушки на кухне.

— Но и не запрещал, — заключил шорк. — Один раз — смогу. Потом запретит.

Проводил взглядом статуэтки, плавно воспаряющие с каминной полки, и, задумчиво почесав другое ухо, добавил:

— Пока не запретит — много раз смогу! — и, смерив меня суровым красным взглядом, суровым шоркинским голосом спросил, — Ты, хозяйка, чего сырость развела?

Говорить шорку, что я планирую предать его хозяина, за что он меня, конечно, выгонит, и я расстраиваюсь, что от этого у него будут водиться любовницы, я не стала: умом я, конечно, не блещу, но не настолько же.

Во-первых, даже я сама понимаю, что рыдать из-за того, что сама и придумала — редкостная дикость. Во-вторых, шоршенька Вейлерона любит, шоршенька предательнице за такие придумки быстро падение с лестницы через неустановленное препятствие устроит.

Вместо ответа я сползла с кровати, и принялась уничтожать следы недавнего буйства. Потому что я ведь нынче герцогиня. Нехорошо, когда целую герцогиню собственная камеристка отчитывает, как дитя...

Еще никому из Алассов не удавалось повергнуть замок Страж в дрожь и трепет. Я стала первой.

Из оружия у меня были ревизия и эсса Линед, куда там пушкам и боевым магам.

Эта добрая, деятельная женщина считала, что большая ревизия — прекрасный повод для большой уборки, и раз уж мы все равно влезли в

кладовые и подвалы, чтобы пересчитать, то следует сразу перетряхнуть, проветрить, почистить... а заодно — вымыть до блеска сами кладовки, и только тогда уже складывать обратно вытряхнутое, проветренное и почищенное.

Разделяли ли ее мнение слуги, не известно, главное — подчинялись беспрекословно.

Уже неделю мы методично обследовали Страж крыло за крылом, этаж за этажом, вооруженные списками, окруженные слугами, и сличали, сверяли, считали... И всё это время замок трясло и лихорадило, и можно с уверенностью сказать, что я одна нанесла ущерб ему больше, чем все мои предки за годы противостояния.

Нашли много интересного — недостачу постельного белья из тонкого флоберского полотна, и гарнитура из двенадцати стульев, и еще кучу мелочей. Но именно мелочей — тэя Керолайн, а под ее руководством и эсса Линед, замковое хозяйство содержало в строгом порядке.

Зато обнаружилась коллекция фарфоровых статуэток, не внесенная ни в одну книгу учета, зато имеющаяся в наличии — я, в общем-то, предполагала, откуда она могла взяться, но выбросить фарфор на помойку не приказала, лишь распорядилась связаться с эссой Мириам и уточнить, куда ей вернуть ее имущество.

Всплыло собрание курительных трубок прадеда Алиссандра, потерянное при предыдущей ревизии — почему-то, в одной из детских комнат, ныне пустых, и потому запертых.

На скотном дворе выявили излишек поросят полосатых поросят — плутоватый скотник утаил часть приплода, намереваясь потом удачно продать их на весенней ярмарке.

В подвалах, традиционно, не хватало то сырной головы, то копченого окорока, и, совершенно неожиданно, обнаружилась лишняя бочка дрянного вина — невесть кем и для чего туда притащенная.

Много, много интересного и нового мы нашли за время ревизии.

Только артефакта Лунь в этом перечне не было.

Я... растерялась.

Еще недавно я ходила по замку вместе с магом-флористом из Антра, наблюдая, как его помощники упаковывают, готовя к транспортировке в столицу, к вдовствующей герцогине, ее любимые растения, и мучилась угрызениями совести — ведь совсем скоро их

придется тревожить снова, чтобы вернуть обратно, а растениям это отнюдь не на пользу, ну они-то в чем виноваты?!

Я даже, честное слово, хотела отсрочить отправку на время после ревизии, под предлогом занятости (а после нее и отправлять ничего не понадобится), но вспомнила, как гадюшник тэи Керолайн меня изводил, и как они будут ликовать после моего отъезда, и передумала из чистой вредности! И гардероб решила им назло заказать, просто огромный — пусть Вейлероны оплатят эти ненужные тряпки!

А теперь... Теперь тряпки из гардероба могут вполне стать нужными.

Ну, где, где может быть этот пройдохов камень?!

Не так уж много мест в Страже, куда не дотянулась ревизия, но их-то я изучила, как только Алиссандр предоставил мне доступ, потому что, на мой взгляд, это были самые перспективные места!

Я исследовала каждую щель фамильной сокровищницы Вейлеронов.

Изучила чуть ли не по пяди арсенал.

Да я даже в родовом склепе мужа провела изыскания!

Я... я...

Я сдаюсь, мне нужны инструкции!

Муж нашелся (хотя он и не терялся) в своем кабинете. Мне, кстати, прозрачно намекали, что смежный кабинет свободен, и моя светлость вполне могла бы перебраться, но... Я стеснялась. Заглянула, оценила рабочее помещение, обставленное в тонах гречневого меда и янтаря, и продолжила пользоваться старым, в сиреневых покоях.

Всю эту неделю мы мало общались днем: я всю неделю наводила страх и ужас на вверенные мне территории, а Лис последние дня три и вовсе покидал замок до завтрака, и не каждый раз возвращался к ужину. В первый день меня грызло любопытство, а теперь и беспокойство, но спросить, что происходит, не хватало смелости.

К тому же, выглядел абсолютно спокойным, а беспокойство, которое нет-нет, да и пробивалось сквозь природные щиты сильного мага, попадаясь на зубок ведьминога чутья было легким. Отдаленным.

Ночью же мы общались куда... теснее. Глубже. Засыпала я обычно в герцогской кровати, а в тот единственный раз, когда я не дождалась возвращения Алиссандра, и отошла ко сну в своей комнате, меня

перенесли на "правильное" место, спящую. И супружеский долг, истребованный утром, был окрашен нотками герцогского негодования. И моего смущения: светло же!

Секретарь встретил меня куда приветливее, чем в первый раз:

— Ваша светлость!

Я благосклонно кивнула вскочившему и почтительно склонившемуся эссу:

— Его светлость свободен? — в глубине души я надеялась что посижу, подожду... и, возможно, передумаю, или решение проблемы снизойдет на меня свыше...

— Да, конечно, проходите!

...но увы. Свыше ниспосылать мне ничего не спешили, да и дорогой супруг, как выяснилось, был готов принять меня прямо сейчас.

Как мне удастся убедить его отпустить меня домой, я не представляла.

В этот раз в просторном кабинете Лис обнаружился в одиночестве, но широкий стол всё так же был завален бумагами.

— Тэя? Рад вас видеть! — он поднял темноволосую голову от документов, и широкая улыбка заставила моё сердце ёкнуть.

Как?! Ну вот как мне уговорить, упросить, обосновать?

Муж встал из-за стола, вышел мне навстречу.

Ах да, мы же утром не виделись!

Я протянула руку, и она уже привычно утонула в ладони мужа, но он, вместо того, чтобы склониться, потянул меня, притянул к себе, и... Приветственный поцелуй вышел горячим: жаром меня окатило с ног до головы.

Особенно жарко стало ушам. Я с трудом удержалась, чтобы не прижать к ним ладони, когда меня отпустили.

— Руперт, — муж открыл дверь к секретарю, — Распорядись подать нам с её светлостью чай, и не беспокоить — меня ни для кого нет.

— Да, ваша светлость, — склонил голову достойный эсс.

— Присаживайся, — указал на диван рядом с чайным столиком Алиссандр.

Не отпустит. Точно не отпустит.

— Благодарю, но я не надолго, — взяв себя в руки, и приняв насколько возможно уверенный вид.

Уверенность получалась не очень убедительной: уж слишком близко Вейлерон стоял, слишком огромным и подавляющим был.

Я вздернула подбородок, исполненная решимости отстаивать свое право на посещение родителей с боем! И пусть он будет недолгим и разгромным, партизанскую войну после никто не отменял.

— Я хотела бы съездить домой! — решительно заявила я.

И опешила, когда вместо ответа муж обнял моё лицо ладонями, и...

У него снова щетина, хотя утром он наверняка брился. И горячие губы скользят по моим, ласкают. И когда я, забывшись, бездумно потянулась им навстречу, раскрывшись, язык скользнул ко мне в рот, откровенный и бесстыдный.

Он разорвал поцелуй, только когда у меня ослабли ноги, шепнул, по-хозяйски прижимая к себе одной рукой, а другой поглаживая затылок по линии роста волос:

— Во-первых, ты и так дома, Ниса, — и пока я не успела собрать мысли в строй и жахнуть пушками, разгромил мои войска: — А во-вторых, конечно, ты можешь поехать с визитом к родителям.

И добил:

— В сопровождении супруга, конечно же.

Чета герцога и герцогини Вейлеронских с родственным визитом в замке Лунь. К такому жизнь меня не готовила!

Чай принесли очень, очень кстати!

Горничная сервировала чайный столик, и отбыла, и я бы тоже отбыла, потому что я-то что хотела получила, а вот супруг, как оказалось — нет!

— Как проходит ваша ревизия? — поинтересовался он, поднимая чашку с ароматным темным напитком.

Я бы тоже такой хотела, но что вы-что вы! Благородная тэя не может пить столь крепкий чай, это неприлично, это для мужчин! Пфе!

Мысленно обворчав мерзкий запрет, я с нескрываемым наслаждением поведала супругу:

— Прошла! Наша ревизия — прошла!

И поделилась радостными вестями: полосатых поросят у него на три больше, чем он мог бы думать, а вот фолебергских простыней — на два десятка меньше. Это горестное известие он может запить неизвестно откуда возникшим вином, которое, конечно, не так чтобы

очень хорошо, но зато его — целая бочка!

Муж посмеивался, слушая о прибылях и недостатках, и покладисто ужасался, когда я запугивала его обещанием, предъявить учетные книги для проверки — очень мило болтали.

А когда чай закончился, и горничная унесла посуду, Лис сел ближе, и спросил:

— Поездка к родителям — это все, о чем ты хотела поговорить?

Нет, не всё! Я хотела бы узнать, где вы, коварные Вейлероны, прячете наш артефакт?!

Осторожно отодвинув этот вариант ответа в сторону подальше в своей голове, я кротко опустила ресницы:

— Да, всё.

— Тогда у меня есть вопросы, — вздохнул муж.

Я растерянно пискнула, когда меня взяли подмышки и потащили на колени, как большую куклу.

Это не вопрос!

Сквозь ткань платья и нижних юбок очень полно ощущались мужские твердые и рельефные бедра. Всей попой.

— Ниса, скажи мне, — герцог зарылся носом в мои волосы на затылке, и теперь его слова щекотали шею, — Почему ты не спрашиваешь, как У МЕНЯ дела? Как прошел МОЙ день?

Я от растерянности вцепилась в его руки, обвившие мою талию:

— А что, мне разве можно? То есть, не запрещено?

И возмущенно фыркнула, когда услышала его смешок, дернулась, порываясь встать — и Лис, крепче сжав мою талию, проложил дорожку поцелуев от плеча по шее и до чувствительного места за ухом.

Я сдавленно пискнула, мотая головой и упираясь в обвившие меня руки — но где там!

— Ли-и-ис, Лис, отпусти!

— Почему? — мурлыкнул он мне в ушко, будто кот, а не Лис, и прикусил мочку.

Волна мурашек от уха убежала куда-то вниз, к животу.

— Но... Но... — мысли носились по голове сталкиваясь, роняя друг друга, и топоча. Или это просто пульс грохотал. — Но ведь мы не в спальне!

— Дорогая супруга, — вкрадчиво начал Алиссандр, и... протянул языком дорожку по моей шее!

Я всхлипнула, и забыла дышать.

— Не далее, как два дня назад, я наглядно доказал вам, что близость возможна при свете дня.

Я не уследила за локтем, и он сам собой врезал ехидному насмешнику куда-то в район солнечного сплетения.

А ведь мужа бить нельзя! Мне что-то об этом точно когда-то говорили.

Муж, вместо того, чтобы дернуться или охнуть, впился укусом в то место, где плечо переходит в шею.

— По-моему, — продолжил он как ни в чем не бывало, демонстративно зализав место укуса, — Уже можно подводить вас к мысли, что к конкретному месту она тоже не привязана!

Кровь прилила к месту укуса, к щекам, к... да везде она прилила. Я стала горячая и легкая-легкая.

— Это неприлично! — чопорно сообщила я, собирая по крупицам самообладание.

— Да? — удивился столь причудливому выверту этикета герцог Вейеронский.

И стиснул сквозь платье мою грудь.

Я сглотнула — потому что вот это мне ужасно нравилось. Просто невыносимо. Даже больше, чем поцелуи.

Особенно, когда он делал вот так, как сейчас — теребил, пощипывал. Сминал.

— Тогда, — я облизнула губы, стараясь подобрать аргументы, которые образумят мужа и приведут его в чувства.

Или не образумят, и не приведут.

— Тогда я буду пить крепкий чай!

Ответом мне стал то ли стон, то ли смех мужа, уткнувшегося лбом мне в плечо.

— Ладно! Дозволяю! — решительно объявил герцог, и столь же решительно пересадил меня лицом к себе.

Так стало куда удобнее!

И приятнее.

И... Оу!

Я поерзала, повторяя понравившееся движение бедрами, от которого между ног стрельнула маленькая молния — и на этот раз в стоне Лиса не было ни капли смеха.

Голодные поцелуи — и я, махнув рукой на далекие и эфемерные приличия, отвечала ему столь же нетерпеливо.

Жадные руки на моей груди — жадные, но совершенно волшебные. Вызывающие музыку из моего тела даже сквозь одежду. Пробуждающие безумную часть моей натуры — и лучше бы ей спать, но она не может больше спать.

И когда руки мужа забрались под платье, и одна сквозь ткань панталон стиснула лобок, я сама почувствовала, как у меня внутри мокро. Как голодно.

Я не поняла, в какой момент и как осталась без панталон. Но прикосновения кожа к коже сводили с ума.

Дразнящие, сладкие движения пальцев внизу — и язык пляшущий во рту в том же ритме.

И я сама не сразу заметила, что подаюсь навстречу движениям пальцев в этом танце.

А когда заметила — не прекратила.

И едва сдержала стон, когда руки Лиса покинули меня — но лишь затем, чтобы щелкнуть пряжкой его ремня.

Я растерялась в первый миг: что, прямо так? А как же?.. Ответ на незаданный вопрос был прост: Алиссандр просто приподнял бедра над софой (словно не заметив моего дополнительного веса) и спустил свое белье вместе с брюками.

А потом мне стало не до таких незначительных мелочей — Лис прижался ко входу, замер на несколько мгновений (а с ним замерла и я, смакуя сладкие ощущения), и толкнулся вперед, одновременно притягивая меня к себе.

Плоть входила сладко и плавно. Я замерла, закрыв глаза, с наслаждением подаваясь к нему.

Это было похоже и непохоже, как если бы он лежал в постели.

Немного иначе — но так же хорошо.

Лис задал темп, и я подхватила его, поддаваясь гармонии движений.

Волшебный танец, захватывающий с головой и уносящий в неведомые дали, где нет ничего, только эти движения, эти руки, эта плоть и мое тело. Прекрасный и древний.

Когда муж стиснул меня железными ручищами, упершись плотью в какую-то преграду у меня внутри, я почувствовала, что именно этого

мне и не хватало, и с тихим “Ли-и-ис!” притихла у него на груди, уткнулась в крепкую шею, мелко и благодарно целуя — подхватив эту манеру у него же. И через несколько толчков муж поймал свою ослепительную молнию, и с дрожью обмяк на диване, расслабленный, с опустошенным лицом.

Я улыбалась в мужскую шею, влажную и солоноватую.

— Лис?

Он только головой на спинке дивана качнул, показывая, что слышит.

— Как прошел твой день?

— Теперь — великолепно!

С момента отбытия вдовствующей герцогини семейные ужины стали для меня куда меньшим испытанием. С виду, ничего существенно не поменялось, разве что стало за столом на три персоны меньше, но ощутимо изменилась общая атмосфера. По крайней мере — для меня ощутимо. Стала более расслабленной. Спокойной.

Хотя возможно, более расслабленной и спокойной стала я — но теперь я участвовала в общей беседе. И не только в качестве подушечки для булавок.

Хотя, следует отдать Вейлеронам должное: по части любви к пикировкам они ничуть не уступали Алассам. В замке Лунь... то есть, дома, тоже любили позубоскалить что глава рода, что братцы.

И если быть честной, это было даже приятно. Я находила немалое удовольствие в том, чтобы отбрызнуть остроту — ни в коем случае не выходя за рамки этикета, и с учетом положения и статуса как своего и острослова, так и наиболее важных персон среди присутствующих и их возможных реакций.

Невинная и милая моему сердцу битва — но нынче это была именно игра, а не сражение не на жизнь, а на смерть.

Принимать в ней участие слишком уж рьяно я не спешила, но изредка позволяла себе удовольствие отбить один-другой выпад.

Такие ужины мне нравились куда больше, поэтому, когда нынешний подошел к концу, я не испытывала желания сбежать к себе и спрятаться, а пребывала в настроении вполне благодушном.

— Не откажите мне в прогулке, дорогая супруга! — попросил его светлость, отодвигая для меня стул, чтобы я могла подняться.

От Алиссандра ощутимо веяло сытым довольством, и я смутно связывала его с нашим дневным разговором, но не была уверена. Может, у меня просто мания величия.

А от приглашения я в первый момент растерялась: прогулка? Да я по Стражу и так нагулялась, особенно за сегодня...

— Да, конечно, ваша светлость! — я присела в почтительном реверансе.

В конце концов, если герцог желает прогуляться по своему дому с собственной супругой, то кто ж ему откажет?

Лис улыбнулся мне, и обратился к дворецкому, дисциплинированно застывшему у стены:

— Прикажите подать госпоже верхнюю одежду.

Та-а-ак! То есть, гулять мы будем не в замке?

От этой новости я существенно повеселела, и вдруг поняла, что, оказывается, с того момента, как прибыла в Страж, я почти не покидала замок, а мои редкие визиты на свежий воздух по пальцам можно пересчитать!

Не удивительно, что я так воспрянула духом.

Одежду я дожидалась с внешним спокойствием, но с трудом удерживаясь от того, чтобы не начать приплясывать на месте.

Они появились через несколько минут. Моя камеристка и горничная шли рядом, локоть к локтю, и выражения лиц у них были настолько приличные, что я сразу догадалась: подрались!

В результате драке Нита отстояла себе право на мою шубу, и теперь держала ее перед собой, как знамя, гордо подняв голову, а Ан-Баир, уже четыре года как ушедшая из озера своей матери и взявшая человеческое имя Анабель, торжественно несла на вытянутых руках нарядные меховые сапожки.

Я укусила себя за язык, чтобы скрыть смех.

Боги-боги, за что мне две эти девицы?! С ними никакого балагана не нужно — представление каждый день на дому!

Лис шагнул вперед и почтительно принял у чопорной Ниты ее ношу, и помог мне одеться.

Анабель, не дожидаясь, пока герцог выполнит за нее всю работу, присела, и деловито и уверенно помогла мне переобуться, а когда мы закончили, сам Лис уже был готов.

Темное пальто подчеркнуло широкие плечи и узкую талию не хуже

военного мундира, и ужасно шло герцогу Вейлеронскому. Герцогу Вейлеронскому, вообще, по моим наблюдениям всё шло — и это обстоятельство немало удручало его супругу. Зачем мужчине такая особенность? Мне бы она куда больше пригодилась!

Лис подал мне руку, и улыбнулся углами губ.

Уж не читает ли он мысли?

Боги-боги! От этого предположения меня окатило ужасом, и я быстро отмахнулась от подобной вероятности: не-е-е, точно не читает! Читал бы — уже давно бы пришиб свою молодую, прекрасную и во всех отношениях достойную (но весьма коварную) супругу!

Темнота зимой спускается рано. Но ночь не была черна: залитый лунным светом снег и фонари освещали герцогский парк. Мерцали в воздухе редкие снежинки, полыхали хрустальным огнем оледенелые ветви деревьев. Красивая ночь, снежная и лунная.

Мы гуляли по ухоженным дорожкам и парковым мостам, и ужасно хотелось рассказать, как я сбегала зимой на озеро, как каталась наперегонки с Ан-Баир — я с одной стороны льда, она с другой, и гибкое длинное тело русалки светилось сквозь толщу его жемчужным светом...

Слова зудели и свербели на кончике языка, рвались наружу, а я... мне было ужасно обидно. Но никто в моих глупых желаниях и мелких обидах был не виноват. Взяв себя в руки, я отогнала недостойные чувства. Истинно благородная тэя сейчас завела бы с мужем подобающую беседу на приличную тему:

— Лис, а ты в детстве когда-нибудь удирал из-под надзора няnek и гувернеров? — по-моему, получился приемлемый компромисс между истинно благородной тэей и мной.

Мы стояли в самом конце моста через который только что перебрались, изящного, высокого посередине, но совсем низенького тут, огражденного перилами, и любовались видм: белые контуры деревьев, скрывшие замок Страж, причудливо переплетающийся естественный и искусственный свет, горбатый мостик и закованный в лед пруд.

— А как же! — живо откликнулся супруг, возможно, мне показалось, но в голосе его слышались неприкрытая радость от моего вопроса. — Вот как раз зимой кататься на льду и удирал!

Сердце екнуло от мальчишеской улыбки Вейлерона — а еще от

того что меня подхватили за талию, и перенеся через ажурные перила декоративного мостика, спустили на лед!

А следом ко мне прыгнул и сам Алиссандр, герцог Вейлеронский.

— Вам, дорогая супруга, доводилось кататься без коньков?

Я фыркнула, и вздернула носик, давай понять: как можно, я была приличная тэйрим и паинька!

Но вслух врать ему в глаза поостереглась.

Мы катались. Разгонялись, и скользили на подошвах, кто дальше. Я была ловчее, а Вейлерон жульничал с магией.

Мы спорили, отчаянно, до хрипоты — честно ли это, или не считается.

Мы целовались до припухших губ, спрятавшись под мостом.

А когда вернулись в замок, и крались в свои покои тайком, не желая попадаться никому на глаза — замок смотрел на нас одобрительно.

Это было похоже на сказку.

А на следующий день она закончилась.

Глава 13

Молодая жена — это всегда испытание для мужчины. Проверка, достиг ли он зрелости достаточно для того, чтобы справиться с искушением махнуть рукой на все прочие дела, да и запереться с ней в спальне на месяцок-другой.

Я вот, к примеру, явно не слишком-то зрел — потому что немалый испытывал соблазн именно так и поступить. Но со стороны Предгорий ощутимо тянуло Великой Волной, непонятная активность инородцев все возрастала, разведка сбивалась с ног, пытаюсь собрать как можно больше информации об их подготовке и дать прогноз о планах и будущей тактике...

Я метался из Стража в столицу, из столицы — по пограничным замкам и крепостям, а оттуда обратно, в столицу, на бесконечные советы, на которых командование пыталось выстроить оптимальную единую линию защиты. С драгоценным тестем я виделся нынче чаще, чем с собственной женой.

И не то чтобы его величество не помнил про молодую жену и о том, что в герцогстве меня ждут мои собственные дела и заботы, но...

Выбить день передышки удалось только потому, что по-

настоящему моё время еще не пришло.

Сейчас, пока у нас есть только предположения, Меч Предгорий, инспектирующий крепости пограничья — всего лишь напоминание поддерживать в порядке свое хозяйство для владельцев и комендантов.

К тому же, перерыв мне был действительно необходим: с инспекциями я закончил.

И у меня, в конце концов, есть собственное герцогство, требующее моего внимания.

И молодая жена.

Нисайем очень удачно затеяла свою ревизию — в свете наведения порядка во владениях приграничных тэйров.

И очень удачно ее закончила — как раз в тот день, когда я выторговал для себя передышку.

Утром, выравнивая манжеты, чтобы вставить в них запонки (за плотно закрытыми дверями гардеробной, чтобы не потревожить усталую супругу) я улыбался. Грядущий день обещал быть не слишком насыщенным, и, если все сложится благополучно, то вторую половину дня я смогу провести дома..

А после полудня, когда я покинул королевский дворец после очередного совещания, меня перехватил посыльный, и вручил записку от матушки. В ней вдовствующая герцогиня настоятельно просила уделить ей время при первой возможности.

Как же не уделить время родной матери, особенно, если у тебя есть возможность?

Она встретила меня на зимней веранде.

Накрытый к чаепитию стол и приличная случаю беседа, но сквозь всё это пробивалось ее настроение. Я знал матушку неплохо, до случая с Нисайем был уверен, что и вообще, отлично знаю, сейчас мог однозначно сказать, что она напряжена и собрана, и готовится к неприятному разговору.

Тему я тоже мог угадать тему заранее, и злился. На себя в основном: Меч, мать его, Предгорий. Герой! Гроза инородцев. С женскими склоками в собственном доме разобраться не может.

— Милый, — начала матушка, когда все обязательные ритуалы хорошего тона были соблюдены. — Я хочу поговорить о... — она запнулась, но продолжила, — О твоей жене.

Жаль, я не азартен. Мог бы сделать ставку сам с собой.

— Я понимаю, что в твоём представлении она кроткий агнец, — продолжила матушка. — Невинное дитя, обиженное мной. Но прошу тебя, прислушайся. Она не такая, какой тебе кажется, сын мой. Твоя жена хитрая, очень умная, злопамятная др...

Она осеклась и примирительно подняла руку, увидев, что я собираюсь её одернуть. Встала, аккуратно расправив юбки — ухоженная женщина в годах, несущая свой возраст с достоинством — и позвала меня:

— Пойдем. Я покажу тебе кое-что.

Оранжерея в здесь была немногим хуже, чем в Страже — собственно, это и стало одной из причин, почему матушкин выбор пал именно на этот особняк.

Правда, растений здесь пока находилось куда меньше, и, хотя матушка уже успела пополнить коллекцию, те, что она пожелала забрать из замка, все же пока что составляли основную массу.

К стыду своему, узнал я их только по знакомым горшкам — к увлечению матери и сестры я относился без должного сыновнего и братского интереса, и, в отличие от них, не способен был различать их “питомцев” “в лицо”.

— Полюбуйся, — тихо и жестко сказала мать. — Уверена, эта аласская змея отлично знала, что я готовлюсь к выставке. Что она проходит под патронажем принцессы, и что я возлагаю на эту выставку большие надежды. И позаботилась... позаботилась о том, чтобы уничтожить плоды моего многолетнего труда. Все мои достижения!

Я послушно полюбовался: зеленое буйство выглядело сочным, здоровым и вполне довольным жизнью.

Матушка же, напротив, пребывала в бешенстве — просто изо всех сил старалась держать себя в руках.

— Видишь? Видишь что она наделала? — она на секунду прикрыла глаза и стиснула зубы, а затем продолжила, — О, вы, мужчины, видите лишь то, что женщина вам показывает, и верите тому, что видите, но... Подумай! Эта мерзавка избавилась от Сириль. Опозорила Мириам. Я же покинула Страж быстрее, чем она успела отомстить — и у нее не дрогнула рука ударить по тем, кто не может за себя постоять.

Я стоял в некоторой растерянности. И, пожалуй, мог бы ответить, что Сириль сама от себя избавилась, да и Мириам опозорила, если уж

быть честным, никак не моя жена, а я и она сама — но, во-первых, матушка действительно искренне страдала, а во-вторых, я никак не мог взять в толк, почему.

— Возможно, я действительно была к ней пристрастна, но они-то перед ней чем провинились? — тихо, с болью выдохнула мама.

Шагнув ко мне, она положила ладони мне на грудь и попросила:

— Я понимаю, ты сейчас очарован... Но ты же видишь, на какую она способна подлость! Просто имей это в виду, умоляю!

Я вздохнул, накрыл ее руки сверху своими, и, чувствуя под ладонями привычное тепло, спросил:

— Матушка. Объясни. Что случилось?

Оранжерея замка Страж была тиха и пустынна.

Я задумчиво изучал что-то вьющееся, похожее на обычный уличный плющ, но с бело-голубыми листьями: междоузлия на растущей части побегов длиннее, чем на старой, стебли утонечены, а сами листья, над изменением цвета которых явно поработала матушка или сестра, неправильной формы.

После того, как матушка указала, на что следует смотреть, стало казаться, что деформация бросается в глаза. Её светлость, правда, упомянула еще целый ворох последствий, но большая часть вылетела из моей головы еще до конца нашей беседы.

Матушка, поджимая, губы, признала:

— Я так и не смогла понять, как она это сделала: следов постороннего магического воздействия на растениях нет. Я было подумала, что это подкормка, но анализ грунта эту версию тоже не подтвердил...

— То есть, у тебя нет никаких оснований утверждать, что это сделала Нисайем, — постарался я вернуть матушку в реальность, но она будто воды в кипящее масло плеснул.

— Кто еще это мог быть? Опомнись, милый! Она меня ненавидит! Кто еще в твоём замке мог невозбранно провести любого специалиста, чтобы изуродовать растения, а потом издевательски сделать щедрый жест, и вернуть их мне?!

Я тогда хмыкнул, пообещал матушке разобраться в произошедшем, и отбыл домой. Сорок минут пути от ее особняка до портала из столицы в Антр, еще двадцать — из Антра в замок, и вот дома, созерцаю

имеющую место аномалию.

Ну и что это такое, Бес его побери?

Я вызвал лакея, и когда бесшумная тень в зеленой ливрее возникла рядом, поинтересовался:

— Родерик, ты не знаешь, где сейчас моя жена?

— Её светлость прогуливается по портретной галерее, ваша светлость.

— Будь любезен, пригласи ее в оранжерею, — со вздохом попросил я.

Не думаю, что она имеет отношение к произошедшему, но, в конце концов, это ее зона ответственности. Не стоит прыгать через её голову с разбирательством.

А разобраться всё же придется: как бы я не относился к увлечению матери и Оленны, отнестись неуважительно к их труду было бы чересчур.

Как будто других неприятностей мало!

Нисайем явилась быстро, и я в очередной раз с удовлетворением отметил, что зеленый ей к лицу больше, чем алый. Как и улыбка, и выбившаяся из пучка рыжеватая прядь.

— Вы желали меня видеть, ваша светлость?

— Да, тэя. — А вот если бы не присевшая в реверансе камеристка, приветствие можно было бы и углубить... Но придется сразу к делу. — Вы знаете, что это?

Он с любопытством изучила путаницу ветвей перед нами, и легко призналась:

— Знаю. — И пока я молчал от неожиданности, продолжила. — Это фиольский плющ, подвергнутый изменению Терлианы в авторской модификации.

И пояснила:

— В базовой модификации цвет куда бледнее. Тэя Керолайн необычайно искусна, ваша светлость.

— Благодарю вас, тэя Нисйем, уверен, матушке будет приятно узнать, сколь высоко вы цените её мастерство, — не моргнув глазом заверил я жену, и по блеснувшим смешинкам, понял, что попытка не удалась. — Но я имел в виду не совсем это. Меня интересуют изменения, которым массово подверглись растения в оранжерее замка Страж. Как вы полагаете, маг-флорист из Антра достаточно

квалифицированный специалист, чтобы установить причину, или стоит поискать кого-то толкового в столице?

Втягивая жену в это обсуждение, я вовсе не ожидал услышать:

— Простите, ваша светлость. Это было сделано мной не намеренно.

Камеристка моей супруги мертвенно побледнела и судорожно сцепила руки, но голос ее, пусть и тихий, был тверд.

Я молчал. Жена смотрела на свою подругу перепуганно. А рихтим продолжила:

— Я... я приношу свои глубочайшие извинения вам и тэе Керолайн, — она не поднимала взгляда от пола, — Я не хотела... Не думала... В замке Лунь было достаточно не заходить в оранжерею, чтобы избежать подобного рода... казусов. Но я не учла, что я жила там с рождения, и, видимо, тамошние растения привыкли к моему фону, а здешние обитатели оказались гораздо чувствительнее...

— Рихтим Дроут, поясните-ка, что вы имеете в виду?

“Пройдоха вас поberi!” — последнюю часть я добавил сугубо мысленно.

— Я ведьма, ваша светлость, — призналась Нита Дроут, камеристка моей жены.

“Да Пройдоха, собственно, и побрал”.

Первым порывом было перехватить где-нибудь подальше от королевского ока дорогого тестя, и от души начистить ему рыло. Бесов Аласс, даже родной дочери не пожалел, лишь бы подсунуть мне это! Его не остановило даже то, что Нисайем тоже будет рядом с ней, и случись что, может пострадать!

И лишь потом до меня дошло: Ниса знала.

Нисайем сама назвала ее имя среди прочих, когда добивалась права привезти своих служанок из замка Лунь. А эта девка сама призналась, что жила в там с рождения, и... и сейчас Нисайем выглядит испуганной, но не удивленной.

Она знала, и притащила в Страж ведьму. Знала — и ни слова не сказала мне.

Стоп. Потом. Этот разговор нужно отложить на потом. И уж точно не стоит вести его в присутствии прислуги.

— Что ж, рихтим, — решил я, с отстраненным спокойствием

разглядывая темноволосую, — Вы можете идти собирать ваши вещи. После вас сопровождают в герцогство Аласское.

Рихтим Дроут почтительно присела в реверансе, выпрямилась и повернулась к выходу из оранжереи.

— Нита останется в Страже! — раздался звенящий голос жены. — Она служит не вам, а мне, и останется со мной!

Я устало поглядел на нее: бледное лицо в красных пятнах, в глазах дикая смесь из страха и кошачьей ярости...

У моей жены есть характер. Это было понятно еще по печальной участи эссы Мириам Клэвлин. Когда к нему добавится жизненный опыт — с ней будет очень сложно не считаться. В делах герцогини Вейлеронской эти свойства сослужат ей неплохую службу.

Её камеристка замерла у выхода с отчаянной надеждой в глазах.

— Вы можете остаться, рихтим Дроут, — согласился я. — Я приглашу королевского мага-дознателя, с тем чтобы он установил, действительно ли воздействие на оранжерейные растения было не намеренным, определил сумму ущерба, нанесенного моей собственности и назначил меру пресечения. Дождаться его прибытия вы будете под замком.

Нисайем вздернула подбородок с отчаянным упрямством человека, готового стоять до конца, но рихтим Дроут ее опередила:

— Не стоит, ваша светлость. Я покину Страж в течение часа.

Она вежливо склонила голову, и вышла из оранжереи.

— Задержитесь, тэя Нисайем, — попросил я жену, которая собралась последовать за ней.

Ниса замерла, глядя куда-то поверх моего плеча. Ярости ее хватило не надолго.

Ну и что ей сказать? Как с ней вообще говорить, когда она сейчас думает только о том, что злой Вейлерон отобрал у нее подружку, а вовсе не о своей провинности? И, Бес их всех там в замке Лунь дери, но и не говорить — тоже нельзя. Дело ведь даже не в треклятых цветах — чтоб им пусто было. Дело в том, что такие выходки подрывают моё доверие. Супружеские отношения. Безопасность, мать вашу за ногу, моего замка!

Она. Молчала. О том. Что. В моем замке живет стихийная сила, способная в любой момент выкинуть что угодно. И судя по цветам — сила бесконтрольная.

И не назначить наказания за это нельзя.

А моя жена смотрела на меня так, будто я на ее глазах избил ногами котенка.

И я, не выдержав, дал волю раздражению:

— Ради богов, Ниса! Не надо таких мученических выражений лица! Ничего с твоей драгоценной Нитой не случится — ее проводят порталом сперва в столицу, а затем из столицы в Глэнси. Оттуда до замка Лунь не дальше, чем до Стража из Антры!

Молчание.

И что мне с этим делать?

— Думаю, нам будет удобнее говорить в кабинете.

И, жестом доброй воли, шагом к примирению — предложение:

— В ваш или в мой?

Возможность перенести разбирательство на её территорию, где ей будет комфортнее, герцогиня не оценила:

— Мне вполне удобно здесь.

Закрылась. Наглухо.

Хорошо, здесь так здесь.

— И когда ты собиралась мне сказать? — выбрал я достаточно нейтральный вопрос.

Бес тебя побери, Нисайем, ты провинилась, и ты это знаешь! Будь достаточно взрослой, чтобы нести ответственность за свои решения!

— Я не знала, что ваши растения пострадали от моей служанки, — ломким голосом отозвалась она. И добавила, — Ваша светлость.

Я сжал зубы, уговаривая себя не реагировать на провокацию.

Не ведись, не ведись, Лис. Она просто обижена. Нельзя сейчас срываться из-за этого.

— Я не имею в виду цветы. — Вот так, тихо, спокойно, молодец, Лис! — Когда ты собиралась сказать мне, что твоя служанка — ведьма?

Молчание — это тоже ответ. В этот раз оно вышло на диво красноречивым: она не собиралась.

Ниса. Что ж ты такая... Уступи. Хоть для вида — я поверю, клянусь. Закрою глаза, и не вернусь больше к этой теме. Я не могу позволить твоей камеристке остаться в Страже. Даже последний подкаблучник не спустит подобного. Не после того, как ты меня обманула.

Нисайем молчала, не спеша проявлять женскую гибкость. Но и не опускаясь до женских уловок, вроде рыданий и обвинений.

Я тоже молчал. Что тут еще можно сказать? Она провинилась и понесла наказание — всё сказано.

Хотя есть еще кое-что:

— Вторая тоже ведьма?

Нисайем зло зыркнула из-под влажных ресниц:

— Нет! Анабель не ведьма!

— Ты в этом уверена?

О своем сарказме я пожалел сразу же, как он вырвался: Ниса полоснула меня бешеным взглядом, резко шагнула к столику с инструментами (только юбки взметнулись), и, схватив со стола с инструментами кривой нож для обрезки, вспорола себе запястье раньше, чем я успел ее остановить.

Перевернув вытянув руку и перевернув её порезом вниз, чтобы крупные алые капли падали на плиты пола, она, гневно и четко проговаривая каждое слово, произнесла:

— Я, Нисайем Вейлерон, в девичестве Аласс, клянусь на крови, что моя камеристка Нита является ведьмой, а горничная Анабель — не является! И да будут боги порукой моей клятве!

Я прикрыл глаза, усмиряя ярость.

Что. Ты. Творишь?

Кто швыряется кровными клятвами без веских причин?

И кто, драть тебе не передрать, режет руки грязным садовым инструментом!

Шагнуть к ней, старательно не замечая, как она деревенеет и сжимается от моей близости, пережать вену на запястье, а потом наложить одно за другим два заклинания, очищающее и заживляющее.

Перетянуть порез платком.

Выяснять, что там не так со второй девицей, сейчас точно не время.

И ни в коем случае не выражаться вслух так, как просит душа!

Спокойно, спокойно, Лис. Ты же не в армии. А она не твой офицер...

Нельзя нецензурно орать на жену.

Постарайся объяснить ей, отчего ты злишься, просто, доходчивыми словами. На примерах. Давай. Ты сможешь!

— Ниса, — я стоял совсем близко к тоненькой девушке в зеленом

платье, чувствовал ее запах, видел, выбившиеся из прически завитки волос, и понимал, что я от нее бесконечно далеко. — Отчего тебя так оскорбило предположение, что твои люди могут утаить от тебя что-то важное, но при этом сама ты скрыла, что в моем замке живет ведьма? Это ведь немного важнее изменившегося количества поросят.

Она аккуратно забрала у меня своё кое-как перевязанное запястье. Не поднимая ни глаз, ни головы, спросила:

— Я могу идти, ваша светлость?

Бесполезно. Глухо.

— Да, Ниса. Можешь идти.

Нисайем, Бес тебя заberi! Я не буду извиняться в ситуации, когда виновата ты!

Я окликнул её, когда она была уже у самого выхода:

— Ниса, ты же помнишь, что завтра у нас визит в дворцовый храм для возложения даров?

Она замерла на секунду, а потом ответила, вроде бы невпопад:

— Я домой хочу...

До ужина мы не виделись, а после ужина, на котором Нисайем выглядела бледной и замкнутой, она сослалась на скверное самочувствие, и ушла спать.

Я не стал протестовать, и вместо этого отправился работать.

Разобрал давно откладываемые дела, переделал ворох бумажной работы, и когда поднял, наконец, голову, время было уже полночь.

Я размял спину, покрутил головой, растягивая связки. На душе было тяжело.

И я позвал:

— Шорк!

Он появился не сразу — пусть мелкий инородец и слышал зов хозяина из любого места замка, но являться мгновенно на него всё же не умел.

Теплый темный комоч слепнулся мне на колени из ниоткуда, распластал крылья, и, цепляясь коготками за ткань сюртука, пополз выше.

Я осторожно погладил нечистика по хребту.

— Ты смотрел днем за её светлостью?

Шорк, пристроивший башку мне на плечо, вздохнул.

Ясно. Смотрел.

— Как она?

Новый вздох был еще тяжелее.

— Плакала?

— Нет, — маленький мышезмей повозился, устраиваясь удобнее.

— Хозяйка сидела. Ничего не хотела. Спать пошла.

Тяжесть на душе стала еще неприятнее.

— А... в свою комнату, или в мою? — осторожно уточнил я, ни на что не надеясь особо.

Шорк даже голову от моего плеча оторвал, замер, озадаченно хлопая красными глазами и морща мордочку.

— В вашу! — убежденно выдал он, справившись со странным вопросом, а мне стало немного легче.

— Шорк, ты знаешь служанку ее светлости, у которой светлые волосы? — такое понятие, как “горничная” для него не существовало, поэтому приходилось вносить уточнение.

— Знаю, — кивнул он. И добавил, с неожиданным одобрением, — Злая!

Угу, понятно. Следующий вопрос я задавал, фактически, “на ощупь”:

— Ты знаешь, кто она?

— Так ведь, это... — шорк заюлил, беспокойно топча лапами мне по груди, а черный чешуйчатый хвост беспокойно мел колени. — Так ведь... Ну... — немного пометавшись, он признал, — Знаю.

И обреченно зажмурился.

Вот ведь... чудо. В шерсти.

Я погладил его по той самой шерсти и задал вопрос, которого инородец ждал, горестно опустив уши:

— И кто она? — и почесал грудку.

Уши чуть приподнялись, и глаза открылись, но на морде было написано величайшее страдание:

— Так ведь, это... — и неожиданно заверещал, — Она хорошая! Злая, но хорошая! Маленькая хозяйка хотела в другое логово уйти! Злая ругалась! Не дала!

Обе лапы уперлись мне в ключицы, а шорк, вытянувшись, заглядывал мне в глаза так, будто я тут каждый день младенцев ем, а он умоляет меня этого не делать ну вот хоть в этот раз.

Да чтоб вас, а!
Полон замок манипуляторов глазастых!
Развел на свою голову!
ТЬФУ!

Решив, что на сегодня обиженных мною детей достаточно, я стиснул зубы. Подышал. И сказал:

— Ясно. Будь добр, позови ее сюда. Хозяйку постарайся не разбудить.

Горничную своей супруги я ждал, лениво листая огромный фолиант магистра Холистара, посвященный разнообразиям антропоморфных инородцев, и гадая, кого пригрела моя жена.

Она вошла без стука и без стеснения. Не опуская глаз, и не склоняясь в реверансе.

Мало похоже на испуганную горничную, вызванную посреди ночи ко всемогущему хозяину. Совсем не похоже.

Остановилась перед моим столом, молча и с явным усилием склонила голову. И, несмотря на спокойный вид, было понятно, что спокойствием там и не пахнет. По пальцам, то и дело скрючивающимся и сминающим юбку, по подрагивающим ноздрям, по взгляду, цепкому и примеряющемуся.

Маленькая герцогиня, своенравная и по-детски наивная, очевидно, всё же очень сильная личность, если ее люди относятся к ней так.

Горничная Нисайем готова была в любой момент броситься на меня, вырвать глотку и растерзать на месте.

Но отговорила Нису покидать супружескую постель.

— Кто ты? — задал я прямой вопрос.

И знал, что не ответить на него она не сможет. Ей, конечно, может хватить упрямства попробовать побрыкаться, но...

Я имею право знать. И здесь, в центре моих владений, сопротивляться этому праву она не сможет.

Она не стала даже пытаться.

Черты лица ее лица потекли и изменились — скулы стали острее, глаза больше и светлее, прозрачнее. Зрачок с круглого изменился на вытянутый, рыбий, а на висках, там, где сквозь тонкую кожу синели ниточки вен, выросла чешуя. А еще на щеках, ключицах — и глубже, уходя под одежду.

Шпильки рассыпались со звоном, и волосы рухнули из тугого узла

светлой с прозеленью волной.

А на руках, меж пальцев с солидными загнутыми когтями появились перепонки.

Русалка.

Я, конечно, понимаю, в приграничье проблема с рабочими руками, но чтобы настолько?!

А речная дева смотрела с вызовом:

— Мне собирать вещи?

— Пока нет. Для начала, ответь мне на некоторые вопросы. Почему ты живешь с людьми?

Русалка дернула плечом:

— Поссорилась с владычицей озера. Нашла себе новую госпожу.

— И Аласский не возражал?

Снова пожатие плечами:

— У старого Вольтура два десятка сыновей, и одна дочь. Когда она просит — он редко отказывает.

— Редко? — заинтересовался я против воли.

Она на мгновение задумалась, и уточнила:

— На моей памяти — никогда.

— Значит, герцог Аласский дочь баловал... А герцогиня?

— Её светлость — строгая, но внимательная мать, — отозвалась Анабель (или как её там), аккуратно подбирая слова.

Ясно. Здесь стоит сделать зарубку.

— Как давно тэе Нисайем прислуживает Нита Дроут?

Горничная мазнула по мне взглядом, и торопливо опустила его, пряча неодобрение.

— С пяти лет, — исчерпывающе ответила она.

— Ты знаешь, почему герцог позволил ведьме находиться подле его дочери?

Быстрый взгляд снова мазнул по моему лицу, и прежде, чем я успел понять, что он выражает, русалка с насмешкой спросила:

— Разве твои шпионы не доложили тебе, Алиссандр Вейлеронский? Матушка Рискин — любовница Аласского!

Да-а-а. Распустила моя жена свою прислугу. Таких наглых девиц нужно держать в ежовых рукавицах.

И ведь понимает же, стерва, что информация мне сейчас важнее, чем её дерзость. И пользуется.

— В отличие от герцога Аласского, я не имею привычки копаться в грязном белье соседей. Мои шпионы заняты сбором стратегически полезной информации, а не выяснениями, кого еще огулял тэйр Вольтур, — ответил я сквозь зубы. И поторопил, — Ну! При чем здесь это?

Русалка посмотрела на меня свысока, и снисходительно ответила:

— Нита — дочь Рискин Дроут, — и продолжила медленно, неохотно. Врать мне она не могла, поэтому вынуждена была говорить правду. — Это было еще до меня, так что я сама не видела. И не могу знать. Но, говорят, Ри Дроут здорово потрепало, прежде чем она осела в замке Лунь. Верно, не хотела дочери такой же судьбы. И раз уж они любовники...

Она снова дернула плечом в своем излюбленном жесте.

— Что ты будешь делать, если я тебя выгоню?

А вот на этот вопрос она явно знала, что ответить, и не колебалась:

— Я служу не тебе, а своей госпоже! А погонишь меня со своих земель — уйду в здешние воды, и буду биться за власть с их хозяйкой!

Ясно. Еще одна защитница, уверенная, что я ем младенцев на завтрак и мучаю свою безвинную жену ради собственного удовольствия!

Пришибить бы тебя, дуру, да Нису не хочется еще сильнее расстраивать.

— Ступай, Анабель. Ты можешь идти к своей госпоже.

Прозрачные глазищи полыхнули глубоким голубым цветом, девица замерла, словно не сразу поверив своему счастью, дернулась к дверям, опомнилась, сделала реверанс, и покинула мой кабинет с достоинством, приличным для личной горничной герцогини.

Когда дверь за ней закрылась, я подпер голову ладонью.

Ведьма, русалка, шорк... Не оплот борьбы с инородцами, а рассадник какой-то!

Глава 14

Еще недавно я думала о том, как мне будет не хотеться уезжать из Стража, а теперь думала только о том, как бы поскорее оказаться в замке Лунь.

Вернувшись в покои после разговора с мужем, я честно собиралась разрыдаться, но не вышло.

Нита уехала ровно через час, отведенный ей на сборы, успев напоследок надавать мне советов наперед, отругать за упрямство, приободрить, что всё будет хорошо и попросить быть осторожней. И снова надавать советов. И еще раз попросить быть благоразумной.

Расстроенной решением герцога она не выглядела, только собранной и строгой, далеко от меня уезжать не собиралась, и о нашем с Вейлероном будущем говорила так, будто оно в у нас было.

Да какое уж тут будущее, когда он... так?

Но спорить с Нитой не было сил. Как и с Анабель. Поэтому я позволила увести себя в покои Алиссандра, переодеть, причесать...

Утром я проснулась в объятиях мужа. Он провел пальцами по моей щеке, а я закаменела и сжалась, вспомнив его лицо, когда он узнал, что в его замке - ведьма.

Лис выпустил меня и отстранился. И ничего не сказал.

Во время утреннего умывания с непривычно хмурой русалкой, я думала о том, что можно бы и поплакать — Ан-Баир уберет все следы.

Но слёз по-прежнему не было.

Ни когда Анабель с Дайан затягивали на корсет, ни когда они в четыре руки расправляли на мне белое с зеленой отделкой платье, на котором даже очень пристрастный взгляд не нашел бы следов починки.

Не появились слезы и тогда, когда мои волосы укладывали в традиционную прическу.

А потом пришло время выезжать, и плакать стало поздно.

Посещение дворцового храма прошло, как в тумане: отеческие объятия его величества, благопожелания их высочеств, возложение ритуальных даров...

Я чувствовала себя обманщицей, кладя на алтари хлеб, вышивки, монеты. Опуская чашу с водой и ставя кубок с вином.

Все эти дары возносятся теми, кто ниспрашивает себе счастливого, многочадного брака. А я обманываю богов.

К счастью, возложение даров супругами совершается только вдвоем, без гостей и родственников, и мне не пришлось встречаться ни с Виториком и Оленной (они наведались в храм ранним утром), ни с ее светлостью матушкой, ни с вдовствующей герцогиней тэей Керолайн.

К сожалению, возложение даров совершается без гостей и родственников — и увидеться с батюшкой и заранее переговорить с ним тоже не получилось.

А сразу после этого мы отправились в Лунь.

Естественно, в переход, установленный в подвалах замка Лунь, герцогскую чету Вейлеронских никто не пустил. Карета в сопровождении охраны въехала в большой переход на порталной площади Акрейна, а выехала уже в Гэнси.

А из Глэнси был виден Лунь, с его белыми стенами и алыми стягами, оседлавший гору Холка Грифона, и, казалось, что отсюда уже рукой подать до моего детства и безмятежности.

Дорога от города до замка казалась бесконечной, а закончилась — в один миг.

Вот прогрохотали по подъемному мосту конские копыта и колеса кареты.

Вот кучер выдал протяжное “Тпру-у-у!”, останавливая движение.

Распахнулась дверца, Алиссандр вышел наружу, помог выбраться мне, сердце дернулось вперед, к батюшке и матушке... И снова замерло.

Строгий протокол встречи двух равных друг другу вельмож не предполагал бурных объятий.

Поклоны и церемонные приветствия.

Матушка приветствует меня, как взрослую. Как равную.

Тэя Оленна приседает, как перед более высокой по статусу.

Я очень стараюсь держать на лице приветливое и любезное выражение, но глаза почему-то щиплет.

Разговоры-разговоры-разговоры. Светские улыбки. Взаимные заверения в неземном счастье от визита...

Можно, я тихонько улизну в свою комнату, и просто подожду там, пока освободится его светлость батюшка?

Нельзя, конечно же: свою роль в спектакле мне надлежит отыгрывать со всем тщанием.

Отец, как радушный хозяин, обещал семейный ужин и экскурсию по Луню. Матушка ненавязчиво нахваливала тэю Оленну. Братец Виторик откровенно рассыпался в комплиментах и пел дифирамбы сестре Алиссандра.

Я гадала, насколько это всё настоящее.

С одной стороны, кажется, всё вполне искренне, и Оленна, хоть смущается, краснеет, но выглядит уверенной и спокойной. И радой брату.

С другой стороны... Вон, Алиссандр тоже меня превозносит с

самым честным видом.

Я тайком посмотрела по сторонам, выискивая Рискин. Нигде нет. Надо будет потом улизнуть, и найти её.

— У меня не было никаких оснований предполагать, что тэйр Мельгор будет против покупки этого гарнитура! — энергично жаловалась на мужа одна из матушкиных подруг, приглашенных к визиту.

— Тэя Мельгор, это был третий! Третий комплект украшений, и это только в этом месяце! — тонко улыбнулась в ответ Оленна, поднося к губам чашечку с чаем.

— Ах, милая, это его мужская обязанность — достойно содержать меня!

Пока мужчины ушли осматривать Лунь (“Меряться замками”, как с невинным видом пошутила одна из дам), женщины собрались в матушкиной гостиной.

Чай, сладости и непринужденная беседа.

Я сидела по правую руку от герцогини Аласской, на почетном “гостевом” месте, и чувствовала себя именно так, как сидящей на этом месте полагалось — дорогой гостьей. Только почему-то ощущение это отнюдь не было приятным, а совершенно наоборот.

Дамы вели беседу — живую, непринужденную. Им было о чем поговорить друг с другом. Время от времени всеобщее внимание согласно этикету обращалось на меня, и тогда я отвечала на какой-нибудь отвлеченно-вежливый вопрос, и беседа возвращалась в свое журчащее русло.

Конечно, если бы мне захотелось, я бы смогла принять не менее активное участие в обсуждении.

Но мне не хотелось.

Герцогиня Аласская всегда была строга к дочери, а вместе с ней было строго и ее окружение. Оно как самое верное зеркало отражало чувства тэи Эмелиссы к той или иной персоне, даже если по самой матушке это не всегда можно было понять.

В мой адрес эмоции сейчас были неопределенными. С одной стороны, я все та же юная тэйрим, за благочестивостью которой они привыкли рьяно бдить. С другой — герцогиня и ровня матушке. Это вызывало легкий конфуз и замешательство у почтенных тэй.

Зато отношение к Оленне было совершенно определенным.

Ее любили.

И это почему-то оказалось неожиданно обидным.

Нет, я вовсе не желала сестре Лиса плохой жизни в замке Лунь. И уж совершенно точно была только рада, что она чувствует себя здесь хорошо. И что с Виториком, кажется, они счастливы. И что мама и дамы ее приняли.

Но всякий раз, когда герцогиня Аласская одаривала невестку благосклонным и одобрительным взглядом, у меня внутри что-то болезненно сжималось.

Оказывается, она это умеет. Смотреть так.

А я как была белой вороной здесь, так и осталась.

Зеленой. Зеленой вороной.

Я машинально поправила кулон с крупной жемчужиной в обрамлении изумрудов — подарок Алиссандра в честь помолвки. Виторик, помнится, тоже подарил Оленне что-то столь же дорогое и символично-семейных цветов.

Теперь, получив некоторый опыт взаимодействия с недовольным женским коллективом, я понимала: страшно представить, что они мне устроят, когда я вернусь домой с разводом...

— Я хотела бы отдохнуть, — обратилась я к матушке, вставая и прерывая мирное щебетание.

— Да, конечно, — благосклонно кивнула тэя Эмелисса. — Оленна тебя проводит!

Она протянула ко мне руку.

Равенство положений — равенством, а её светлость герцогиня Аласская по-прежнему остается моей матерью.

Я подавила раздражение (зачем мне провожатые в родном замке?), и послушно наклонилась, позволяя себя приобнять и подставляя щеку под поцелуй.

— Я загляну к тебе, когда ты отдохнешь, дорогая.

Оленна, извинившись перед собеседницами улыбкой, встала из-за стола:

— Прошу вас, ваша светлость!

Мы вышли из матушкиной гостинной, и почти сразу свернули не туда, куда я ожидала, и на мой вопросительный взгляд тэя охотно откликнулась:

— Вас разместили в морских покоях, — приветливо отозвалась она. — Её светлость решила, что вам там будет удобнее всего.

Да, действительно, глупо было предполагать, что супружескую пару из герцога и герцогини устроят в апартаменты для одной персоны, но... Мне хотелось увидеть свои комнаты.

— А мои бывшие покои? — небрежно спросила я.

— Там сейчас меняют обстановку, — легко откликнулась Оленна. — Тэя Эмелисса выписала из Акрейна краснодеревщика и каталоги с модными фасонами обоев, и хочет переложить туда фейский ковер, привезенный вашим дедушкой из странствий. Её светлость считает, что он будет там чудесно смотреться — по утрам в тех комнатах совершенно изумительный свет...

Да. Я знаю.

А мне и в голову не пришло тронуть покои Оленны и вдовствующей герцогини.

Спокойно, Ниса.

Оленна не виновата, что тебя здесь не ждут.

Давай ты лучше поговоришь с ней о чем-то другом.

— Скажите, тэя Оленна, а вы не хотели бы забрать вашу оранжерею? — пожалуй, даже я сама удивилась, что мне хватило смелости этот вопрос задать.

Но...

Я перехватила удивленный зловки-невестки, и постаралась как можно обаятельней улыбнуться:

— Понимаете, моя ненавязчивая забота уже успела аукнуться вашим растениям определенными... сложностями. У меня нет ни малейшей предрасположенности к цветоводству и флористике, и я опасаюсь, что дальнейшее мое попечение может обернуться, — я замялась, подбирая смягченный аналог слова “катастрофа”. — Некоторым упадком для вашей прославленной оранжереи.

Я попросту видеть её не хочу.

— Ваша светлость, — осторожно начала Оленна, — А... вы предлагали это моей матери?

Ответить так же, как я ответила однажды Лису о Мириам — “Бедные растения, тогда они все погибнут!” — было бы невежливо, и я замялась, подбирая слова.

— Понятно, — улыбнулась жена моего брата. — Мама порой

бывает... сложной. Я слышала, о том, что вы не поладили. Я сожалею.

Она задумалась, и я только сейчас обратила внимание, что мы остановились у основания лестницы, и никуда не идем.

Тонкая рука легла на перила с непринужденным изяществом, идеальная прическа подчеркивала горделивый постав головы — её хотелось увековечить на вышивке. Истинная тэя, безупречная и благородная.

— Видите ли, ваша светлость, — она не спешила говорить, подбирая слова, и наконец-то начав медленное восхождение по лестнице, — Я не слишком увлечена флористикой. По-настоящему успешным у меня был всего один проект, модификация красного драконьего клена, и я бы не отказалась это растение получить себе, признаю — но когда я попросила его из Стража, матушка мне отказала.

— К сожалению, если я верно помню, — призналась я. — Миниатюрный красный клен был в списке растений, которые тэя Керолайн попросила себе, и несколько дней назад его уже отправили. Но, поверьте, ему было бы лучше, если бы его отдали вам, тэя Оленна.

Она в меру расстроено, в меру элегантно махнула рукой:

— Прошу вас, зовите меня по имени. Просто Оленна.

— Тогда и вы зовите меня Нисайем, — ответила я любезностью на любезность.

А Оленна продолжила:

— Я дорожила дюжиной растений — теми, которые я растила с детства или вложила душу. Но вы мне и так их отдали. В остальном же я равнодушна к этому виду искусства. Мне, пожалуй, всё равно, растения, вышивка или любое другое рукоделие.. И если уж матушка... Виторика увлекается вышиванием — почему бы и нет?

От меня не укрылась ее заминка, и стало буквально до дрожи обидно, что вот Оленне её свекровь уже позволила звать себя матушкой, а моя... а меня!

— А я люблю вышивку, — ответила я вместо всего этого.

— Повезло вам, Нисайем, — вздохнула собеседница. — Я вот люблю боевую магию. Но кто ж мне позволит?..

И я была вынуждена согласиться, что да, если смотреть на вопрос так — то мне с увлечением, определенно, повезло.

А уже возле самой двери в морские покои, Оленна улыбнулась:

— А что касается оранжереи... Мне кажется, у меня есть неплохая

идея.

По проказливому огоньку в глазах я поняла: она что-то задумала!

— Видите ли, несмотря на то, что я не слишком увлечена этим видом искусства, судьба растений мне не безразлична! — пафосно продолжила она. — Поэтому, я возьму на себя смелость написать одной достойной женщине, с которой мы с мамой имели счастье встречаться на мероприятиях, посвященных флористике и магическому растениеводству. Если вы не возражаете, я напишу ей, что моя родственница попала в затруднительное положение, нуждается в помощи компетентного специалиста, и к кому еще нам обращаться за помощью, если не к особе, о профессионализме которой моя матушка и ее коллега столь лестно отзывалась?

Оленна открыла для меня дверь, и пропустила в покои первой — как гостью, и как особу, занимающую более высокое положение.

— Видите ли, — продолжила она, — эсса Уна Томпсон — удивительного таланта маг-флорист! Даже не смотря на то, что она куда более ограничена в возможностях, чем ее более родовитые коллеги, она неоднократно умудрялась обходить их на выставках, показывая просто выдающиеся результаты! Уверена, что объединив ресурсы оранжереи Вейлеронских и ее мастерство, вы сумеете добиться ошеломительного успеха! Моя мама о ней очень, очень высокого мнения! — с невинной улыбкой заключила супруга брата Виторика.

И я с отчетливой ясностью поняла две вещи: во-первых, тэя Керолайн эту эссу Томпсон наверняка терпеть не может.

Во-вторых, красный драконий клён тэя Оленна вдовствующей герцогине Вейлеронской так и не простила.

Морскими эти покои звались не просто так, и декорированные в бело-голубых тонах было вовсе не главной из причин. Если подойти к окну в любой из комнат — в спальнях, или в кабинете — открывался вид удивительной красоты: Пограничные горы, вписанные в морской пейзаж.

Море открывалось внизу, под самыми стенами замка, и катило пенные волны, несло на их беспокойных спинах корабли и лодки, и влажный ветер приносил запахи йода и водорослей.

И Гленси, видневшийся с этой стороны, казался плавучим городом из древних сказок...

Я потянула за шнур и задернула шторы.

Матушка всегда была сильна в искусстве иллюзий, и теперь спешила продемонстрировать это мужу дочери, давая понять, что его жена пусть и бездарна, но хорошей крови, и способна родить одаренных детей.

А может быть, я просто пристрастна, и ищу дурное там, где его нет.

По стенам были развешаны мои собственные вышивки с морской тематикой, и в этом я тоже увидела демонстрацию и умысел, хотя это уж точно — моя глупая мнительность.

Матушка пришла, когда две служанки, смутно знакомые с детства, заканчивали помогать мне со сборами к ужину.

— Что ж, — сказала она, когда мы с ней под руку плавно и чинно направились к парадной столовой. — Ты молодец уже хотя бы в том, что выжила Керолайн.

Изумленная столь вольным толкование фактов, я взглянула на матушку, но мое негодование пропало впустую.

— Поверь, жизни бы она тебе не дала, не с её характером, — похлопала она меня по руке. — Но теперь тебе следует развить успех и закрепить свое положение рядом с мужем! А ты? Что делаешь ты?

Я всё больше понимала, что не понимаю, о чем мы сейчас говорим.

— О, я помню о планах твоего отца и том, что он забил тебе голову этой чушью! — небрежно продолжила герцогиня Аласская, шествуя по своему дому(?), — Артефакт замка Лунь, и прочие глупости. Поверь мне, это всё полная ересь. Артефакт нужен для обороны замка — отлично, верни его домой. Но прочее — это просто безумие! Открыть правду о себе всем и позволить себя отослать?! Тебе, наоборот, следует позаботиться о том, чтобы твой муж никогда, никогда не узнал этой правды, и больше думать о том, чтобы быть ему хорошей женой и всячески ублажать. Бери пример с Оленны. Виторик от нее без ума! Она всегда приветливо улыбается и со всеми мила - и её все любят. А ты? Что за кислая мина, позволь спросить моя дорогая?

Гневно трепещущие ноздри выдавали глубину переживаний моей матушки, с которыми она загоняла в меня раскаленные иголки своих слов.

— Я представляю, что тебе сказал твой отец. Что после развода для тебя всё будет по прежнему. Но он мужчина, и он просто не понимает, что такое для женщины — развод. Твоя жизнь изменится, моя девочка. Ты станешь парией, тебя больше не будут принимать в

свете, и никогда не пригласят ко двору — и это лишь малая часть последствий.

Она остановилась, взяла мои руки в свои, и, проникновенно глядя в глаза, грустно сказала:

— Поверь мне, я лишь забочусь о твоём положении, родная...

И кто-то другой, измученный всем, что творится вокруг, и бесконечно уставший терпеть, ответил ей вместо меня:

— О моём положении — или о своём, матушка? Что станет с вашим положением и статусом, если ваша дочь разведётся, и свет узнает, что она — ведьма?

Холод взгляда тэи Эмелисы был куда гуще холода зимней ночи за окном.

— Что ты себе позволяешь, девчонка?

Я не нашлась, что ответить на этот вопрос. А действительно, что я себе позволяю: защищать себя? Говорить с её светлостью открыто?

Что я себе, наконец, позволяю?

— И что дурного в том, что я беспокоюсь о своём будущем? — ледяным тоном продолжила тэя Эмелисса. — От этого всё, что я тебе сказала, не перестало быть правдой.

Я продолжала стоять молча и смотреть ей в глаза. Её светлость сильнее стиснула мои пальцы:

— Послушай доброго совета, дочь, — спокойно и властно произнесла она. — Твой отец уже не молод, и после него герцогом Аласским станет твой брат. Твой развод, если он случится, ударит и по нему тоже, и по его жене. Как ты думаешь, девочка, он будет очень тебе за это благодарен?

Я думала о том, что за весь разговор матушка ни разу не назвала меня по имени.

Ужин прошёл сложно: мне кусок в горло не лез, и я разделявала ножом и вилкой поданные блюда на мелкие кусочки, не видя толком, что это, и абсолютно не ощущая вкус. Обеспокоенный взгляд отца и строгая холодность матери спокойствия мне не добавляли. Лис, сидевший рядом, тоже смотрел на меня куда чаще, чем того требовала беседа. Он провел с отцом весь день (в какой-то момент я даже заволновалась, не решил ли папенька потерять родового врага в каких-нибудь катакомбах) и мы едва ли перекинулись парой слов, пока

собирались к ужину. Присутствие Анабель и герцогского камердинера не располагало к беседам.

Но я все равно была рада его видеть, хоть и по-прежнему не имела ни малейшего представления, как себя с ним вести. И сейчас я то и дело ощущала на себе его взгляд, но ни разу не подняла глаза в ответ.

Братья старательно делали вид, что всё хорошо, и им не привыкать ужинать за одним столом с Вейлероном. Только Виторик смотрел на меня испытывающе.

Из-за стола я сбежала, как только это стало прилично. Прямо объявила, что желаю походить по дому детства, испросила у мужа дозволения и ушла. Алиссандр оное дозволение дал без восторга, и мою руку в своей задержал при поцелуе так, что пришлось почти вырывать, но... мне нужно!

Правда, долго ходить по замку не стала, только погладила по пути старые камни, утешая — я тебя люблю и помню, и мы еще весело проведем время, но потом, потом...

Тройка коридоров, неприметная дверь, и привет, свобода!

Зима-зимой, но до избушки Рискин у самой замковой стены проскочу, не замерзну!

Ричард, перехвативший меня у самой заветной цели, стал досадной неожиданностью.

— Ваша светлость. — Он склонился в предусмотренном этикетом поклоне, и меня кольнуло обидой.

Вот от Ричи, от человека, который напару с Виториком знал о доброй половине моих проделок, и треть из них утаил от грозного родительского ока, от того самого Ричи, который однажды каялся, что не уследил за мной, и все то время, пока ее светлость распекала нерадивого бастарда своего мужа, загораживал широкой спиной портьеру, за которой я пряталась, от Ричи, учившего меня таскать щенков на псарне так, чтобы им было не больно — от него я такого не ожидала.

— Нисайем, — единокровный брат, поняв мою реакцию, поправился, едва заметно улыбнувшись. — Отец просил сказать тебе без лишних глаз и ушей, что хотел бы завтра до обеда прогуляться с тобой по Соколинной Галерее, — и снова его губы дрогнули в быстрой улыбке. — Если у вас, тэя, нет других планов!

Я вздохом обозначила своё согласие.

Значит, поговорить с отцом без свидетелей раньше не удастся...

Ричи шагнул вперед, и мне на плечи опустился его теплый сюртук, и пока я растерянно хлопала глазами, брат поклонился и отступил, растворившись в тенях — глава разведки Алассов уже на протяжении добрых пяти лет явно не испытывал сложности с маскировочными заклинаниями.

Погладив плотную ткань, я нырнула за дверь.

Путь был привычный и давно знакомый — вот только в этот раз он окончился ничем. Рискин не оказалось дома.

Это стало последней каплей.

Я так хотела её увидеть, так надеялась на встречу! А матушка Рискин даже не сочла нужным быть в замке на время моего приезда.

Долгую минуту, я стояла перед закрытой дверью вдыхая через нос, выдыхая через рот, пытаюсь, стараясь не...

А потом, круто повернувшись на каблуках, не думая ни о чем и ни чуя под собой ног, припустила к русалочьему озеру.

Это озеро не замерзало зимой. Зимы для него не существовало, а берега поросли зеленой травой и цветами.

Кусочек лета.

Они почувствовали мое приближение и показались из воды раньше, чем я дошла до берега.

— Что случилось с тобой, девочка? — спросила меня старшая.

Я с присвистом вдохнула воздух и просто разрыдалась.

Не знаю, как так вышло, что я не слышала шаги и не почувствовала чужого приближения. Удивленно моргнула, когда молчаливо присутствующие владычица озера и ее свита вдруг без плеска ушли под воду, будто их и не было, и тут же за спиной прозвучало облегченное:

— Нашел.

Я зажмурилась и, не оборачиваясь, торопливо вытерла щеки, понимая, что это совершенно бесполезно. Глаза зареванные, нос опухший...

В груди ныло — болезненно, тянуще — а при его появлении еще и кольнуло.

— Простите, если заставила вас искать меня, ваша светлость, — произнесла я, по-прежнему не оборачиваясь. — Я... я сейчас вернусь.

Мне... мне нужно...

Я еще судорожно подбирала слова и оправдания, которые заставили бы мужа вернуться в замок и оставить меня дальше оплакивать свою несправедливую судьбу, превращая озеро в море на радость русалкам, когда мне на плечи легли твердые ладони.

Сжали, развернули меня и, прежде, чем я успела возмутиться, отстраниться или хотя бы отвернуться — вот еще, демонстрировать ему лицо все в красных пятнах! — прижали к широкой груди.

На груди было тепло, уютно и удобно прятаться.

Но я все же уперлась ладонями в попытке отодвинуться.

И не надо меня жалеть! И обнимать не надо!

Пожалеть я и сама себя могу, чем и занимаюсь! А от объятий только хуже. Это сейчас ты обнимаешься. А потом будет как с Нитой: “Вы можете идти собирать ваши вещи. После вас сопровождают в герцогство Аласское”.

А Лис неожиданно выпустил, не стал удерживать силой.

Я покачнулась, сделав шаг назад, и против воли встретила с ним взглядом. И почему-то не смогла отвести глаза.

— Хочешь, мы уедем? Хочешь — прямо сейчас?

Мой муж смотрел на меня без осуждения и без обиды. Спокойно. Тепло. Так тепло, что у меня от этой теплоты снова щипало глаза.

— Так нельзя, — только и смогла шевельнуть губами я. Нельзя. Неприлично. Возмутительно. Оскорбительно. Нельзя взять, и укатить среди ночи из замка, который я считала домом, но который больше им не является. Нельзя взять и махнуть рукой на приличия и правила. Нельзя...

— Можно, — уверенно отозвался Алиссандр. — Скажи, что ты этого хочешь, и я отдам распоряжение. Ты хочешь?

— Я... — холодный воздух застревал в горле, слова терялись. — Я не знаю... Нет, не хочу.

Мысли наконец вынырнули из зыбкого болота самокопания и нащупали твердую почву — нельзя, я так еще и не поговорила с отцом.

— А чего ты хочешь? — Муж сделал шаг вперед, снова сокращая дистанцию между нами.

Чего я хочу? Перестать ежеминутно бояться разоблачения. Перестать чувствовать себя виноватой за то, что родилась такой. Я ведь не виновата! Я этого не хотела, не просила! Я не должна была такой

родиться! Я должна была родиться обыкновенной тэйрим, родовитой магиней. Удачно выйти замуж и жить долго и счастливо.

Например, с тобой. Ведь у нас могло бы получиться долго и счастливо. Ты хороший, Лис, ты добрый и чуткий. Строгий, но справедливый. Такой взрослый, в отличие от меня, но умеющий быть мальчишкой...

Если бы только не...

Губы снова задрожали, слезы градом покатались по щекам.

— Боги, Ниса... — Лис выдохнул это, уже сгребая меня в охапку, на этот раз не терпя возражений, впрочем, на этот раз я и не возражала. — Ты мне сейчас душу наизнанку выворачиваешь своими несчастными глазами. Я поклялся перед богами, что я буду защищать тебя, и я буду, слышишь? Даже от твоих треклятых родственников. И если ты не перестанешь из-за них рыдать, мы уедем.

Он обхватил ладонями мое лицо, поднял его и принялся целовать, не только губы — а все лицо, глаза щеки, лоб. Он осушал соленые капли, ловил их губами, и потом я ощущала вкус собственных слез на языке.

Голова закружилась. Я цеплялась за него и ловила, пила эти поцелуи, пьянея от них, как от вина.

Что будет, если я скажу ему сейчас?

Посмотрю в глаза и скажу: “Я ведьма, Лис”.

Да-да, та самая угроза благополучию твоего замка и его обитателей.

Повторишь ли ты сказанные только что слова?

Я отстранилась, посмотрела ему в глаза...

И не смогла.

Опустила ресницы, потянулась всем телом к нему за новыми объятиями и поцелуями.

Пройдоха со всей это правдой!

Он спросил, чего я хочу — я хочу вот этого. Пока еще могу — хочу.

— Остановись, — опомнилась я, когда за спиной оказался шершавый ствол дерева, а поцелуи перетекли с лица на шею и ниже, а руки и вовсе поползли под одежду.

— Зачем? — хрипло выдохнул мужчина и чувственно прихватил губами полушарие груди, от чего я едва не застонала в голос. — Не

бойся, тут никого нет.

На самом деле этот вопрос меня занимал, как ни странно, меньше всего! На самом деле, мне просто очень хотелось его раздеть, но беса с два я в этом признаюсь!

— Тут есть русалки, — возразила я.

— И что? — удивился Лис.

— Они смотрят!

— Ниса, ты не поверишь сколько нечисти вокруг подглядывает за людьми.

— Да, мы никому не расскажем, — вмешался в разговор тоненький хрустальный голосок из-под воды.

— Только позавидуем немножко, — другой голосок.

— Ниса, может поделишься потом? — включился третий, томный и игривый. — Обещаем, вернем в сохранности!

— Ну, почти... — усомнился первый.

— Ну, живым! — поправил второй.

— Скорее всего, — вздохнул третий.

Я зло зыркнула на водную гладь и от воды повалил легкий парок, к счастью, незамеченный герцогом, а хихиканье стало чуть дальше.

— Все, я понял, почему русалки — это проблема, — вздохнул Алиссандр, но вместо того, чтобы шугануть наглую нечисть, схватил меня за руку и повел за собой в замок.

Мы крались в собственные покои, как провинившиеся дети, прячась от любых случайных взглядов. Хихикая, что те русалки, и жарко тискаясь при любой удобной и не очень возможности.

А за закрытыми дверями мы обдирали друг с друга одежду, не считаясь с застежками и пуговицами.

И мне не было стыдно.

Я не краснела и не стеснялась. Я смотрела и позволяла на себя смотреть. Я целовала и позволяла себя целовать.

У меня всегда было сплошное “нельзя”. Мир, сотканный из правил и ограничений. А потом в нем появился Лис и сказал: “Можно”.

И я была ему за это благодарна. Даже когда потом он меня прогонит — все равно благодарна. За то, что можно не стыдиться, можно дурачиться, можно иногда ляпнуть глупость — и он не посмотрит с неодобрением, а посмеется.

Можно дышать. Можно быть собой.

Ну почти...

Я чувствовала глубокие, сильные движения моего мужчины во мне. Я чувствовала жар его кожи, силу его мышц. Я пила его дыхание.

А потом, когда я приходила в себя после ослепительной разрядки, когда меня пристроили на широкой груди, а наши тела так и остались переплетенными — руками, ногами — я подумала о том, что я бы хотела, чтобы он успел подарить мне ребенка.

Лучше девочку, чтобы не забрал. Девочки-ведьмы никому не нужны, а я бы ее любила больше всех на свете.

Я приподнялась на локте и задумчиво изучила раскинувшееся подо мной расслабленное мужское тело. Лис поднял руку и уже каким-то привычным жестом провел костяшкой пальца по моему носу, заставив поморщиться.

— О чем ты задумалась с таким серьезным видом?

— О детях, — честно призналась я. Ну а что в этом такого? Нормальная женская мысль! — Можно мне сначала девочку?

Лис страдальчески искривил губы — опять мужественно пытается не расхохотаться, я эту гримасу узнаю из тысячи, и я профилактически ткнула локтем беззащитные ребра. Муж охнул и пробормотал:

— Не то, чтобы я как-то мог на это повлиять...

Я закатила глаза, всем видом выражая — такую малость не можешь для меня сделать! — и села, намереваясь улизнуть в ванную.

— Ниса, — герцог тоже сел и перехватил мою ладонь, разворачивая к себе. — Давай проясним кое-что. Ты понимаешь, почему я выставил твою камеристку из замка?

Я насупилась, дернула плечом, но пальцы не вырвала. И, помедлив, неохотно признала:

— Понимаю.

— Хорошо, — Лис кивнул. — Тогда, пожалуйста, пообещай, что в следующий раз, когда тебе приспичит притащить в замок ворох неведомых зверушек, ты поставишь меня в известность. И заранее, а не постфактум.

— Обещаю, — все так же хмуро вздохнула я.

— Отлично. Тогда, раз мы договорились, можешь вернуть свою ведьму, но под твою ответственность! — произнес он, и пока я неверяще светлела лицом, добавил: — Кстати, где она? Я не видел ее сегодня в замке...

— Что ж ей в Лунь делать, когда она в Антре живет и ждет, когда его светлость образумится, — с важным видом сообщила я и с визгом бросилась удирать через постель.

...Лис уснул только под утро. После жаркой, насыщенной ночи, наполненной шепотом, стонами, разговорами ни о чем и обо всем, и новыми ласками. У меня самой совершенно не осталось сил, но сон почему-то все равно не шел. Я лежала на жестком мужском плече, осторожно гладила гладкую кожу, перебирала пальцами изгибы тела, прислушивалась к ровному дыханию, и медленно уплывала, но не в сон, а в подобие странного транса.

Погруженный в ночной сумрак мир постепенно обретал небывалую ясность, а в моем сознании будто бы рассеивался затянувшийся все густой туман.

Потоки силы — не чужие и непокорные, а знакомые и ласкучие.

Бессмыслица старого языка в книгах обрела четкость и стройность.

И все становилось понятно.

Все мои всплески, все мои срывы. Причины и следствия. И задействованные силы.

Почему и как.

Иногда я видела все как бы со стороны, особенно ярко последние воспоминания — как например, повинаясь моей воле, незримая тень парит за плечом моего мужа в гарнизоне, отводит удар...

Как я сплю, но сила моя устала сидеть взаперти и, свободная от оков разума, она разворачивается, расправляется, устремляется ввысь, если не сама, то зелеными побегами.

И я улыбаюсь во сне.

Я выпадаю снова в здесь и сейчас, и на несколько мгновений не могу вспомнить, как дышать. А напоминает — чужое дыхание рядом и грудь, вздымающаяся под моей щекой.

Я улыбнулась и теснее прижалась к мужу, оплетая его, махнув рукой на то, что я обнажена, а благородной тэе нужно надеть сорочку и привести себя в порядок...

Я ведьма. Мне — можно.

Глава 15

Совместный завтрак для нашей супружеской четы — явление исключительно редкое.

Обычно к моему пробуждению дражайший супруг успевал умчаться по каким-нибудь важным мужским герцогским делам.

А сегодня нет, сегодня сидит и как миленький со мной завтракает: лицо сосредоточенное, брови сурово сведены...

Масло на тост намазывает.

За процессом я наблюдала с чрезвычайной заинтересованностью, потому что по его завершению тост планировала отобрать.

Потом поняла, что все равно постесняюсь, и передумала.

Хотя это в любом случае ничего не меняло — первый намазанный Лисом кусочек поджаренного хлеба все равно лег в мою тарелку, а не в его собственную.

— Какие у тебя на сегодня планы, радость моя? — поинтересовался муж, намазывая следующий тост.

Я с сожалением отказалась от намерения откусить от тоста кусочек.

— Папа. Он приглашал меня погулять вместе сегодня утром. Прогуляемся по Соколиной Галерее, поболтаем о разном, — я неопределенно дернула плечом. — А у тебя?

— А меня твой брат пригласил потренироваться вместе. И тоже — сегодня утром. Очевидно, чтобы я не помешал вашему отцу получить разведданные от его резидента глубокого внедрения!

Оу! Мои брови непроизвольно приподнялись удивленным домиком, но в целом, ехидство Алиссандра я предпочла проигнорировать, и вгрызлась в тост, запивая его соком.

Было почему-то ужасно смешно.

Галерея называлась Соколиной, потому что её огромные окна от пола до потолка были забраны витражами с изображением соколов — парящих, пикирующих на добычу, сражающихся между собой и горделиво восседающих на скалах. Она опоясывала почти весь четвертый этаж замка Лунь по восточной стороне, и по утрам здесь было особенно красиво.

— Я не нашла артефакта, отец, — закончила я свой рассказ.

Мы с его светлостью герцогом Аласским чинно прогуливались под руку, и беседовали.

Вернее, я говорила, а отец — слушал.

—...словом, за этот месяц я с поисковым артефактом обошла весь Страж. А уж во время ревизии просто не расставалась с ним. И ни разу

не ощутила отклика. Хотя бы слабого, эхоподобного! — Мы остановились напротив витража, изображающего гнездовье белошеих свейских соколов, и я, осторожно погладив знакомый с детства рисунок, призналась, — Я не знаю, что делать, отец.

А за цветным стеклом на тренировочной площадке скакали две фигуры, и даже с высоты четвертого этажа я узнала одну из них.

Значит второй — Виторик. Лис говорил сегодня...

Я шагнула в сторону, ища, где витраж прозрачнее, но отец понял, чего я хочу, провел ладонью вдоль окна — и рисунок растаял, как морозный узор тает от тепла, а стекло обрело хрустальную прозрачность.

Некоторое время мы оба молчали, смотрели, как внизу пляшут два человечка, как танцуют едва видимые отсюда мечи...

Не то чтобы я что-то понимала в развернувшемся передо мной действе.

Мне было просто красиво.

Они мне нравились, оба, мне приятно было на них смотреть, и особое удовлетворение доставляло знание, что они не собираются друг друга убивать.

А что прыгают и звенят железом — пускай.

Ведь действительно же красиво.

— Он не обижает тебя, Нисайем? — осторожный вопрос отца застал меня врасплох.

Настолько, что мне понадобилось время, чтобы вынырнуть из собственнических мыслей, прокрутить мысленно вопрос, который я прослушала, а потом еще несколько мгновений, чтобы сообразить, кого он имеет в виду.

— Нет, отец, — кротко опустив очи в пол ответила я, наконец разобравшись, что к чему и расставив мысли по местам.

Было стыдно и неловко, что меня поймали на разглядывании собственного мужа. Теперь его светлость догадается, что это занятие делает меня туповатой...

— Ниса? — и я по голосу поняла, что отец нахмурился. А потом осторожно спросил, — Ниса, тебе там... плохо?

Я растерялась.

Ответить "Да"? Но ведь это будет нечестно по отношению к Алиссандру!

Сказать “Нет, мне там хорошо”?

Ой... Но ведь папа наверняка тогда обидится?

Мысли метались и сталкивались, я почему-то перепугалась и пришла в совершенное замешательство, а потом, словно молния, сверкнуло озарение: слово!

Слово, данное Лисом королю!

Он поклялся, что будет хорошо со мной обращаться!

— Нет, отец, — вежливо, но твердо, ответила я, мгновенно приняв решение. — Всё хорошо.

Он смотрел на меня внимательно, испытываяюще. Но потом всё же кивнул.

Я же взяла его под руку и повела дальше по галерее, прочь от Алиссандра, потому что... Ну... Просто!

— Что ж, — герцог Аласский вернулся к предыдущему разговору. — Возможно, мы были неправы. Возможно, Вейлероны всё же хранят артефакт Лунь не в Страже. Я дам задание специалистам, пусть думают. Ты же, пожалуй, можешь возвращаться, дитя моё.

Я почувствовала, как каменеет моя рука на отцовском локте, и усилием воли заставила её расслабиться.

— Астеля Пятого в мужья я тебе, пожалуй, всё же не обещаю, — скупое улыбку он, и мне стало немного легче. Всё же чем дальше, тем менее удачной мне казалась та шутка! — В остальном же всё будет хорошо.

Отец погладил меня по руке, которую я так и не убрала.

— После того, как правда о твоём даре станет достоянием света, будет большой скандал. Развод на этом фоне несколько теряется, но я бы не хотел, чтобы тебя затронула эта буря. Как ты смотришь на то, чтобы уехать на пару лет? — он взглянул на меня внимательно, пристально. — Рискин согласна учить тебя по-настоящему. Поедете, посмотрите мир... Если пожелаешь — инкогнито, а если считаешь, что готова встретиться с пересудами лицом к лицу — под своим именем. А здесь за год-другой всё уляжется, появятся новые интересные темы для сплетен.

— А если не появятся? — неловко пошутила я.

Каменный пол галереи уходил из-под ног.

— А если не появятся — организуем, — вполне серьезно ответил герцо

Я не заметила, когда мы остановились, но когда отец сжал меня в объятиях и притиснул к груди, я растерялась.

— Не плачь, ребенок, — попросил он. — Всё будет хорошо! Не сразу, но мы сумеем через это пройти, я никому не дам тебя в обиду.

А я и не плачу, просто.. просто...

— Папа, я не хочу! То есть, я хочу остаться и еще поискать! — горячечно зашептала я в шершавую от вышивки ткань камзола. — Ну, это ведь артефакт Лунь! Он же так важен для нас! А если ты перенаправишь поиски... А может быть, я что-нибудь упустила? Нужно просто поговорить с Виториком и Ричем! Может быть, они придумают, где еще нужно поискать!

Объятия отца дрогнули, и стали крепче. А потом он разжал руки, и придерживая меня за плечи, внимательно изучил взглядом:

— Не ожидал от тебя такой... самоотверженности, Ниса, — задумчиво обронил он. — Похвальная преданность роду!

Я от души надеялась, что горячие пятна, запунцовевшие на щеках, отец не заметил.

А дальше мы просто гуляли с отцом по Соколинной Галерее, беседуя по душам (вот уж невиданное дело!), и так увлеклись, что спохватилась я только тогда, когда было пора идти переодеваться к обеду.

По чистой случайности, это совпало с тем, что с тренировочной площадки куда-то пропали скакавшие там человечки.

Мы встретили их на главной лестнице: Алиссандр с Виториком поднимались со второго этажа на третий, оба взъерошенные, разгоряченные, они оживленно о чем-то разговаривали, и беседа так увлекла их, что нас с отцом, спускающихся по той же самой лестнице, заметили не сразу.

Виторик смутился, сделал не заинтересованное лицо, и я, совсем недавно сама скрывавшая от его светлости баюшки следы предательской симпатии к врагу, даже посочувствовала братцу ненадолго...

А потом Лис посмотрел на меня.

До сих пор мне не часто удавалось дотянуться до мужа своим даром: чем сильнее маг, тем прочнее его естественная защита от непрошенных гостей вроде меня. А про Алиссандра Вейлерона, которого еще до двадцатилетия прозвали Мечом Предгорий, говорили, что он —

сильнейший маг этого поколения.

А сейчас...

Лис поднял голову, и в первый момент я только подумала, какой он красивый, и внутри сладко и очень по-женски заныло, а потом... нахлынуло.

Любование, нежность, восхищение.

Эмоции и ощущения Алиссандра отличались от моих так же, как ровный и сильный поток отличается от ярких, резких мазков и бликов.

Желание. Чужое жаркое чувство, похожее и непохожее на мое собственное, подобное уверенному пламени — на которое охотно откликнулся мой собственный своенравный, но трепетный и жадный огонек.

Голос Вейлерона, обращенный к моему отцу, был прохладно-благожелательным, даже слегка скупающим:

— Благодарю вас, тэйр Вольтур, дальше мы сами. Дорогая, позвольте сопроводить вас в ваши покои.

И по лицу его уж точно нельзя было сказать, что именно он сейчас чувствует.

Я реверансом поблагодарила отца за компанию, и с кротким послушанием протянула руку мужу.

Надеюсь, по мне сейчас тоже нельзя сказать, что у меня дрожат ноги и кровь стучит в ушах...

К покоям меня сопроводили. Что интересно — действительно, к моим.

И, оказавшись внутри, я могла бы, конечно, дернуть сонетку, призвать Анабель, и начать ритуал переодевания к обеду (после которого мы покинем Лунь, оба покинем, а могла бы и остаться), но...

Время еще позволяло, а за дверями в ванную, как я не слышала, но точно знала, принимал водные процедуры главный враг всея герцогства Аласского, Алиссандр Вейлерон.

Некоторое время я колебалась, а потом решилась.

Эдак меня и из ведьм выгонят!

Распущенная я, в конце концов, безнравственная особа, или нет?!

Надо соответствовать!

Заветная дверь отворилась без скрипа...

Целовать голую спину умывающегося мужчины — очень увлекательное занятие. У него лицо и руки в мыльной пене, поэтому он

никак не может принимать в процессе участия, только дергает лопатками, бормочет почему-то шепотом “Ниса, Ниса, я же соленый, погоди немного, дай мне минуту!”.

Но, ваша светлость, разве я отбираю у вас ваши минуты? Вы вольны распоряжаться ими как угодно — я просто не желаю тратить впустую свои!

И я легко-легко, едва ощутимо, касаюсь губами кожи его спины. Она гладкая, и упругая, и действительно, едва ощутимо солоноватая, и безумие поднимается волной, стучит барабанами в висках, гудит в крови.

Лис захрипел, когда я от избытка чувств эту спину укусила, но я ведь, во-первых, совсем сбоку и чуть-чуть, а во-вторых, как было не укусить?!

Ладони герцога интенсивнее заскользили по герцогскому лицу, торопясь избавиться от мыла, а ладони герцогини легли на герцогскую спину.

На тугие мышцы, на выступы позвонков — большими пальцами, и на всё остальное пространство до рёбер, сколько удалось захватить, прочей ладонью. С силой потянула вниз, оставляя на мужской коже белые, но стремительно краснеющие полосы.

У вас восхитительно красивая спина, ваша светлость.

В доказательство этой глубокой мысли я снова её поцеловала.

И ей ужасно идут мои следы!

Лис, отвоевавший собственные глаза у коварного здешнего мыла, оборачиваться ко мне почему-то не спешил. Стоял, опершись о раковину руками — сильными, перевитыми жгутами жил и вен, дышал тяжело. Сердце его колотилось быстро-быстро, билось, кажется, прямо мне в губы — то ли я удачно прижалась, то ли оно специально сместилось...

Убедившись, что муж одержал сокрушительную победу над аласским мылом, я осторожно обняла его за пояс. Прижалась щекой — туда, к сердцу. Потерлась. Замерла.

И он тоже.

Ваша светлость?

Муж стоял, не шевелясь.

Ваша светлость, если вы помните, мы несколько ограничены во

времени, и сейчас — самое время проявить инициативу! Нам ведь ещё в спальню идти!

Но не могла же я сказать это вслух, верно?

Вместо этого я осторожно, самыми кончиками пальцев, погладила удачно под ними оказавшийся пупок. Обвела. Скользнула пальчиком ниже, по тёмной дорожке волос... Спустилась по ней до бляхи ремня. Прошлась пальчиком вдоль того самого ремня: слева— направо... Справа — налево...

Муж перестал дышать. Кажется — совсем.

— Ваша светлость, — выдохнула я в герцогское ухо, к которому мне пришлось далеко и неудобно тянуться, встав на цыпочки.

Но раз уж я дотянулась — может быть, мне можно поцеловать завиток?

Муж не возразил.

— Ваша светлость, — снова шепнула я в поцелованное ухо. — Полить вам воду на спину?

Когда неведомый ураган смел меня с места и впечатал в стену ванной, вышибая дыхание из груди, я пискнула. Когда с меня, задрав юбку, содрали белье, безнадёжно изувечив подвязки чулок, я заподозрила, что в спальню можно и не идти. Когда мужская плоть, твёрдая и горячая, уперлась в шелковистые складки, нежно потираясь и лаская, я обвила шею мужа руками, и выкинула из головы все-все мысли, оставляя место лишь для ощущений.

И для Лиса.

Тяжёлые, напористые толчки, и с подсказкой Лиса я обвиваю его талию ногами, и ощущения от этого чуть, но меняются.

Он держит меня под попу, и вжимает телом в стену, и бьёт, бьёт, бьёт внутрь меня...

Мои мышцы напряжены и дрожат, а глаза закрыты, я взмокла, и от каждого точка мужа между моих ног — все ближе к заветной молнии.

Он рычит, а я всхлипываю, молния так близко, совсем рядом, вот-вот, и я отчаянно цепляюсь за него и выгибаюсь. И когда она, ослепительная и упрямая, сверкает в моей голове, оставляя слепой, глухой и слабой, я с тихим "Ли-и-ис!" вжимаюсь в мужа, впиваюсь в него ногтями.

И чувствую, всей собой чувствую, как прокатывается по его телу волна дрожи. Как он замирает, войдя в меня до упора. И я ощущаю его

так глубоко и полно!

Мы оба замерли, и я, перебирая его волосы, думаю о всяких глупостях, вроде того, что супружеский долг, оказывается, можно отдавать не только сидя, но и стоя — хотя казалось бы!

А уж относительно возможных мест, я ещё после кабинета иллюзий могла бы не питать...

— Да, ваша светлость, — внезапно сообщает Лис, выходя из меня, и прекращая меня расплющивать о стену.

— Что? — растерянно вынырнула я из своих мыслей.

— Да, ваша светлость. Вы можете полить мне воду на спину.

— Истинно благородные тэйры не носят на себе подобных вульгарных... украшений! — чопорно сообщила я супругу по поводу трех длинных алых полос, перечеркнувших его спину от левой лопатки до правого подреберья.

Настроение было вредным и игривым.

Супруг возвел очи к потолку, и с явным усилием промолчал.

Тем самым опровергнув мои грязные инсинуации, и доказав, что как раз он-таки истинно благороден!

К обеду мы вышли без опоздания только чудом: Анабель проявила чудеса скоростного одевания, зашнуровывания и причесывания.

Обед прошел в непринужденной, светской обстановке, а я получила наглядную иллюстрацию к словам матушки о том, что этикет — благо, и, для тех, кто умеет им пользоваться — броня и оружие разом.

Оба герцога, благожелательно улыбаясь, пробовали на прочность шкуры друг друга, ковыряя этикетную броню этикетным оружием.

Время от времени за кто-нибудь из братьев пытался принять участие в забаве, и ему тут же прилетало чем-нибудь острым или тяжелым в изящной формулировке.

Дамы делали вид, что ничего не происходит.

Мужчины делали вид, что не наслаждаются происходящим.

Это был самый странный семейный обед в моей жизни — включая даже те, на которых тэя Керолайн и её окружение пытались меня сожрать.

Братца Виторика я перехватила уже перед самой посадкой в карету.

Мысль о необходимости этого разговора варилась в моей голове со вчерашнего дня, вот только как его начать...

“Смирись, Нисайем, дипломатия и тонкие намеки — это не твоё”, — подумала я, и рубанула в лоб:

— Виторик, ты хочешь, чтобы твоя жена была счастлива?

— Ты хочешь сказать, что моя жена несчастна?! — возмущение виконта Крионского было неподдельным.

Н-да, наверное, над подбором слов всё же надо было еще подумать.

Я сделала лицом “Я этого не говорила”, но мы оба знали, что да — как раз это я и сказала.

— Нисайем, — вздохнул братец, с которого я увлекла подальше для частного разговора, отгородившись от провожающих Лисом. — Давай без этих штучек, хорошо?

И попросил:

— Если ты хочешь что-то сказать — говори.

Ладно, как знаешь, я пыталась тебя подготовить...

— Оленна хочет заниматься боевой магией, — сжато и по делу проинформировала я его, и насладились шоком родственника.

— Но... Она же... Растения, выставки...

— Я предложила ей забрать в Лунь оранжерею — отказалась, — в том же кратком стиле разрушила я этот довод.

— Оленна... Нисайем, но меня же свет не поймёт, если я позволю женщине...

— Виторик! — теперь возмутилась уже я. — Оленна не хочет применять боевую магию! Она её просто любит и хочет изучать!

И пока маркиз Крионский подбирал аргументы, почему это никак не допустимо, тоном ворчливой старухи заключила:

— И вообще, что тебе дороже — чье-то мнение, или счастливая жена? Ты же мужчина! Что тебе какие-то там сплетники?

Аргумент был, конечно, так себе, потому что есть сплетни, а есть репутация, и если первое — удел слабых женщин (ага-ага!), то пренебрежение вторым недопустимо для дворянина.

Но ведь Оленна действительно не собирается воевать!

Какой ущерб репутации может случиться от того, о чем никто не узнает?

— Тэя Нисайем, вы попрощались с братом? — очень удачно вмешался в наш разговор супруг, окликнув меня и не дав Виторику выстроить контрдоводы.

— Да, ваша светлость!

— Тогда позвольте, я помогу вам...

Муж привычно помог мне залезть в карету, и сел сам.

Последние прощания, уже без слов, взглядами и кивками, и кучер, щелкнул кнутом, трогая с места, а вслед за ним тронулся и второй экипаж, со слугами.

Когда мы покидали двор замка Лунь, я в окошко видела задумчивое и сосредоточенное лицо Виторика.

— Это была плохая шутка, Нисайем, — устало сообщил Лис, и только тут я заметила, что он хмурится.

Я обернулась к нему. Я в принципе, искренне готова была признать его правоту, тем более что и матушка зачастую находила моё чувство юмора неуместным, только не совсем понимала, о чем идёт речь именно сейчас.

— Твоё... мягко скажем, не соответствующее истине заявление о желаниях моей сестры, — пояснил он.

И я, не понимая, откуда взялось это осуждающее выражение лица супруга, и от этого почему-то пугаясь, растерянно выдала:

— Но она же сама призналась! — дурацкая привычка при испуге говорить правду опять подвела меня.

Я крутила в голове разом десяток мыслей, не зная толком которую в первую очередь начать думать: зачем Оленна солгала, как мне убедить теперь мужа, что я не хотела, и что делать, если убедить не удастся?

— Что сказала? — изумился Лис

— Кто? — я вынырнула из своих панических метаний, и не сразу, но сумела собрать этот кавардак в единый строй, и уже из него вычленила что-то удобоваримое, — Тэя Оленна сама мне сказала, что ей нравится боевая магия!

И осторожно уточнила:

— А тебе разве нет? Она не упоминала этого прямо, но из её слов было достаточно очевидно, что она когда-то уже просила о занятиях но ей отказали, и...

Что “и...” я бы сформулировать не смогла, поэтому выжидательно уставилась на супруга.

— Нет, — уверенно ответил Вейлерон.

Настолько уверенно, что я тут же усомнилась в своих выводах, и торопливо стала обозначать пути для отступления:

— Лис, возможно, я всё неправильно поняла, и она ничего такого

не говорила, и я всё исправлю, честное слово, как только вернемся домой — я сразу же Виторику напишу, и честное слово, он ничего такого про тэю Оленну не подумает... Я же как лучше хотела!

— Нет, ну это же бред! — еще более убедительно оборвал мой лепет Алиссандр, глядя куда-то сквозь стену кареты, — Ей же тогда лет пять было!

Я благоразумно умолкла, а потом заподозрила, что меня и вовсе не слышали.

Герцог Алиссандр Вейлеронский расфокусированным взглядом смотрел куда-то вдаль — или, наоборот, внутрь себя.

Кажется, у него сейчас заново складывалась картина мира.

Я сочувственно погладила мужа по плечу. А потом дала выход любопытству:

— Ли-и-ис?

Муж вынырнул из своих мыслей и обернулся ко мне.

— А ты что подумал?

Он вздохнул, и вдруг подхватил меня с сиденья к себе на руки, а потом...

— Я подумал, что пока меня не было, ты поссорилась с Оленной. И эта “шутка” — своеобразная попытка свести счеты. — Он сжал меня в объятиях крепче и признался: — Рассердился, между прочим. Ведь уже говорили об этом, и я просил тебя в таких ситуациях не вести боевых действий самостоятельно, поговорить со мной... Извини, — завершил он свою речь и поцеловал меня в макушку.

Оу... Оу! Вот это да! Мне не послышалось? Серьезно? Он передо мной извинился!

Нет, тема для обсуждений богатая, и я не прочь ее расширить и углубить, но... Но лучше не буду.

— А почему ты, в таком случае, не вмешался? — задала я не менее интересующий меня вопрос.

— Не хотел ставить тебя в неудобное положение перед родственниками. А брак Оленны выглядит достаточно устойчивым, чтобы такая мелочь могла ему навредить, — пожал плечами мой муж и ее брат.

— Не волнуйся! — я погладила его по щеке, по уже осязаемой щетине. — Все будет хорошо!

— А почему я должен волноваться? Это теперь проблемы твоего

брата! — И с невыносимо довольной ухмылкой он добавил: — Дорогая супруга, я надеюсь, вы осознаете, каких размеров свинью ему подложили...

Я поцеловала его в уголок губ — в тот самый, где пряталась, подрагивая, смешинка, а потом с чувством провозгласила:

— Отнюдь, дорогой супруг!

И отвернувшись к окну, чувствуя, как улыбка растягивает мои собственные губы. Неудержимо.

Если Виторик позволит подобные занятия, значит, для него увлечение его идеальной супруги боевой магией не проблема .

Так что, свинью я действительно подложила.

Но отнюдь не Виторику.

Глава 16

Удивительное дело, но я была рада вернуться в Страж. Даже несмотря на то, что его стены отвечали мне черной неблагодарностью и продолжали посматривать косо (а ведь благодаря мне с большой ревизией состоялась большая уборка!). Хотя, если подумать, раньше все же он относился ко мне прохладнее.

Ничего, старый великан, я тебя еще завоюю!

Папенькины специалисты посмотрели артефакт, что-то в нем поправили-покрутили, и мне велено было обходить замок по новой. А без ревизии это займет куда больше времени...

Как я ни старалась себя настроить, но разочаровываться и расстраиваться из-за того, что мое пребывание у Вейлеронов затягивается, у меня не получалось. Наоборот, какая-то неуместная искристая радость от этого теплилась в груди. А спустя неделю после визита домой я и вовсе поймала себя на ужасающей мысли — а может быть, матушка права?

Но тут же ее отвергла.

Нет, мысль обманывать Лиса всю жизнь мне претила. Даже несмотря на то, что после поездки домой, освоение мной собственных сил пошло просто семимильными шагами, даже несмотря на то, что теперь я знала, чувствовала, что в большинстве случаев смогу себя контролировать, и не подожгу ничего случайно от брошенного в мою сторону злого слова (а вот намеренно — могу, получается! берегитесь воображаемые злопыхатели!). Даже несмотря на все это... я не смогу.

Он не заслуживает такой подлости с моей стороны.

Просто еще немного оттяну этот момент. Пока не найдется артефакт.

И потом, а вдруг?..

Я тряхнула головой, отгоняя дурацкие необоснованные надежды и рассердилась в очередной раз на Ниту с Анабель, которые забили мне голову глупостями. Только как я ни старалась, тот наш разговор отказывался забываться.

— Нита! — Я бесцеремонно бросилась ведьминой дочке на шею, стоило ей закрыть за собой дверь моих покоев.

— Ваша светлость! — смешливо обняла меня камеристка, и где-то за спиной недовольно засопела Анабель.

— Боги, как я рада тебя видеть! Мне было так плохо, так плохо! А потом представляешь, его светлость взял и разрешил, я даже не просила! Я бы попросила, конечно, если бы думала, что он согласится, но ведь он казался таким серьезным, и вообще... а он! Я так рада, так рада, ведь была уверена, что он ни-ког-да!

Нита отстранилась и посмотрела через мое плечо на русалку.

— Не говори ей, — громким заговорщическим шепотом произнесла Анабель. — Пусть сама.

Нита смерила растерянно хлопающую ресницами меня взглядом с головы до ног и скептически поинтересовалась:

— Думаешь, догадается?

— Не скоро, — протяжно и печально вздохнула русалка.

И обе замолкли глядя на меня с умилением и скорбью.

— Эй! — я воинственно вздернула подбородок и оглядела обеих суровым взглядом, подсмотренным у маменьки. У нее работало — прислуга сразу становилась еще шелковее, чем была. У меня — как-то не очень. По-моему, умиления в ответных взглядах только прибавилось... — Это что еще значит?

— Ничего, ваша светлость, — хором ответили девицы, глядя на меня преданно и невинно.

Я хотела сказать “уволю!”, но кого я обманываю? Жалованье урежу? Кого я обманываю-два...

Оставалось только одно. Единственное, отчаянное, но ни разу не подводившее средство.

Добрых минут пятнадцать вооруженная полотенцем, я носилась по

покоям за улепетывающими девицами. Те визжали и хохотали, но под страшное оружие попадать отказывались. Однако я и моя воля к победе оказались прочнее. Нита первой плюхнулась на пуф со словами “Я не могу больше! Сдаюсь!” и я победно уперла руки в бока. Вот оно — воспитание истинной тэи! После того, как протанцуешь всю ночь без передышки на балу, зятая в корсет, что там какая-то беготня!

— Ну?!

— Тэя, вы можете не верить, но вот я — ни капельки не удивлена своему возвращению! — а потом, понизив голос до заговорщического шепота, она поведала: — Ваш супруг, дорогая тэя, с вас мало что пылинки не сдувает. И исполнит любое ваше желание.

— Если только вы сами поймете, чего хотите, — добавила Анабель.

— И додумаетесь попросить.

— Скажешь тоже, любое! — рассердилась я, отбрасывая полотенце, и даже топнула ногой. Придумали ерунды да еще и развели тут из-за нее! — Глупости это все!

— А я говорила — не говори ей! — удовлетворенно хмыкнула русалка...

С тех пор прошла неделя.

А потом еще неделя.

А потом началась третья...

И мне было хорошо в замке Страж.

Несмотря на враждебность старых стен. Несмотря на вынужденную ложь.

Я скажу ему. Я однажды наберусь решимости и скажу ему сама. Я не буду устраивать случайного рассекречивания, я ему скажу.

Но не сейчас.

Прямо сейчас и так все тяжело. И мы едва видимся, и донесения с границ с каждым днем все пугающей, и Лис все чаще встает в четыре, чтобы вернуться в полночь. Но все равно каждый день возвращается.

А я потихоньку позволяю себе позаботиться о нем, пока он спит, и с каждым днем получается все лучше и легче, куда лучше, чем тогда, первый раз в гарнизоне. А еще он, занятый своими сверхважными и сверхсрочными делами, пока не заметил, но я вышила все его рубашки. Тонкой белой ниткой с изнанки. И никогда еще я не вышивала так воодушевленно, радуясь собственной изобретательности. Ведь даже когда заметит, я скажу, что это по моему приказу сделала Нита. Но зато

я буду знать, что ему там хоть капельку, но безопаснее.

Однажды он приехал раньше, но я не успела обрадоваться, потому что его сорвали в ночь.

— Только, пожалуйста, отважная моя, давай без аласских традиций? — попросил Лис, заглядывая мне в глаза.

— Никакие это не аласские традиции, — проворчала я, уткнувшись в его рубашку.

Герцог на мгновение задержал дыхание. А потом тихонько выдохнул, и стало ясно — он понял. А потом он обхватил мое лицо, поднял и коснулся губами губ — нежно, долго и сладко.

— Я люблю тебя, Ниса.

В глазах потемнело. Я забыла, как дышать, а проклятый корсет не помогал восстанавливать это знание!

Он это сказал? Точно сказал? Мне не послышалось? Он правда это сказал? Мне? Мне сказал? Вот именно это? Правда?..

А я? А что я? Я должна ответить? Или не должна? Или все же должна?..

Нарастающую панику и почти состоявшийся обморок прервал тихий смех.

Лис боднул меня лбом и выпустил.

— Без паники. Все не так страшно, как звучит! Я повторю, когда вернусь, можешь потренировать перед зеркалом благосклонную улыбку и надменное “Я знаю!” или что-нибудь вроде “это очень мило с вашей стороны, ваша светлость!”.

Мать-Искусница свидетель моей выдержке! Еще чуть-чуть и полотенце бы само прыгнуло мне в руки!

Он ушел. А я приказала приготовить мою спальню. В конце концов, что мне делать в покоях супруга без супруга?

Постояла глядя на приготовленную свежую кровать, в которой не провела еще ни ночи, Задумчиво постучала по ковру носком домашней туфли и, развернувшись, толкнула дверь, ведущую в комнату Лиса.

Нынче бумаги затянули меня в свой омут с головой: в Антре близилась весенняя благотворительная ярмарка, проводимая традиционно под патронажем герцогини Вейлеронской.

Это, в некотором смысле было знаковое для меня событие: все предыдущие мероприятия достались мне “по наследству” от тэи

Керолайн.

До самого события было еще чуть больше двух месяцев, но мне уже пришлось развить бурную деятельность. На стартовом этапе она заключалась в активном переводе бумаги: я писала письма.

Письмо супруге мэра Антра, на плечи которой ляжет непосредственно организация мероприятия — я обещала поддержку и интересовалась, кого уважаемая тэя видит в составе благотворительного комитета и на чем намерена сосредоточиться в этом году... Все эти любезности и виньетки, по сути, можно было свести к двум тезисам. Первый: герцогиня Вейлеронская по-прежнему готова оказывать поддержку благотворительной ярмарке. в том числе и финансовую. Второй: герцогиня Вейлеронская по-прежнему собирается контролировать это событие, в том числе — расход выделенных на него средств.

Письма к тэе Керолайн и тэе Оленне были в целом схожи — я просила подсказать мне, кто есть кто в благотворительном комитете Антры, кому можно доверять а за кем стоит присмотреть. Различались они лишь формой, да слегка — содержанием. К Оленне писать было легче.

В целом же я планировала сверить ответы всех трех благородных тэй, и там уже решать, что дальше.

Это во мне, видимо, папочкина наследственность проснулась. Он все наставлял братьев, что ни в коем случае нельзя строить анализ на информации исключительно из одного источника.

За последним письмом, к тэе Оленне, я засиделась до самой полуночи — всё равно сегодня письмо отправлять уже поздно, вышлю всю корреспонденцию разом завтра.

К тому же в спальне меня всё равно никто не ждёт — так куда торопиться?

И я увлеченно марала чернилами бумагу.

Странное ощущение навалилось на меня, когда я уже закруглялась, выводя последние строки.

Тоска. Огромная, всепоглощающая, лютая. И такое же бесконечное отчаяние.

Ощущение тщеты всего сущности, а, значит, и бесполезности какой-нибудь борьбы...

А следом накатил лютый холод, и магический фон в той части, что

доступна мне, вдруг переменялся. Не знаю, что почувствовали маги, а я ощутила, как кричит и трещит по швам ткань мироздания.

Зато стало кристально ясно, что и тоска, и отчаяние, и безысходность — всё это не моё. Наведенное.

Эту мысль я додумывала уже на ходу, выскочив из кабинета, и с стремительными скачками спускаясь по лестнице вниз, туда, где ощущался эпицентр магических возмущений.

Возможно, любой здравомыслящий человек на моем месте устремился бы прямо в противоположном направлении, ну уж в чем-чем никто и никогда не упрекнул ни одну ведьму, так это в наличии здравого смысла.

Я узнала его сразу, хоть никогда раньше таких, как он, не видела.

Огромный холл первого этажа был сумрачен: маголампы не выдержали соседства со страшным гостем — уцелела лишь малая часть по углам, да и те светили в четверть силы.

В этом неверном свете всё казалось страшным, огромным: рога, руки, копыта...

“Их не бывает!” — панически взвизгнул кто-то внутри меня. — “Демонов не существует!”

Вокруг него клубился то ли дым, то ли сила. Красноватые отблески света лежали на шкуре.

Не существует, конечно.

Демонов не бывает.

Тварей из старых сказок, которые нянечки рассказывают любопытным и непослушным детям, их не существует.

Они остались там, в детстве, и им нет места во взрослой жизни.

Мой разум включился от того, что там, внизу завизжала горничная.

Сразу не замеченная мной, она сперва сидела тихо, но потом тварь шевельнулась, сметая вазы и круша паркет, и девица не выдержала этой жути.

И с отстраненным каким-то ужасом я вдруг поняла, что там, внизу, оказывается, много людей: примчавшиеся к месту возмущений по долгу службы воины герцогской стражи, и домашние слуги, из которых кто-то явился на шум влекомый любопытством, а кто-то не ко времени оказался в неудачном месте.

И все они словно ожили под полный ужаса женский визг.

И в миг, когда демон медленно, неуклюже разворачивал свою

непривыкшую еще новой материальной реальности тушу, солдаты моего мужа вскидывали оружие, а прикрывавший их боевой маг пытался сотворить чары, я успела только подумать: "Интересно, им рассказывали в детстве сказки?"

— Стой, Призванный! Я хозяйка этому месту! — мой голос прозвучал неожиданно веско и громко.

Когда тварь вперила в меня взгляд пылающих красных глаз, замерли все.

Слуги, что до того пытались разбежаться, расползлись куда угодно.

Замер маг, опасаясь спровоцировать агрессию демона на меня.

Замер и демон. Для него, как и для любой нечисти, понятие "Хозяин" было священным.

Хорошо было благородной тэе Нисайем — она могла закричать от ужаса, сбежать в страхе или даже упасть в обморок.

Ведьма же медленно, неспешно принялась спускаться по лестнице, положив руку на полированные перила, и ощущая под ладонью их гладкость.

Ведьма не могла допустить, чтобы на ее угодьях паслось эдакое непотребство.

А маг не справится. Все самые сильные отбыли на границу. Про обычное оружие я вообще молчу. Что заставляло меня думать, что я — справлюсь, я не имела ни малейшего представления. Я, пожалуй, так и не думала, просто...

Просто, если бы я не остановила его сейчас, у нас в принципе не было бы ни малейшего шанса. В сказках к утру после таких гостей оставались лишь дымящиеся руины. А так у нас есть еще хотя бы немного времени.

Я остановилась — и взгляд сущности с иного плана, приведенной в наш мир кровавым обрядом, тоже остановился, прилипший ко мне.

До конца лестницы оставалось около пяти ступеней, но страшный гость всё равно был выше меня.

— Я хозяйка этому месту! — повторила я надменно, а искусством глядеть сверху вниз на тех, кто выше ростом, любая тэя владеет с детства. — По слову моему здесь всё будет!

Чудовище медленно наклонило рогатую голову в одну сторону и в другую, и движение это сопровождалось отвратительным хрустом. Повело плечами. Раззявило пасть.

— Я бросаю тебе вызов, Хозяйка, — и от звуков потустороннего голоса у меня практически отнялись ноги. — Что было твоим, станет моим.

Я сжала в кулаки вспотевшие ладони.

Сила была со мной, она была разлита в воздухе и тянулась за мной теплым искристым шлейфом, готова лечь в ладони, готовая сотрясти само основание Стража, готовая даже обрушить этот замок на голову пришельцу.

Мощь, отзывающаяся дрожью земли, сокровенной сутью мира. Бесконечная...

И бесполезная.

Только маг может призвать демона. Только маг может вернуть его назад.

Моя битва будет яркой, но короткой.

— Я принимаю твой вызов, — спокойно произнесла я, абсолютно не понимая, откуда берется это спокойствие. — Ты пришел незванным гостем на мои земли, а потому я выбираю, как мы будем сражаться. Согласен ли ты, Призванный?

— Согласен, Хозяйка, — на этот раз голос прозвучал уже куда ближе к нашему миру, демон окончательно обрел плоть в этой реальности. И в голосе его мне слышалась насмешка.

Нечисть связана правилами. Она обожает искать в них лазейки, но ни один инородец от самых слабых до тех, кому место только в страшных сказках, не может через эти правила просто переступить. Именно поэтому демон стоял и слушал меня, вместо того, чтобы сровнять Страж с землей.

Именно поэтому я, глядя ему в глаза, сказала:

— Перетанцуй меня.

Не только нечисть умеет искать лазейки.

В алом взгляде плеснула бешеная ярость: пришелец всё понял.

О нет, я не рассчитывала продержаться на ногах дольше потусторонней твари — но мне это было и не нужно. Лишь бы продержаться до утра, до позднего зимнего рассвета — и белый день сам изгонит моего противника туда, откуда он взялся, подарив мне победу.

Лишь бы продержаться.

Лишь бы хватило воли, танцев и сил.

Танцевать до утра мне доводилось, вот только... Что-то мне подсказывает, что бал, с его перерывами на отдых, напитки и галантных кавалеров - это совсем не то же самое, что непрерывная пляска от полуночи и до рассвета.

Совсем не то.

Но разве у меня есть выбор?

Не отрывая взгляда от бешеных глаз, я продолжила спускаться, и воплощение ночного кошмара уступило, подалось назад, освобождая мне место. А потом и вовсе начало уменьшаться в размерах.

Его фигура истончилась, морда поплыла, и на ней вдруг принялись проступать, сменяя друг друга, маски — сначала мага, замершего в неподвижности, не смеющего ничего сделать, потом другие мужские лица, пока последняя маска не застыла прочно. Сверкая алыми провалами глазниц на меня смотрел герцог Алиссандр Вейлерон.

Капля пота неприятно скатилась по позвоночнику.

Тварь. Мерзкая, безжалостная, отвратительная тварь. Если ты думал, что этим ты выбьешь меня из колеи, то поздравляю, ты только прибавил мне решимости!

Я снова шагнула вперед и чуть пошатнулась, оступившись на неровности искаленного паркета. Полагаю, будет не очень уместно предложить всем проследовать за мной в бальный зал?..

Губы демона исказила злобная усмешка, совершенно чуждая на родном лице.

Я вдохнула и...

Шаг. Взмах рукой, поворот головы, изгиб плеча. Осанка. Скользящее движение.

Музыка, звучащая только в моей голове, но такая отчетливая и такая прекрасная.

Божественный полонез, открывающий бал. Я впервые танцую его без партнера — но в моем воображении на этом месте Алиссандр.

Шаг, шаг, поворот. Осторожно, паркет. Кружение...

Я не смотрела, что делает демон, пока он не представляет опасности для замка, он для меня не существует. А пока я танцую, он не представляет опасности. Значит, имеет значение только танец, и звучащая в голове мелодия, и выверенные шаги, и ровный стук сердца.

Не торопись, но и не медли. Не мухлой, но и не трать понапрасну силы. Будь осторожна, но получай удовольствие. Выкладывайся.

Это танец-поединок. Твоя сила. Твоя жизнь.

Шаг, шаг, поворот.

Одна мелодия сменяется другой. Я не имею ни малейшего представления, как это смотрится со стороны — две фигуры кружащие по разрушенному холлу в полной тишине, в которой слышен лишь стук и шелест шагов.

Эта мысль на мгновение сбивает, потому что я слышу чужую яростную дробь — демон может позволить себе отплясывать не экономя силы. Я на мгновение вижу мелькнувшее озлобленное лицо с алыми провалами глазниц, и с трудом подавляю в себе порыв тоже пуститься в бешеный пляс.

Шаг, шаг, поворот...

В какой-то момент время — такое важное время — перестает иметь значение. Музыку начинает заглушать стук пульса в ушах и тяжелеющее дыхание.

Я дышу, я выравниваюсь, я замедляюсь, но продолжаю рисовать шагами сложный узор на полу.

Я уже изучила в нем каждую выбоинку и теперь не споткнусь, и это

хорошо, потому что легкость движений постепенно теряется. Я не смотрю на демона уже целенаправленно, потому что я устаю, и не хватало, чтобы он этим воспользовался. Но я выхватываю случайные взгляды жмущихся по стенам людей, которые почему-то стоят и смотрят, вместо того, чтобы бежать, спасти себя.

Нита, бледная как русалка, и русалка потерявшая от ярости человеческий облик. Но этого никто, кажется, даже и не заметил.

Эти взгляды дают мне немного сил. Я танцую ради них.

И ради себя.

Ради замка, который простоял здесь уже сотни лет.

Ради Карлиона, чью границу он хранит.

Пол под моими ногами гудит, и этот звук отдается в теле бодрящей вибрацией.

Спасибо, Страж.

Время течет. Истекает.

И я не могу сказать — мое или его.

Шаг... шаг... поворот...

У меня горят легкие и дрожат колени. Воздух царапает горло и разомкнутые губы, жадно его хватающие.

Я уже не различаю лиц, они сливаются в одно, которое почему-то постоянно маячит перед носом и сверкает алым.

Нет, я смогу! Я должна.

Шаг... шаг...

И падение.

Глава 17

Я споткнулась. И я упала.

Бы.

Если бы чужая жесткая рука не подхватила мою ладонь, не обвила талию, не дернула на себя. Меня впечатало в жесткое тело, подхватило, закружило. Кажется, как будто даже оторвало от пола, чтобы мне больше не приходилось касаться его ногами.

Пробирающий до костей рев, полный яростного бешенства.

Я испуганно вскинула глаза — нет! Только не это! Кто посмел вмешаться?..

...единственный, кто имел на это право — хозяин замка Страж.

Сначала я не поверила. Даже едва не вырвалась, подумав на

мгновение, что усталость или демон сыграли со мной злую шутку. Но Лис только прижал крепче, продолжая уверенно вести.

Он не смотрел на меня, а губы, шевелясь, произносили не слова поддержки.

И я не сразу это заметила, но его шаги на полу оставляли искрящийся изумрудный след, складывающийся в сложный рисунок и замыкающийся вокруг беснующегося демона.

Тот ревел так, что сотрясались вековые стены. Он снова начал расти, не прекращая свою пляску, и у меня потемнело в глазах, когда на сознание снова лавиной обрушилась всепоглощающая тоска и всеобъемлющая злость.

А Лис продолжал меня кружить и потоки магической силы закручивались воронкой, искрили молниями. И слова заклинаний, чужие и страшные, звучали уже грохотом.

Демон уперся спиной в потолок, но, связанный обязательствами, не смог ее проломить.

И я понимаю только, что это самый сумасшедший в моей жизни вальс, в эпицентре магического урагана, на ослепительно сияющей гексаграмме...

Уже не рев, но пронзительный визг ударил по барабанным перепонкам. Раскрылась и мгновенно схлопнулась реальность. И тишина обрушилась на всех ударом молота.

* * *

Я подхватил жену до того, как она успела бессильно повиснуть на моих руках.

Легкая, невесомая, она полностью уместилась там, и влажная от пота макушка уткнулась мне в шею, и Нисайем тихо-тихо то ли плакала, то ли поскуливала от усталости и боли в сведенных судорогами ногах, маленькая моя девочка, вымотанная до предела.

— Тэйр Гослис, оцепить холл, никого не впускать! Здесь ничего не трогать! - я начал отдавать приказы капитану замкового гарнизона, пока спешно запущенная экспресс-диагностика выявляла, что с Нисайем.

Слава богам, всё в порядке — ничего, кроме крайнего переутомления, заклинание не выявило.

- Ты, - скомандовал я русалке, которая вилась вьюном у моего локтя, - Принеси ей воды!

Затем нашел взглядом недоувленную ведьму своей жены.

Чернокосая ожидаемо оказалась тут же, рядом, но в отличии от меня не пыталась заглянуть в лицо своей госпоже через мой локоть, а в наглую, наплевав на осторожность, смотрела прямо сквозь меня.

- Приготовь ванну и постель, - велел я ей.

Обе девицы бросились исполнять мои приказы, еще до того, как те отзвучали.

- Рэй, - я снова перевел взгляд на тэйра Гослиса. - Сюда никого не впускать и не выпускать. Я позабочусь о жене, и вернусь

— А... — взгляд вояки коснулся моей драгоценной ноши, и он запнулся, но я без слов понял его вопрос.

— С её светлостью всё будет хорошо, она просто устала. Но за лекарем кого-то из своих всё же отправь. На всякий случай.

Ответный поклон, адресованный скорее ей, чем мне, моя супруга, вцепившаяся в мой мундир, не заметила.

И лишь поднимаясь по лестнице с женой на руках, я наконец задал вопрос, который не выходил у меня из головы с того момента, как я вернулся:

— Как же ты решилась, Ниса?..

Нисайем фыркнула куда-то мне в шею, дернула плечом: подумашь, мол, ничего особенного!

А потом прерывисто вздохнула, обняла меня покрепче, и словно прорвало. Сбивчивым шепотом она спешила рассказать мне про сказки, про то, что потусторонней твари можно было бы дать задание, но ведь нужно было придумать такое, которое та точно не выполнит, а это с наскоку поди придумай, и она решила, что лучше поединок, и нужно-то было всего лишь продержаться до рассвета, а до рассвета любая тэя легко пропляшет, а что ноги болят — это мелочи и пройдёт, и вообще, она ни о чем не жалеет!

И тут же, противореча самой себе, кровожадно заявила:

— Жаль, что я не додумалась его вышивать заставить! Тогда бы туфельки не пострадали!

Покрепче обняв супругу, я не мешал ей выговариваться. С этим шепотом, с этими словами из нее выходил страх.

Мой пока выходить не спешил: засел в солнечном сплетении

ледяным комком, и каждый раз, когда я вспоминал сюрреалистичную картину — Ниса и демон кружатся рядом каждый в своем танце — сжимался туже.

В покоех Нису уже ждала ванная, и расторопная рихтим Дроут ловко стянула со своей госпожи одежду, помогла опуститься ей, обессиленной, в исходящую ароматным паром воду, и отступила, давая место своей подруге из речного народа.

Та, так и не спрятавшая чешую с перепонками, болтала ладонью в воде, шептала что-то прерывающимся голосом.

Нита торопливо опустила на колени рядом с ванной, принялась разминать госпоже натруженные ступни...

— Ниса, — я присел рядом, и Анабель понятиливо подвинулась, давая мне место. — Ты не представляешь, как я тобой восхищен. Ты совершила невозможное. Отдыхай теперь, моя девочка. А я должен идти...

Серо-зеленые глаза согласно прикрылись:

— Да, ваша светлость...

Я осторожно взял с бортика ванны ладошку, поднес к губам и поцеловал.

А проходя через гардеробную, ненадолго задержался рядом с еще не убранными вещами жены.

“И туфельки бы не пострадали” — вертелась в памяти фраза, сказанная воинственным голосом.

Нагнулся и поднял туфли.

Подошва у них — у добротных зимних домашних туфель, а не у того легкомысленного недоразумения, которое тэи зовут бальной обувью — была стерта до дыр.

Пока меня не было, в поврежденном холле успели организовать дублирующее освещение, не трогая пострадавшие лампы, и в ярком свете мэтр Норман Герберт, убеленный сединами семейный целитель, осматривал людей. Ровно до того момента, пока я не спустился.

— Мэтр Герберт, вы очень кстати, — обрадовался я, пока целитель прощупывал и прослушивал меня магией и руками. — Нужно срочно осмотреть её светлость.

— А что с её светлостью? — поинтересовался старикан, будто мимоходом разворачивая меня к источнику света, заставляя

запрокинуть голову и оттягивая веко.

— Переутомление...

— Магическое истощение есть? — перебил меня он.

— Её светлость не маг, но...

— Значит, подождет! — отмахнулся от моего нетерпения старикан, и запустил в меня щупы своей силы.

— Мэтр Герберт, — раздраженно рыкнул я. — Исполняйте приказ!

— Исполню, — успокаивающе бормотала мне в ответ эта старая плесень, щупая узлы у меня под челюстью. — Всё исполню... сперва долг, потом приказ...

— Мэтр Герберт, — я устало прикрыл глаза, чувствуя, как нелепо выгляжу, стоя задрав голову и ругаясь со сморчком, который еще моего батюшку в коротких штанишках застал. — Я вас выгоню.

И мечтательно развил эту прекрасную мысль:

— Я вас выгоню, и возьму на ваше место молодого и ретивого, который будет в ответ на любое распоряжение отвечать только “Да, ваша светлость!” и “Так точно, ваша светлость!”

—...а кто будет угрожать бедному старому больному целителю, — не сбиваясь с успокаивающего речитатива, попенял мне сволочной старик, — Тот дальше будет бегать без стимуляторов!

Испуганным он не выглядел, прекрасно понимая, что целителями его уровня не разбрасываются даже герцоги. Особенно — в Предгорьях.

Я заткнулся, мучительно решая, что мне важнее — заставить эту сволочь осмотреть Нисайем, или провести вдумчивое расследование происшествия...

— Её светлость где сейчас?

— В покоях, со служанками, — буркнул я.

— Ага, в покоях, со служанками... — мэтр Герберт покивал, вытягивая из меня что-то видимое лишь целителям, но мне становилось легче, исчезало гнетущее, подавляющее чувство, что вселяло беспокойство, и мешало ясно мыслить.

— А что она там будет делать? — уточнил старый целитель.

Я промолчал.

— А эти люди что сейчас будут делать? Они будут очень много бегать и быстро думать... К тому же, — впервые за всё время мэтр

Герберт цепко посмотрел на меня, а не на мои магические травмы, — Если я не ошибаюсь, в самый опасный момент благородная тэя была непосредственно рядом с вами, ваша светлость? Ну так и не врите мне, молодой человек, что вы не сподобились прикрыть щитом вашу супругу!

Сухие старческие ладони легли мне на грудную клетку, мэтр свел седые брови, сосредоточился — и я ощутил, как от сердца по телу расходится горячая волна, неся с собой бодрость и жажду деятельности. Пятнадцать секунд ожидания — и новое заклинание, вымывающее из головы как оцепенение от долгой скачки и магического истощения, так и лихорадочную дурь предыдущего воздействия.

Обещанные стимуляторы. Мэтр Герберт их не любит, и в любом другом случае извертелся бы как уж на сковороде, лишь бы избежать применения, но демон — это аргумент даже для него.

— И кстати, — совершенно некстати уточнил он, когда я уже мыслями нырнул в отчет для его величества, — Где ваше сопровождение, ваша светлость? Почему я не вижу здесь таких же измотанных молодых людей?

— Отстали. Я вернулся домой порталом.

Сигнал тревоги застал меня на середине последнего конного перегона к крепости, принявшей внезапную и совершенно не логичную атаку инородцев.

Сейчас, когда в горах варилось жутковатое варево под названием “подготовка к Великой Волне”, по всем Предгорьям царило тревожное затишье, и странно было видеть подобное распыление сил.

Удар был тем нелепее, что сама по себе крепость, дальняя и маленькая, не представляла собой ничего особенного в стратегическом плане, ни с точки зрения возможной добычи.

Получив зов из дома, я не медлил: оставил доверенному человеку указание командовать вместо меня, и сломал артефакт экстренного телепорта в замок Страж (стоимостью в небольшое баронство).

Пока летел наверх, из тайного порталного зала, молил богов только об одной милости — не опоздать.

И, как оказалось, успел в последний момент.

Мэтр Герберт понятиливо кивнул моему скупому объяснению, свел ладони сферой, и направленным импульсом уничтожил что-то, сконцентрированное между ними, отряхнул руки, шепча очищающую

формулу, и повел взглядом выискивая следующую жертву.

А я наконец-то получил возможность приступить к работе.

Маги, экстренно вызванные по тревоге, деловито ползали вокруг пролома в паркете, изучая его и чуть ли не рыли носом землю в прямом смысле.

— Мэтр Герберт, — донесся до меня из-за спины обреченный голос капитана гарнизона замка Страж. — Я вас иногда ненавижу!

— Это плохо! — абсолютно серьезно откликнулся тот. — Хорошего целителя должны ненавидеть постоянно, равномерно! Если у вас это эпизодически — значит, где-то я серьезно недорабатываю...

Я подавил смешок. Все же, несмотря на сомнительное чувство юмора, старикан умеет разрядить обстановку!

Близость демонической сущности, с её мощной, подавляющей аурой и сама по себе не шла на пользу людям, а уж выброс силы, который в момент изгнания твари хлестнул по всем, оказавшимся рядом, и вовсе долго еще будет аукаться гарнизону замка.

Целитель продолжал быстро и деловито извлекать "иглы", которыми демоническая тварь наспиговала ауры моих людей, порождая в сильных, опытных воинах страх, отчаяние, подрывая их способность сражаться.

Ниса-Ниса, как же тебе хватило сил выступить против этого, маленькая моя девочка?

— Ну ничего, — продолжал брюзжать тем временем мэтр Герберт. — Вот возьмет его светлость на моё место молодого и ретивого, он-то и научит вас старого Нормана ценить, да поздно будет!

Всё же, отчеты я выслушивал, краем уха отслеживая мэтра Герберта. Успокоиться и сосредоточиться удалось только после того, как он объявил:

— Ну и где та героическая тэя, которая обломала рога демону?!

— Призывателя в замке не было, — сходу отчитался мне сильнейший маг герцогства, тэйр Скорстен. — Замок мы, на всякий случай, заблокировали, и сейчас его прочесываем, но я уверен. Призыватель воспользовался проекцией.

Несмотря на всю мою силу, по части демонологии я был осведомлен в одном-единственном направлении: как изгнать. Все остальные области сей высокосложной, запутанной и безусловно

запрещенной науки для меня покрыты туманом, поэтому мага я слушал внимательно: мало того, что это напрямую касалось меня и безопасности моей семьи и моего дома, так еще и утром мне предстояло отчитываться перед королем.

Если уж придется поднимать его величество в несусетную рань с несусветными новостями — то, по крайней мере, предоставив исчерпывающие сведения о ситуации.

Возможно, лет десять-пятнадцать назад я бы попытался задрать нос и выпятить грудь “мой замок — мои проблемы!” и утаить проблему от всего мира и сюзерена, дабы решать проблемы своего манора самостоятельно...

Но годы и опыт излечивают от такой болезни, как излишнее самомнение.

Страж — это отнюдь не только (да и не столько) внутреннее дело герцогства.

Это безопасность и спокойствие королевства.

Так что придется мне сюзерена побеспокоить а сюзерену — побеспокоиться. И поделиться специалистами.

— Видите, ваша светлость, точка прихода углублена в пол почти на двадцать сантиметров? — объяснял свои выкладки тэйр Скорстен. — Если бы звезду призыва начертили прямо на паркете в холле вашего замка, такой дыры не получилось бы: тварь проявляется в мир не на самом чертеже, а немного выше, на ладонь примерно. Остаточные эманации подтверждают, что воздействие было удаленное. в качестве фокуса использовали какой-то материальный предмет из замка — камень, горсть земли... Что-то примитивное, необработанное.

Надо думать, если бы ритуал со звездами призыва и кровавыми жертвами проводился у меня в холле, это кто-нибудь заметил бы.

— Минуту, — попросил я его, и маг понятливо притих.

Я поискал тэйра Гослиса, и тот, поймав мой взгляд, торопливо подошел сам.

— Проследи, чтобы в каждой группе был хотя бы один маг. Проследи, чтобы никто из слуг не покинул замок: полагаю, уже завтра сюда придут дознаватели.

Раз для наведения твари на замок нужен был предмет из Стража — значит, они его как-то добыли. Без людей не обошлось.

Капитан кивнул, а я продолжил:

— Тэйр Скорстен утверждает, что демонолог расположился за пределами замка. Организовывай людей, и как только маги закончат проверять Страж, начинайте поиски.

— Логично, — задумчиво согласился тэйр Гослис. — Зачем находиться в замке, который вскоре будет разрушен, если можно не находиться... Радиус поисков?

Я вопросительно взглянул на мага.

Тот развел руками:

— Уточняем! К сожалению, специалистов по демонологии у нас не много: во всем приличном магическом сообществе за такое полагается смертный приговор.

— А в неприличном? — поинтересовался капитан.

— А в неприличном — без всяких приговоров на собственных потрохах по-тихому удавят. Во избежание, — хмуро огрызнулся Скорстен.

Именно в этот момент в холл влетел стражник:

— Ваша светлость, королевский гонец!

Поднимать его величество с королевской постели мне не пришлось: за меня это сделал драгоценный тесть.

Гонца я решил принимать в кабинете, на случай если понадобится сразу же дать ответ.

Быстро пробежав взглядом доставленное из столицы донесение, я нахмурился.

Постучал пальцами по столу.

И приказал вызвать ко мне камеристку моей жены, ведьму Ниту Дроут.

Рихтим Дроут явилась стремительно, и выглядела... встревоженной.

Я без слов подвинул ближе к ней вскрытое королевское послание.

Первый раз брови рихтим взметнулись вверх, когда она увидела имя отправителя. А потом, по мере чтения, поднимались всё выше и выше.

Не удивительно. Полагаю, читая это послание, я сам выглядел точно так же.

В нем его величество доносил до меня тревожные сведения: этой ночью на замок Лунь была совершена магическая атака. Неизвестный

маг попытался натравить на этот важнейший узел обороны королевства демона, но потерпел сокрушительное поражение: проживающая при замке ведьма почуяла эманации до того, как тварь сумела прорвать границу миров, поставила в известность обитателей замка, и пятерка наиболее сильных и опытных магов Луня успели уничтожить демона, не дав ему воплотиться.

И теперь я не мог дожждаться, пока рихтим Дроут закончит чтение, чтобы задать ей интересующий меня вопрос:

— Почему моя ведьма не поступила так же?

Она вздрогнула, зрачки испуганно расширились... И взяла себя в руки, а когда заговорила, в голосе ее не было и следа того мгновенного испуга, одно сдержанное достоинство:

— Меня, ваша светлость, больше учили вовремя перед господами приседать и правильно благородной тэе прислуживать. А матушка не только старше, опытней и лучше учена, так и попросту — сильнее.

Мой взгляд она выдержала прямо, не отводя глаз, а мне захотелось послать замысловатое пожелание Вольтуру Алассу: мало того, что ведьму ко мне в Страж подсунул — так и выучить её толком не удосужился!

Я забрал у ведьмы письмо, постучал им по столу.

— То есть, чувствительность ведьмы зависит от силы, опыта и выучки, так?

Она неуверенно пожала плечами:

— Получается, так, ваша светлость...

Прозвучало это так, будто ведьма и сама не была уверена в своих словах, но мне было не до того, чтобы расшифровывать оттенки её эмоций, я думал.

Отправлять её вниз с требованием осмотреть место пробоя и дать заключение, бессмысленно. Компетентность её оставляет желать много лучшего — девица сама это признала.

Пожалуй, в этой ситуации лучше и вовсе не упоминать, что в замке Страж есть ведьма.

Позора не оберешься.

— Ты можешь идти к твоей госпоже.

— Благодарю вас, ваша светлость, — рихтим Дроут выполнила безукоризненный книксен, а я поймал себя на том, что морщусь, как от зубной боли.

Что ж. Нет худа без добра.

В своем послании его величество упомянул, что выяснить, кто и откуда прислал дорогому родственничку столь чудесный демонический подарок, не представляется возможным — из-за того, что призыв сорвался, слишком мало следов осталось. Особенно после того, как по предполагаемой точке прихода отработала звезда боевых магов.

Происшествие в Страже в этом плане бесценно, ибо предоставит следствию богатое поле улик.

В ответе к Астею Пятому я лаконично и по возможности четко описал события, отдельно обратив королевское внимание, что атака произошла в тот момент, когда я отсутствовал в замке — для совпадения это слишком подозрительно. Присовокупил к своим выводам предварительные заключения тэйра Скорстена и капитана гарнизона. Отдельно заверил его величество, что благородная тэя, пребывающая под его покровительством, не пострадала, и, по заверению целителя мэтра Герберта, к утру будет в порядке.

Запечатал послание родовой печатью, отдал гонцу и приказал выпустить его из замка и обеспечить сопровождение до самого портала.

Быстро накорябал послание Алассу — бесы бы его драли, моего свекра, но тут без обмена информацией не обойтись.

Упомянул, какую роль сыграла в изгнании демона его чудесная дочь — отчетливо понимая, что старый хрыч не постесняется мне это припомнить причем, в самой неблагоприятной для меня ситуации, но смолчать было бы недостойно чести герцога Вейлерона: из песни слов не выкинешь, и то, что отец у Нисайем — козёл, не отменяет того, что она сама умница.

Наступив самому себе на горло, уточнил, всё ли у него, старого хрыча, в порядке, не пострадал ли кто, особо выделив мою сестру и ту самую ведьму, Рискин.

Нисайем к ней, вроде бы, привязана, ей будет это важно.

С облегчением подписал письмо, запечатал конверт и создал магического вестника.

Из замка в замок лететь — это не отряд на марше разыскивать, думаю, через час послание будет у Аласского.

Утро брезжило в окна серым светом: рассвет вступал в свои права. Всё ещё поздний, но не по-зимнему, близость весны уже сказывалась. Правда, пока лишь на времени: до тепла еще жить и жить.

Это время горные племена инородцев любят для своих набегов: именно сейчас, на изломе между зимой и весной, сила их шаманов выходит на пик.

Второй любимый период — осень. Тогда урожаи с полей собраны, и удачливые могут взять богатый куш.

И несмотря на это, Великая Волна никогда не случается осенью.

Малые волны ведут военные вожди — за добычей.

Великую Волну ведут шаманы. За кровью.

Сжав зубы от паршивых предчувствий, я отошел от окна.

Великая Волна — дело будущее, а у меня и в настоящем забот полно.

Организовать розыски демонолога, если не его самого (сомневаюсь, что он, поняв, что всё пошло не так, сидел на задку и дожидался нашего визита), то хотя бы его логова со следами ритуала.

Перекрыть по возможности все пути отхода из герцогства.

Сформировать разъезды таким образом, чтобы на каждую пятерку воинов приходился хотя бы один маг.

Заблокировать Страж. Кто-то же предоставил нашему неизвестному злоумышленнику материал для фокуса проекции, кто-то проинформировал о моем отсутствии. Это, скорее всего, окажется бессмысленным — вряд ли предатель ждал демона (или злого герцога, что немногим лучше демона) в обреченном замке, но все же. Есть вероятность, что он не знал, чего именно ждать, и потому вовремя не убрался. Возможно, кто-то из слуг что-то знает, и теперь может попытаться сбежать, чтобы не попасть с виновником под одну гребенку...

Подготовиться к визиту магов-дознавателей — теперь, когда очевидно, что это не демон — это не моя личная проблема, а акция, направленная на подрыв обороноспособности королевства в Предгорьях, их прибытия следует ожидать в любой момент...

Словом, мне отчетливо, до рези в глазах было ясно, что в постель, к жене, я сегодня не попаду.

Глава 18

— Я сначала почувствовала... тоску, безнадежность, — Нисайем явно ощущала себя не в своей тарелке, и несмотря на то, что королевский маг-дознаватель был сама любезность, нервничала и

опасалась его, и я порадовался, что настоял на своем присутствии во время этой беседы.

Дознаватель, тэйр Соулс, покивал с видом доброго дядюшки, подбадривая мою волнующуюся супругу:

— Да, ваша светлость, всё верно, это характерное свойство демонических существ — вокруг них распространяется своего рода энергетическое поле, попадая в которое живые существа теряют волю к жизни...

Ниса, несмотря на свою робость перед грозным магом, вспыхнула:

— Тэйр Соулс! У меня восемнадцать братьев-магов! Мне знакомо понятие “подавляющая аура”!

Выглядела в этот момент ужасно милой в своем негодовании.

А я недовольно поморщился: дознаватель его величества, в конце концов, мог бы понимать, что разговаривает с образованной благородной тэей, а не с полуграмотной рихтой!

Тэйр сообразил, что перегнул палку, и торопливо рассыпался в заверениях, что не желал задеть ее светлость, и это вышло непреднамеренно, и так далее, и так далее...

Но Нисайем явно стало менее неловко в его обществе — а значит, можно было не сомневаться, что именно этого эффекта “добрый дядюшка” достигнуть и хотел.

— Итак, вы попали под воздействие демонической ауры, — вернулся к допросу (что вы-что вы, просто к беседе!) дознаватель.

И отметил:

— Надо обладать немалой силой духа, ваша светлость, чтобы преодолеть его...

А когда Нисайем зарделась от похвалы, спросил:

— Почему вы спустились в холл? Я не сомневаюсь, что у вас на то были причины! — торопливо добавил он. — Но вы не сбежали в свои покои, не позвали на помощь слуг, вы направились в холл. Почему?

Ниса растерянно морщила лоб:

— Там был шум? — она неуверенно посмотрела на тэйра Соулса.
— Кто-то кричал? Нет, кажется, кричали потом...

Она хлопала глазами, и глядела на мага, словно ожидала от него подсказки, но он не спешил ей помогать, желая, чтобы тэя вспомнила сама.

Ниса сосредоточилась:

— Сперва мне стало плохо и жутко... Потом внизу раздался грохот.

Она кивнула сама себе, и Соулс подтвердил:

— Верно, демон разворотил пол в момент воплощения и опрокинул гранитный вазон с плющом.

— Бедный плющ, — расстроено дернула бровями моя жалостливая супруга. — Решительно, растениям в этом замке не везет...

Я хмыкнул: действительно, с отъезда матушки, с растительностью в Страже постоянно приключались какие-то колизии. Но уж лучше с ними, чем с нами.

— Да, я побежала на шум, — наконец-то определилась супруга. —

А кричали уже при мне — горничная оказалась совсем рядом с демоном в момент перехода. Бедная девушка... Мэтр Герберт сказал, что с ней всё будет хорошо, но сейчас она не в себе, и нуждается в покое.

Округлый лысый толстячок-дознаватель о состоянии горничной знал лучше моей супруги, поскольку уже успел поговорить с ней, проигнорировав рекомендации Нормана Герберта.

— Скажите, ваша светлость, — поинтересовался Соулс, — В какой момент вы опознали сущность как демона?

— Сразу, — удивилась вопросу супруга. — Разве там можно было ошибиться?

И тут пришел черед удивляться дознавателю:

— Сразу? Но, простите, ваша светлость, “сразу” после проявления в нашем мире демон был похож на клок тьмы с глазами!

Отчасти я понимал тэйра Соулса: опознать в подобном описании демона довольно проблематично.

— Да, — простодушно согласилась Нисайем, и с энтузиазмом продолжила, — Всё как в сказках! Сперва чужая, наведенная душевная тяжесть, потом темное облако, а потом уже...

— Позвольте, — потер лоб сбитый с толку Соулс, — Какие сказки?!

— Обычные, которые малышне в детстве рассказывают, — супруга смотрела на мага с недоумением, оглянулась на меня, ища поддержки, но я что-то тоже не мог припомнить таких подробностей в тех сказках, что рассказывали няньки лично мне.

О промежуточной форме демонов, к примеру, лично я узнал в академии.

Нисайем растерялась еще больше:

— Про мельника и колдуна, про двух сестер, одинаковых, как в зеркале...

— И там описывался ритуал изгнания? — обреченно уточнил тэйр.

Он больше не выглядел простодушным толстячком, любителям всевозможных излишеств. Теперь он выглядел самым собой: усталым человеком, на плечах которого лежит слишком большая ответственность, чтобы он мог позволить себе непонимание.

— Не совсем, — Ниса прекрасно видела, что что-то пошло не так, и честно старалась нам помочь. — В сказке про мельника и колдуна, колдун поссорился с мельником и наслал на мельницу демона, но мельник успел демона перехватить и заявить, что это его земля и всё тут его, и демону пришлось выполнить хозяйское задание, иначе он не смог бы выполнить приказ колдуна и разрушить мельницу. А мельник соврал, что у него мельничное колесо сломалось, вода наверху не держится, и приказал ему лить воду на мельничное колесо до тех пор, пока она не накопится наверху между лопастями, но колесо от воды проворачивалось и вода выливалась. А демон не знал, что колесо так и устроено, и лил воду до самого рассвета, а на рассвете исчез...

Дознаватель смотрел на Нисайем глазами старого побитого пса.

Но герцогиня Вейлеронская не замечала это, и продолжала говорить с таким видом, будто ничего особенного не рассказывала:

— А во второй сказке, про двух сестер, похожих как две капли воды, на деревню наслали демона, но старшая вызвала его на состязание, и потребовала чтобы демон добежал до пещеры в холме раньше нее, но пока она оговаривала условия, младшая побежала к пещере короткой дорогой, а чтобы демон не догадался о подлоге, у младшей был с собой кусок души старшей сестры... Она спряталась в пещере, и когда демон прибежал, она выдала себя за сестру. Он увидел, что душа та же самая, и не заметил подмены. И признал свое поражение, и вынужден был уйти в свой мир.

Тут Ниса смущенно пожала плечами:

— Но у меня не было сестры близнеца, и мельничного колеса, чтобы дать невыполнимое задание, тоже не было... И я решила совместить варианты: вызвать демона на поединок, и затянуть его до рассвета.

Дознаватель смотрел на мою жену, словно впервые видел:

— И в этих сказках, описывались все три демонические формы? Промежуточная, боевая, с рогами и прочей чешуей, и человекообразная?

— Четыре, — поправила собеседника Нисайем. — Еще там говорилось, что они любят притворяться похожими на кого-то из близких героя. И обязательно говорилось, что бросить вызов может любой, кому хватит смелости, и чьи слова никто не оспорит. Но сделать это можно только до того, как демоном будет нанесен первый удар...

Тэйр Соул потер лицо руками, и пробормотал:

— Лицо, похожее на кого-то не считается отдельной формой. Это разновидность третьей формы.

Глубокие познания герцогини Вейлеронкской его явно впечатлили. Да что там, они впечатлили даже меня, хотя я уже привык, что моя супруга — та еще шкатулка с сюрпризами.

“Шкатулка с сюрпризами” сидела, застенчиво потупив взор.

— Скажите, ваша светлость, — собравшись с силами продолжил маг.

По его виду я заподозрил, что он, на самом деле, не очень-то хочет знать ответ на свой вопрос, но долг, долг!

— Кто рассказывал вам эти сказки?

— Матушка Рискин, — смущенно призналась Нисайем. И торопливо пояснила, — Это женщина, которая живет у нас при замке Лунь, понимаете, она... ну...

— Она ведьма, — помог ей с подбором слов дознаватель. — Не стоит, я знаю, кто такая Рискин Дроут. Ознакомился, так сказать. Для общего развития.

Ниса явно не понимала, что именно не нравится этому человеку, но спешила, на всякий случай, оправдать близкого ей человека:

— Понимаете, матушка Рискин — это мама моей камеристки, то есть, тогда Нита не была камеристкой, просто была приставлена ко мне как девочка для услуг, но иногда мы с ней вместе удирали с моих занятий, потому что меня учили всяким скучным вещам, а мама Ниты всегда занималась чем-нибудь таким, чем тэи заниматься не должно, и она запрещала мне ей помогать, но можно было просто смотреть, и она не ругалась, и рассказывала нам всякие сказки, или страшные истории, которые как-будто когда-то были, но на самом деле мы знали, что нет!

Жена запнулась.

Внимательно посмотрела на дознавателя: было похоже, что у него разом заболели все зубы.

Я бы даже предположил, что эти болящие зубы не во рту размещены, а где-то в районе седалища.

Ниса изучила собеседника, сделала какие-то выводы, и осторожно уточнила:

— То есть... вы думаете... Все остальные её истории — это тоже была правда?

Я не знал, смеяться мне или плакать.

— Ваша светлость, скажите, вам известно, чему Рискин Дроут учила вашу камеристку?

Нисайем не удивилась такой резкой смене темы, но поскучилась:

— Нет, тэйр Соул. Дело в том, что моя матушка... Её светлость герцогиня Аласская поставила условие: либо Нита ведьма, либо — благопристойная рихтим, служащая дочери герцога. Если рядом со мной случалось какое-то ведьмовство, герцогиня очень сердилась. Я знаю, что матушка Рискин свою дочь чему-то учила, но мы с Нитой никогда не обсуждали этих вопросов, и вообще... Делали вид, что их нет.

Понятно.

Герцогиня вмешивалась в воспитание ведьмой ее дочери, в ответ ведьма позволила себе поучаствовать в воспитании благородной тэйрим.

Я опасался, что визит на доклад к его величеству затянется до полного вечера, но боги (и сюзерен) оказались милостивы.

Его величество принял у меня папку с отчетом, отмахнулся от устного доклада и, заявив, что штаны рядом с ним протирать и так есть кому, отправил меня домой.

На прощанье вручив папку, подозрительно похожую на ту, что Астею отдал я.

Заглянув внутрь, я убедился в смутных подозрениях: внутри оказался отчет герцога Аласского о происшествии в замке Лунь.

И можно было бы, конечно, возгордиться тем доверием, что оказал мне его величество, но я готов был поставить свое герцогство против стоптанного ботинка, что мой отчет очень скоро окажется у Аласса, и

счёт сравнивается.

Ладно, было бы чем меряться.

Карета, мерно покачиваясь, везла меня к городскому portalу, а я изучал страницы отчета.

Ну, что сказать... Пусть я и не одобрял сомнительно нравственности политику дорогого тестя “заделай каждой любовнице бастарда”, в чем-то она себя оправдала.

Накануне всех нынешних наших нынешних событий, у герцога Аласского приключилась неприятность: из серебряных шахт, полученных как приданное за Оленной, и уже освобожденных от завалов (а вот это, прямо скажем, сюрприз!) полезла нечисть. Абсолютно неизвестные доселе твари: хитрые, живучие и кровожадные.

Серебряные выработки встали (Бес-Пройдоха, Аласс их не только расчистил, но уже и разработку начать успел!). Ближайшие селения несли ущерб — выжав охрану и работников шахты, твари мгновенно расползлись по округе.

Рачительный хозяин, Аласский, изучив сведения, полученные от выживших очевидцев, и предпочел не рисковать: собрал всех боеспособных магов, в число которых входили он сам и его отпрыски, и отправился решать проблему и спасать свои доходы.

Я обратил внимание на дату, когда это произошло: ровно на следующий день поступил сигнал бедствия от крепости Борец, на который я мог среагировать одним-единственным образом...

А в замке Лунь за главного остался младший из законных сыновей Вольтура, уступающий силами не то что мне или отцу, но и даже моему Гослису. Вот он-то, получив информацию от ведьмы, сумел организовать оставшихся в замке бастардов отца в боевую звезду, и предотвратил явление демона в проявленный мир.

Неизвестные злоумышленники, готовя отвлекающий маневр, то ли не сумели придумать, как выманить из замка оставшихся Аласских, то ли просто сбились со счета.

Кстати, неизвестных науке тварей Аласские зачистили, хоть и не без труда, обнаружили следы наведенных магических изменений, которыми и объяснялась их невероятная живучесть и опасность. К отчету Вольтур Аласский в качестве доказательств приложил полдюжину дохлых тварей и одну живую — на исследования.

Надо будет взглянуть позже, не нравится мне эта тенденция...

Я пролистал отчет до конца: из обитателей замка Лунь никто не пострадал, холл замка нуждается в основательном ремонте, левое крыло — в поверхностном.

Да, теперь понятно, почему Вольтур Аласский не взял этих горевояк с собой!

Пожалуй, Нисайем будет интересно это почитать. Она любит братьев, и, вероятно, возгордится их разрушительной силой.

Вот так, за увлекательным чтением, я и вернулся домой.

Дворецкий открыл мне двери.

В холле возились рабочие: снимали лампы, разбирали поврежденный паркет... Мебель уже вынесли, и звуки непривычно гулко металась в пустом помещении. Тэйр Соул перед моим отъездом объявил, исследовал всё, что считал нужным, и управляющий поспешил начать ремонтные работы.

Вот его-то, бдительно контролирующего ход работ, я и озадачил вопросом:

— Трой, ты не знаешь, где госпожа?

По уму, надо было, конечно найти дознавателя, ознакомиться с ходом следствия, поделиться полученной информацией — если ему эти сведения еще не предоставила королевская канцелярия, конечно, но... Я сегодня виделся с женой двадцать минут за завтраком и час во время беседы с дознавателем. Я даже толком как она себя чувствует, не расспросил — а тэйр Соул, в любом случае, предупрежден, что меня не будет до конца дня.

— Её светлость видели в библиотеке, — вторгся в мои раздумья ответ управляющего.

И я, благодарно кивнув, отправился на поиски, чувствуя, как отступает усталость, и на её место накатывает предвкушение встречи.

В библиотеке меня встретила тишина.

Я задумчиво оглядел шкафы и стеллажи, уходящие под потолок. Поднялся на любимую её светлостью галерею — стол, уютное кресло, лампа в скромном абажуре. На столе — небрежно сложенные в несколько стопок книги, из некоторых торчат закладки. Удобное, обжитое рабочее место.

Я потянул с ближайшей стопки верхний том.

“Магия, её происхождение, разновидность и различные приемы”. Неопределенно хмыкнул — старый трактат, и, по совести, на редкость

бестолковый. Мало того, что написан не удобоваримым архаичным языком, так еще и приемы, рекомендуемые им, восходят ко временам седой древности, когда магия толком не отделилась от ведьмовства...

Хм... Нита, что ли, воспользовалась благосклонностью своей госпожи и замковой библиотекой?

Следующий том оказался еще старше. “Советы молодым магикам от великомудрого магистра Совера Богурского”. То же самое. Советы эти — ни туда, ни сюда. Еще не магия, уже не ведьмовство.

“Сила. Слово. Дело”. Если не ошибаюсь, один из немногих трудов, где пытались исследовать и систематизировать ведьмовские способности и возможности.

Какого беса?

Нисайем же в этой библиотеке часами торчит! А читает, выходит, ее камеристка?

Ниса что, её прикрывает?

Как будто я зверь какой и стал бы запрещать...

Я стягивал тома один за одним, сам не зная, зачем я это делаю, и видел лишь, что они все объединены одной тематикой.

Когда тяжеленный фолиант в деревянном переплете и с металлическими накладками по углам вывернулся у меня из рук, и шлепнулся на стол.

Когда я поднял исписанную заметками закладку, выпорхнувшую из него.

Когда округлые буквы сложились в почерк Нисы.

Тогда отрицать очевидное дальше стало невозможно.

Всплыли в памяти многие пустяки: её испуг после истории с матушкиными цветами, отнесенный мной на счет беспокойства за камеристку — и сегодняшний ее страх перед тэйром Соулом. А ведь казалось бы, чего в этой ситуации может бояться герцогиня, спасающая замок?

Высказанное Нисой в замке Лунь желание первым ребенком родить девочку, теперь предстало в ином свете — а тогда вызвало только умиление. Как же, жены обычно желают первенцем видеть мальчика, ведь рождение сына, наследника упрочит их положение, а этой, ну надо же, дочь подавай...

Я устало опустил в кресло, откинул голову на спинку.

Как цветные стекла в трубе калейдоскопа, смещались события

нашей короткой семейной жизни, и складывались в новый узор.

И стало до очевидного, до рези в глазах, понятно упрямство Аласса, не желавшего заключать этот брак, и осторожность русалки, в ее ответах о госпоже и семье госпожи тогда, у меня в кабинете.

Решительность камеристки, взявшей на себя ответственность за оранжерею — и как моментально она отказалась от всяких попыток Нисайем оправдать её, стоило мне упомянуть дознавателя.

От воспоминаний было физически больно где-то внутри, а они всё накатывали и накатывали.

Испуганные зеленые глаза в ответ на моё признание в любви.

Бедная моя девочка, как же она всё время всего боится...

Как ни странно, я не злился на жену. Ни за молчание, ни за то, что оказалась ведьмой — ну не выбирала же она, кем ей родиться, в самом-то деле.

Вот только это не отменяло того, что с этим знанием мне придется что-то решать.

И одно дело — принять ведьму в своем замке, а другое — принять ее своей женой. И, сделав матерью своих детей, ввести эту кровь в наследную линию древнего рода.

Я мучительно потер лицо ладонями.

Любовь — любовью, но это то решение, которое отразится на будущем всего моего рода на много поколений вперед. На положении, статусе и позициях герцогов Вейлеронских во многих сферах, от брачных предложений до военных и политических союзов.

Я мужчина, и я знаю что такое ответственность.

И я приму правильное решение, каким бы тяжелым лично для меня оно ни было.

При условии, конечно, что моя догадка верна.

В конце концов, мои умозаключения не подтверждены ни единым фактом, которому нельзя было бы подобрать невинное объяснение...

Вот только в вероятность ошибки, на которую отчаянно надеялся наивный дурак внутри меня, разум категорически не верил.

Я встал, аккуратно положив съехавший том на место, спустился с галереи и повертел головой, вспоминая нужный шкаф.

Так, вот этот.

Когда герцогом Вейлеронским был еще мой отец, матушка активно не одобряла герцогской привычки пропустить порой под настроение

рюмку-другую, и здесь, в библиотеке, отец устроил тайник.

Я потянул обшарпанный старинный том, судя по переплету — ветхий настолько, что развалится, попытайся кто-то взять его в руки, и просунул руку в образовавшуюся в книжном ряду щель.

Так и есть — пальцы коснулись гладкого стекла бутылки. Выудив свою добычу, пошарил еще, и нащупал резной бок стакана.

Где бы устроиться? Не хотелось бы, чтобы слуги, заглянув по какой-либо надобности в библиотеку, застукали целеустремленно надирающегося герцога.

А пожалуй, галерея, столь любимая моей супругой, подойдет.

Заклинание очистило заросший пылью стакан, и янтарная крепкая жидкость забулькала, расплескиваясь по прозрачным стенкам.

Глоток, стук хрустального доньшка о полировку стола — и по пищеводу покатился огненный ком.

Я снова откинулся на спинку кресла, отслеживая, как от желудка по организму разливается приятное тепло.

Что же мне делать?

Ну, для начала, наверное, убедиться все же в верности своего предположения. И пусть я в нем уверен почти на сто процентов, до тех пор, пока догадки не подтверждены фактами, они остаются догадками.

И проверить-то, на самом деле, ничего не стоит, вот только... Болезненно не хочется этого делать.

Нисайем-Нисайем... Что ж ты так быстро проросла в меня?

И как теперь тебя из себя выдирать?

Я повторно наполнил стакан, снова залпом, без всякого почтения, выпил благородный напиток.

Ладно, тяни-не тяни, а сделать это придется.

— Шорк! — позвал я.

Перехватил бутылку за горлышко, и набулькал в стакан анестезии.

Иноходец, изрядно притихший в последнее время, возник поодаль, на полке книжного шкафа, а не свалился мне на голову, как за ним это водилось.

— Ну и давно ты знаешь? — я небрежно качнул стаканом в направлении книжного развала на столе.

Красный взгляд виновато стрельнул в указанном направлении, и черные уши прижались к круглой башке.

Чешуехвостый прошельга даже попытки не сделал “не понять” о

чем вопрос.

— Предатель, — пробормотал я, без труда расшифровав эту пантомиму.

И сделал щедрый глоток.

Вот пройдоховы бесы, и коньяка в бутылке осталось на дне!

— Давно ты знаешь, что Нисайем — ведьма? — повторил я вопрос.

— Давно, — обреченно подтвердил все мои догадки и подозрения Шорк.

Слава богам, хоть не полез защищать и оправдывать!

Чувствует, поганец, мое настроение.

— Почему мне не сказал?

Шорк потупился с виноватым видом, а я прикинул — что могло заставить инородца молчать?

Что ж, учитывая, что моя жена — ведьма...

— Приказ? — наугад выстрелил я.

— Договор, — с обреченным вздохом признал Шорк.

До-го-вор...

— Ну и за что ты меня продал?

Как ни странно, на это несчастье я тоже не злился. Хотя на шорка — следовало бы. Все же, нарушил моё распоряжение...

Кинув короткий взгляд на меня с полки, казавшейся ему достаточно безопасным убежищем от хозяйского гнева, шорк верно определил мое настроение, и исчез. Чтобы возникнуть у меня на груди.

— Случайно, — доверительно заглянул мне в глаза, сообщил он.

— Шорк упал на хозяйку. А хозяин велел — тайно. Обещала не выдавать...

Понятно. Лопух ты, Шорк.

Да и я не лучше.

Мы два лопуха.

Я почесал нечистику загривок, и он блаженно прикрыл глаза, млея от этой ласки. А потом решился, и поведал:

— Хозяйка хорошая.

Ну вот, этого следовало ожидать!

И я, продолжая начесывать холку (которую стоило бы намять, но я уже пьян, и мне откровенно лень делать такие резкие воспитательные движения), согласился:

— Хорошая.

— Маленькая просто, — развил свою мысль мой нынешний собеседник. — Но она вырастет!

Приятель мой, по простоте своей, не понимавший деталей и нюансов устройства человеческого общества, проблемы просто не видел, наивная душа.

Вернее, видел, но не там, где она была...

Нисайем-Нисайем... Что же мне с тобой делать?

Если смотреть правде в глаза. Если отринуть глупости и мелочи вроде чувств. То вариант у меня и был-то всего один.

Развод.

Вот только... что после развода будет с Нисой?

— Слушай, — я потянул черную бархатную шкуру на зашивке. — Будь другом, стащи мне из подвала во-о-от такую же бутылку?

Я развернул коньяк этикеткой к шорку, тот всмотрелся, дрогнул ноздрями, и сгинул.

А я качнул в бутылке остатками спиртного, чувствуя, что так же качается внутри меня гнев на Аласса.

Сволочь. Старая, хитрая, подлая сволочь!

Упирался он, как я теперь понимаю, исключительно показательно.

А сам не пожалел дочери, чтобы испортить Вейлеронам кровь...

Потому что, если бы он действительно пожелал не допустить её брака — ему достаточно было бы сказать правду о ведьмовском даре, потребовав с присутствующих магическую клятву молчать. А не использовать ту же самую клятву, как гарантию безопасности Нисайем, чтобы хоть как-то успокоить свою гнилую совесть!

Ниса-Ниса, Нисайем. Что ж мне делать, чтобы как можно меньше тебе навредить?

Шорк возник на столе, среди книг.

Всплывшая провинность сделала инородца на диво сообразительным: где-то в продуктовых подвалах он добыл корзину, в которой помощники кухарки таскают наверх снедь, и в нее сунул сразу две бутылки коньяка, а помимо них — целую сырную голову из не самых крупных, а значит, самых дорогих, и целую вереницу мелких копченых колбасок.

Я повеселел: следовало признать, что мой чернохвостый друг совсем не разбирается в закусках.

Зато разбирается в еде.

— Узнает кухарка — половником отлупит, — лениво просветил я Шорка.

Инородец вильнул хвостом, преданно заглядывая в глаза.

Следовало честно признать, что выслуживался нечистик зря, я его давно простил.

Окинув натюрморт на столе взглядом, я распорядился:

— Убери книги.

Не вандал же я, есть над старинными фолиантами — которые, к тому же, нужны моей жене!

Я сел в кресло.

Забросил ноги на второе кресло.

Янтарная жидкость полилась в стакан.

Надираться, когда в твоём доме находится королевский дознаватель, когда на замок было совершено нападение демонов, когда в любой момент можно ожидать начала Великой Волны — что может быть разумней!

— Ваша светлость! — донесся снизу голос жены. — Что вы...

Тут она поднялась, и увидела, “что мы”.

Взгляд, брошенный ею на пустой книжный стол, я успел заметить, только потому что ждал. Потом она увидела Шорка, торопливо юркнувшего с моих колен в неизвестность, по-своему оценила его виновато прижатые уши, и решила, видимо, что он всё убрал.

Конспираторы.

Подельники!

Ну кто так заговоры устраивает, а?!

И мне, конечно, следовало встать в присутствии дамы, но у меня была идея получше:

— Иди ко мне?

Устроить её на коленях. Обнять покрепче.

Невесомая, теплая. Доверчивая.

Что мне с тобой делать, а?

Из идей — только оторвать твоему отцу голову...

Я легонько поцеловал пахнущие травами волосы. Пока еще могу.

— Как ты себя чувствуешь?

Мирные семейные расспросы — о том, что сказал целитель, и как его рекомендации выполняли ведьма и русалка, и что когда стопы

массируют, это приятно, а когда икры разминают — это ужасная пытка, и моей жене не понравилось...

— А по какому поводу... Застолье? — осторожно уточнила моя жена, деликатно обойдя слово “пьянка”.

Неполных два месяца понадобилось, чтобы убедить её, что ей можно интересоваться моими делами.

Эта мысль неожиданно вызвала внутри боль.

— Да так... скверные новости. И кстати, о новостях, — я поводил головой, не нашел, что искал, и спросил библиотечный воздух, — Где моя папка?

Инородец, в пылу уборки книг, утащивший и мои документы, смущенно материализовался на столе, и тут же снова исчез — а папка осталась.

Нисайем проводила его задумчивым взглядом.

— Вы знакомы? — коварно поинтересовался я.

— Конечно! Это Шорк, он хороший, — уверенно ответила скрытная моя, и не смог сдержать ухмылки.

У этой парочки полная взаимность!

— Он меня утешал, когда я плакала. Ну... Как, утешал? Не удирал просто!

— Ты плакала? — я уткнулся носом в ее волосы, и втянул в себя их горьковатый запах. — Почему?

— Просто! Женщинам иногда нужно просто поплакать! — увильнула от ответа жена.

А я не стал допытываться, покладисто повторил:

— Некоторым женщинам иногда нужно просто поплакать...

“А потом их обидчицы покинут место общего обитания в самый краткий срок по не связанным с рыданиям причинам” — но эту мысль я благоразумно не стал озвучивать вслух. Вместо этого протянул жене папку:

— Взгляни, тебе будет интересно.

Интересно, Сириль и правда сама покои моей жены разнесла? Или открывшееся обстоятельство позволяет нам взглянуть на старое происшествие под иным углом? И на матушкины цветы...

Всё-таки, задевать ведьму — очень, очень плохая затея.

Это всё могло закончиться очень нехорошо. Куда хуже, чем вышло.

Но глядя на жену, которая быстро бегала глазами по строкам

отчета, роняя порой смешки, я не чувствовал злости. Только боль.

И понимал: не смогу.

Если бы я хотя бы знал, что после развода с Нисой будет всё в порядке!

Потому что через свою любовь я смогу переступить. А через неё — нет.

Жена, уютно устроившись у меня в объятиях, читала секретный королевский отчет, в голове плыли коньячные волны, а Шорк, подкравшийся со спины, устроил свою башку на моем плече.

И в этом состоянии алкогольного опьянения, граничащим с просветлением, я решил, что не стану пока ничего делать. пусть всё идёт, как идёт

Пока Нисайем не беременна - можно потянуть время и ничего не предпринимать. Подумать. Все взвесить. У меня есть время. Достаточно всего лишь отложить немного определенные супружеские обязанности...

А там видно будет.

Глава 19

Письмо от отца было полно восхвалений и межстрочных вопросов намеками. Он был горд тем, что у него такая дочь, и осторожно интересовался, как идут мои поиски.

Письмо от матушки прямо-таки вопило каждой своей строкой о ее беспокойстве. Она упрекала меня за необдуманность моих действий, пеняя, что истинная тэя всегда бережёт себя.

И хоть почерк её нигде не дрогнул, я просто слышала за строчками её голос, многозначительной интонацией выделяющий слова «истинная тэя».

Ответ отцу я написала быстро — ворох благодарностей и ответных любезностей в адрес братьев и жалобы, о том, как в Страже сейчас всё сложно и как много у меня из-за этого дел, успешно спрятали под собой информацию для отца: ввиду известных ему событий, поиски артефакта Лунь были мною приостановлены.

Матушке же... Матушке письмо я пыталась составить уже битый час, комкая листы, на которые из-под моего пера упрямо просились злые, обиженные слова.

А кого я, по её мнению, берегла, когда бросила вызов

потусторонней твари? не себя, а экономку Вейлеронов эссе Эриоку Линед?

Матушке, кажется, более пришлось бы по нраву, если бы я ни во что не вмешиваясь погибла той ночью от когтей демона, надежно похоронив семейный позор!

Подобрать слова, приличествующие благовоспитанной тэе, никак не удавалось, и я смяла очередной испорченный лист.

Впрочем, на самом деле, настоящая причина моих душевных метаний была не в матушке с её волнением о том, что, спасая замок Вейлеронов, я могла выдать свою постыдную тайну.

Просто... Всё плохо.

С того момента, как я протанцевала с демоном всю ночь, а на следующий день застала мужа в подпитии в библиотеке, прошло больше недели.

И за всё это время Лис ни разу не прикоснулся ко мне как к жене.

Он был добр и заботлив. Он был внимателен ко мне во время нечастых в последнее время совместных трапез, и еще более редких встреч в другое время. Он делал мне небольшие приятные подарки — часто, чуть ни каждый день.

Он не отослал меня в мои покои — мы по-прежнему делили одну спальню. Но...

Я просто не понимала, что происходит.

В чем я провинилась. Что сделала не так?

Было обидно и непонятно. А еще — страшно. Страшно думать, что я разочаровала мужа окончательно и бесповоротно, и теперь никогда, никогда-никогда ничего уже не будет как раньше.

И вместе со страхами (хоть их-то я и старалась давить, напоминая самой себе, что вся моя семейная жизнь — обман и ненадолго), вместе с обидой, поднимало змеиную голову внутри меня еще кое-что.

То, чем попрекала меня матушка.

То, чего я всю жизнь боялась, ни разу не испытал.

Ведьмин плотский голод.

Мне не хватало мужа.

О нет, это было не то грызущее чувство, которое в детстве селилось в животе к вечеру, если за шалость меня оставляли без обеда.

Это было больше похоже нервный зуд, охватывавший меня порой. Когда я не забывалась в делах. Когда случайно касалась своей голой

кожи. Когда Алиссандр оказывался рядом.

Он то растекался по коже, то охватывал грудь, то собирался в животе фантомным ощущением на грани восприятия.

Не сказать, что я чувствовала себя настоящей ведьмой, готовой “лечь под первого, кто поманит” (спасибо, матушка, через пять лет я наконец-то поняла, что вы имели в виду!).

Я даже представила на пробу, что мне оказывает знаки внимания кто-то из молодых и привлекательных тэйров, коих ни мало обреталось в замке Страж, и не испытала ни-че-го, кроме недоумения и желания брезгливо отряхнуть с себя воображаемую картинку и больше не заниматься такими глупостями.

Но мужа — его близости, его тепла, его тела — мне не хватало мучительно.

Нынче ночью я попыталась сама обратить на себя мужское внимание супруга — и снова ничего. Он не рассердился и не обиделся, а каким-то образом свёл мою попытку к шутке, и мы до полуночи проболтали обо всём и ни о чем, лежа в постели в обнимку.

Я уснула с чувством легкости и умиротворения на душе.

А к утру поняла, что меня попросту отвлекли и обвели вокруг пальца, как слепого котенка.

Было обидно до слез, до рези в глазах.

А тут еще матушка с её письмом!

И очередной испорченный лист в сердцах полетел в стену.

Корреспонденцию от родителей доставили еще несколько дней назад, но я всё не могла найти в себе сил сесть за ответные послания. Сегодня же, поняв, что дальше тянуть уже попросту неприлично, попыталась взять себя в руки.

Выдернув из стопки новый лист и сурово уставившись на него, я думала, как ответить дорогой матушке. К сожалению, все те ответы, что просились на бумагу в первую очередь, решительно не годились — велика вероятность, что скоро меня вышвырнут из Стража безо всяких стараний с моей стороны, а даже вовсе вопреки им, и в этой ситуации ни одна тэя, которая себя бережет, не станет портить отношения с той, под чьим началом вскоре предстоит жить.

Дыхание внезапно стало прерывистым и поверхностным, а глаза противно повлажнели...

Я запрокинула голову, я зло смаргивала непрошенные слезы.

А потом решительно ухватив перо, стремительно вывела “Да, матушка. Вы абсолютно правы, матушка. Сожалею о том, что была столь неострожна!”

Пересилив себя, еще один-последний раз переписала письмо, украсив свою полную капитуляцию перед мудростью герцогини Аласской положенными вежливыми оборотами, на остатках терпения запечатала письмо, швырнула его на поднос с готовой к отправке корреспонденцией, и выскочила из кабинета, чувствуя, что не могу так больше.

Не-мо-гу!

Поисковый артефакт, выданный мне отцом перед свадьбой, скользнул на шею, и длинная цепочка золотой змеей протекла под одежду почти до самого солнечного сплетения. Я вышла из своих покоев в состоянии мрачной решимости.

В конце концов. Я сама сказала отцу, что хочу задержаться в страже для того, чтобы найти нашу пропажу, и в свете нынешних событий это как никогда необходимо!

Мужа дома нет, а даже если бы и был — ему до меня нет никакого дела. Так что могу невозбранно предаться поискам!

И я предалась.

— Нисайем. Нам нужно поговорить.

От неожиданности я, обходявшая по кругу очередную гостиную вдоль стен, вздрогнула.

Голос Алиссандра был непривычно серьезен.

Я согласно склонила голову: “Как скажете, ваша светлость. Нужно — значит, нужно”.

А пока следовала за мужем к нашим покоям, всё поняла.

Боги-боги, да мне следовало подумать об этом сразу же!

Какая еще причина может заставить мужчину пренебрегать женой?!

Гнев нарастал камнепадом в горах, и когда, отсекая нас от прислуги, закрылась за спиной дверь в спальню, набравший ход каменный поток обрушился на голову супруга:

— Я предупреждала вас, что не потерплю любовниц в замке!

— Нисайем, — попытался вклинить супруг.

— Если вы нашли себе другую — держите её и дальше там, где нашли! — в запале продолжала неистовствовать я.

— Ниса! — рывкнул муж, и я невольно осеклась. — Я знаю, что ты ведьма.

Моё солнце померкло.

Все предположения осыпались прахом и выстроились заново.

Так вот почему он ко мне не прикасается.

Брезгует.

Всё.

Это конец.

Что-то бесконечно глупое, что-то, что всё это время наивно надеялось на счастье, корчилось и билось у меня внутри.

Кажется, это было моё сердце.

“Я же не виновата, что так все вышло!” — заходило криком это глупое и наивное. — “Я же не выбирала быть ведьмой!”

Я не упала и не осела. Я устояла на пошатнувшихся ногах.

В конце концов, будь я сто раз ведьма — я еще и дочь герцога Аласского!

Моего унижения Вейлерон не увидит!

А затем от несправедливости всего происходящего, от боли и обиды меня прорвало:

— Не трудитесь меня выставять! — сочились ядом и сарказмом злые слова, вырываясь из меня помимо воли, помимо здравого смысла, — Я сама уеду, только вот напоследок замок обойду — а то в преддверии Великой Волны Алассам нужен артефакт замка Лунь! Ничего личного!

Сказала — и задохнулась злорадным наслаждением от вылетевших слов. Глупых, несвоевременных, не нужных. Но таких сладких!

Муж стоял передо мной, широкоплечий и высокий, с резкими чертами лица, красивый, до обмирания сердца, стоял, скрестив руки на груди, а я смотрела на него вздернув нос и с ума сходила от бушующих во мне эмоций.

Лис вдохнул-выдохнул раз. Другой. Кажется, успокоиться это ему не помогло, заговорить он не решился. А жаль, я так хотела скандала!

Грязного, безобразного скандала. Возможно, после него мне стало бы легче.

И уж чего я точно не ждала, что муж ухватит меня за плечо, и потащит куда-то за собой.

Лестницы, лестницы — с четвертого этажа на третий, с третьего на

второй, со второго на первый.

Снова лестница — подвал, ой, а этой двери я раньше не видела, и эту тоже не видела, ой, потайной замковый семейный портал, только мы мимо него прошли, да что там — пронеслись, муж бешеным иноходцем вперед летел, и я за ним шелковым шарфиком на ветру полоскалась.

Еще одна дверь, я успеваю только самой-самой гранью ведьмовского восприятия ощутить, как окутано это место вязью силы, оформленной в заклинания, и муж открывает ее пинком, и дверь открывается... “Вот тут меня и запрут!” — успеваю подумать я, прежде, чем мне на глаза попадается камень. Прозрачный круглый лунный камень, размером с кулак, в оплетке из лунного же серебра, в молочно-белых внутренних переливах от магического светляка, повисшего над головой моего мужа, но я-то точно знаю, что если вынести его на солнечный свет — он станет прозрачно-голубоватым, а если вынести на лунный — сам ответит нежным, неуловимым свечением, отмеченным во всех описаниях артефакта замка Лунь.

А артефакт-поисковик, что висел у меня на груди.

Выданный мне отцом артефакт-поисковик.

Клятый всеми богами артефакт-поисковик!

Этот! Пройлохов! Артефакт!

Молчал!

— Его давно следовало вернуть, но я всё не мог придумать, как проделать это, не подставив свой род.

Мысли взвились роем: “Ага, воры проклятые! Украли, а потом ответственности избегаете!”, “Ага-ага, а теперь-то Алассы сами пикнуть не посмеют, чтобы Вейлероны наш собственный грязный секрет не выдали!” и что-то о том, что мне только что наглядно продемонстрировали — катись отсюда, милая тэя Нисайем. Тебя здесь больше ничего не держит, даже поиски артефакта!

И пока я барахталась в этом хороводе, Лис хладнокровно объявил:

— Я отдам Алассам их артефакт. Но не тебя.

— Что, так с Лужками жалко расставаться?! — запальчиво бросила я, и боги знают, что бы еще наговорила, не заткни мне муж рот поцелуем.

Горячим, желанным: когда от прикосновения жадного рта окатывает жаркой волной, когда тяжелая рука на затылке — за счастье, когда — всем телом прижата к его твердому телу, и на небесах.

Когда Алиссандр разорвал поцелуй, у меня в голове плескалась томная дурь, вытесненная туда из всего остального тела нетерпеливым желанием. Да у Лиса и у самого взгляд был не разумнее.

Мой брак наглядно показал мне, что супружеский долг может исполняться не только ночью в супружеской постели, но в любое другое время суток, в различных, совершенно неприспособленных для этого на первый взгляд местах — рабочих кабинетах, ваннных комнатах и даже на берегу озера. Исходя из этого, я склонна была считать, что и подозрительная, расписанная рунами комната в потайном подвале, пыльная и паутиная, для отдачи долга подходит ничуть не хуже.

Но Лис...

Лис отстранился, и заговорил:

— И именно об этом нам и нужно поговорить. Нисайем, скажи, что ты хочешь развод — если ты действительно этого хочешь, если ты пришла в этот замок только за артефактом. Если для тебя это действительно “ничего личного” — я дам тебе развод. Если это действительно твоё желание, а не папенькино, маменькино или Бес еще знает каких сиятельных родственников. Или же артефакт возвращается в замок Лунь без тебя. Выбирай.

Выбирай? Выбирай?!!

Как это — “Выбирай!”? Что, вот прям сама?! А инструкции?!

— Моя жена может быть ведьмой, — продолжил он очень серьезно. — Но герцогиня Вейлеронская — нет. Я отрекусь от титула в пользу брата и выйду из рода. Подумай хорошо, согласна ли ты остаться со мной?

К-как? Как — отрекусь от титула и выйду из рода?

Кажется, я сказала это вслух, потому что Лис ответил, пожав плечами:

— Одно без другого не имеет смысла.

Да, но... я бы на его месте в таких условиях отказалась от жены!

Внутри меня, кажется, завелся дракон и требовал немедленно, сию же секунду подгрести под себя всё своё лапами, улечься сверху, и никому ничего своего не отдавать!

— Я пока не знаю, как и на что мы будем жить. — Лис смотрел на меня строго и сосредоточенно. — И даже не знаю, сохранят ли за мной место главнокомандующего военными силами Предгорий — в истории королевства Карлион не было прецедента, когда эту должность занимал

не титулованный дворянин. У меня есть некоторый доход от имущества, не относящегося к собственности рода, но это не то, к чему ты привыкла. Я не смогу обеспечить тебе нынешнего уровня жизни.

Он рассказывал мне, как трудно мне будет с ним жить, а в моей голове рефреном звенели слова — “Я выйду из рода”. “Отрекись от титула, выйду из рода”.

Отрекись.

Выйду.

Он что... правда? Он... ради меня?

Алиссанд Вейлерон, герцог Вейлеронский. Меч Предгорий.

Отречется от рода. Оставит его без крови сильнейшего мага в своем поколении.

Я... я того не стою.

Этого никто на свете не стоит.

Лис осторожно погладил меня по щеке. Нежно провел пальцем по скуле.

— Я понимаю — что бы ты ни выбрала, жизнь твоя изменится безвозвратно, и уж точно не станет от этого лучше. Но прошу и тебя понять меня: я могу принять такое решение только за себя. За весь род Вейлеронов — нет. Тебе не обязательно давать ответ прямо сейчас... Еще есть время подумать.

Подумать.

Логично.

Я кивнула, давая понять, что его слова услышала и поняла, а потом... шагнула к нему, оплела его шею руками.

Подумать!

Я впилась в губы мужа поцелуем, злым, как укус осы: нет, вы посмотрите на него — “Подумать”!

Прижалась всем телом, чувствуя, как завлакивает разум отступивший было блаженный туман, как возвращается, разливаясь по телу, жар — и как откликается на меня тело моего мужа, наливаясь твердостью там, где мы соприкасаемся плотнее всего.

“Подумать!”, а?!

Да о чем тут думать!

Меньше всего на свете мне сейчас хотелось думать. Больше всего на свете — быть с ним.

Здесь и сейчас.

Отныне — и во веки веков.

Пока смерть не разлучит нас.

Отец-Защитник. Мать-Искусница и даже Бес-Пройдоха (бес с ним!) мне в том свидетели.

Никто и никогда не делал для меня ничего подобного. Не приносил себя в жертву. Не позволял выбирать. Жертва была всегда за мной, а выбор — за другими. И сейчас я не знала, как я могу словами отблагодарить Лиса за то, что он сейчас сказал. Как я могу сформулировать, насколько много это для меня значит.

Поэтому я не говорила, я просто целовала его жадно, напористо, неистово.

Я обдирала с него одежду, как дикая кошка, как одержимая. Чтобы целовать-целовать-целовать — везде. Каждый сантиметр гладкой горячей кожи, сильных мышц под нею.

Целовать, прикусывать, зализывать.

Я, наверное, и урчала, как кошка. Лис бы, наверняка, посмеялся, если бы не был так занят — на мне одежды было больше и от нее тоже следовало избавиться.

И когда мы оба оказались полностью обнаженными, время вдруг замедлилось.

Лис слегка отстранился, изучая мое лицо в тусклом свете. Глазами и пальцами. Они гладили виски, щеки, губы. Спустились ниже, властно сжали полушария груди, и я с тихим стоном прогнулась навстречу этому движению.

Да-а... я так скучала. Мне так этого не хватало.

А тебе?..

Моя ладонь легла на каменно твердый горячий ствол, и я невесомо погладила нежную бархатистую кожу, пьянея от собственной смелости и вседозволенности. И Лис с хрипом выдохнул, сжимая мою грудь еще сильнее и впиваясь поцелуем в шею.

Совершенно безумная мысль мелькнула в голове — Лис ведь целовал меня там, внизу, а что если?..

Но привести ее в исполнение я не успела, муж не позволил мне стечь по нему вниз, на колени. Вернее позволил, но опустил на сброшенную грудой одежду вместе со мной.

— Не сейчас, моя маленькая ведьмочка, — хрипло, но тихо рассмеялся он. — В следующий раз. Сейчас я слишком хочу тебя всю.

И я приняла его всего.

Откинулась на спину и откровенно любовалась тем, как он входит в мое тело. Выражением красивого лица. Тем, как дрогнули ресницы, как напряглись мышцы.

Мой враг. Мой муж.

Мой.

Мой.

Мой!

Задохнувшись от чистейшего, неразбавленного восторга, я закричала, не в силах сдержаться. И снова вцепилась в широкие плечи как тогда, в самую первую нашу ночь. Зная, что на них опять останутся мои следы, глядя на которые я буду испытывать животное собственническое удовлетворение, за которое мне теперь тоже не было стыдно.

Мы лежали на смятой одежде, на каменном полу, в подвалах замка Страж. И камни почему-то были теплыми. Я прижалась к мужу, но украдкой все же погладила шероховатый гранит.

Алиссандр не торопился нас одевать, приводить в относительно приличный вид и возвращать в покои, которые куда больше подходят пока еще герцогу и герцогине Вейлеронским. Он лежал, закинув одну руку за голову, а другой рассеянно поглаживал меня от шейных позвонков до попы.

Это было щекотно и очень приятно.

А еще неправильно.

Нет, поглаживание было правильным, очень даже! Но вот все остальное — нет.

Очевидно, что это не было для Лиса спонтанным решением. Очевидно, что поискам этого решения, я и была обязана неделе собственных мучений. Очевидно, что мой супруг все же далеко не самый глупый человек, и раз он предлагает именно это, значит, наверняка это единственный возможный вариант.

Но он такой несправедливый! Как я смогу жить с ним, зная, чего он лишился ради меня?

Я задумчиво почесала нос.

— Лис, ты знаешь, я передумала.

Карий глаз открылся и настороженно меня изучил, а я развила мысль:

— Не хочу я девочку. И мальчика не хочу. И вообще от этих детей одни проблемы. Мой папа тебе это подтвердит, а он-то уж точно эксперт в подобном вопросе!

— С этим аргументом ты, пожалуй, как раз промахнулась, — пробормотал Алиссандр. — Он как раз наоборот, судя по всему, в таком восторге от детей, что еле смог остановиться. К чему ты клонишь, радость моя?

— Ну... если у нас не будет детей, тебе же вовсе не обязательно отречься, правильно? Твой брат и его дети могут наследовать и после твоей смерти, и роду это никак не навредит...

Еще договаривая эту идею, я уловила мелькнувшую в глазах мужа тень, и досадливо прикусила язык.

Он хочет детей. И, в этом я абсолютно уверена, он станет прекрасным отцом.

Неужели я не могу быть с ним, ничего не отбирая?

Он же не виноват, что ему бракованную жену подсунули. На его месте я бы выставила его величеству серьезный счет!

Горло стиснуло спазмом, а глаза защипало.

Нечестно, нечестно, нечестно!

Я села рывком, подтянула ноги к груди, прикрываясь, и припечатала:

— Я хочу развод.

И уткнулась лбом в колени, прячась от мира за пологом рассыпавшихся волос.

Совершенно неэффективное место для прятков.

— Ниса... — теплая ладонь скользнула по плечу, отодвигая мой полог, и я распрямилась и вскинулась, готова я отражать нападение.

— И не надо меня уговаривать! Ты сказал “выбирай” и я выбрала! Извини, но я слишком люблю тебя, чтобы... чтобы...

У меня затряслись губы, а Лис сгреб меня в охапку, игнорируя вялое сопротивление, и рассмеялся.

— Узнаю свою женушку! Видят боги, Ниса, только ты способна совместить в одной фразе признание в любви и требование развода. Ну уж нет, теперь у тебя уже нет этого выбора. Пока не разлюбишь. Потому что пока ты меня любишь, я тебя никуда не отпускаю.

Я засопела, не зная, как вообще реагировать на подобное. Противоречивые чувства сжигали изнутри, не находя выхода. Что-то

внутри подсказывало, что к декоративным росянкам, вымахавшим в оранжерее до неприличных размеров ранее, теперь лучше не подходить, если не хочется остаться без руки или головы. Надо будет не забыть потом предупредить Лиса, чтобы выделил отряд. На борьбу с росянками. Ну он же просил ставить его в известность о появлении в замке всяких несанкционированных существ...

Правда, он просил заранее.

Но я же не виновата!

Вот выучусь — и точно смогу заранее предупреждать!..

Хотя вернее будет просто не держать поблизости росянок, пожалуй...

Карие глаза смеялись, будто он уже все знал. И про росянок, и про мои глупые мысли, и про то, что никуда я от него не денусь, пока он меня любит.

Потому что да, я тоже его люблю.

— Это означает "Да!"? — уточнил супруг, не прекращая меня поглаживать. — Ты останешься со мной?

— Ладно! — фыркнула я, довольная, как кошка. — В конце концов, я же не такая глупая, как некоторые, чтобы добровольно выпустить из рук то, что мне принадлежит!

Лис с тихим смешком сгреб меня в охапку и поцеловал.

А я, стиснутая в объятиях, вдруг начала тихонько хихикать.

- Что такое? - недоуменно уточнил муж.

- Приданое! - я уже хохотала, как зверь гиена с далекого сказочного континента. - Моё приданное, Лис! Это тоже "твое имущество, которое не принадлежит роду"! Лужки-и-и-и!

Муж ругнулся, а я уже просто рыдала от хохота на его груди:

- Вейлероны второй раз подряд упустили Лужки!

Глава 20

Единственный пока что имеющийся у меня ребенок спал плохо: вздрагивал, просыпался, таращил на меня сонные зеленые глазщи. Пытался что-то говорить — в этой голове явно варились мысли, как вывернуться из ситуации с наименьшими потерями, и не давали спать своей хозяйке.

Успокаивалась Ниса не сразу, а после уговоров, что всё в порядке, наглаживаний, объятий... Но успокаивалась. Засыпала. Чтобы через

полчаса-час снова вскинуться, разбудив меня своей тревогой.

И всё начиналось заново: наглаживания, объятия, уговоры...

Кажется, как ни странно, Нисайем мой предстоящий отказ от титула беспокоил больше, чем меня.

Я-то твердо знал, что и для чего делаю, чего мне ждать на этом пути и уже примерно набросал варианты, как буду справляться — без этого я и не стал бы затевать разговор с Нисой. Выдергивать жену из рода в никуда, без внятного понимания, как обеспечу ей кусок хлеба? Увольте, лучше уж вернуть её отцу.

У меня было время подумать, выбрать будущее и принять его.

Но не у Нисы. И она не желала принимать это будущее, отчаянно пытаюсь придумать решение, которое удовлетворит интересы всех сторон.

Сжимая в объятиях свою беспокойную жену, я испытывал что-то, подозрительно похожее на угрызения совести: в самом деле, Вейлерон, почему твоя жена, желторотый птенец, пытается барахтаться, а ты, опытный воин и боец, так легко сложил руки?

Мы еще повоюем!

В крайнем случае, время еще есть, и даже если прямо сегодня мы дали жизнь нашему первенцу, осуществить старый план и выйти из рода до его рождения мы всяко успеем.

Но это ждёт.

Потому что прямо сейчас я составлял в новый план.

Зыбкий, неверный. Собранный “на коленке”, и оттого не надежный.

Но какой есть.

Я хищно улыбнулся в уютной темноте супружеской спальни: мне нравился мой новый план.

Осторожно разжав объятия, и выпутавшись из рук жены, что оплела меня, как как молодой виноград, я выбрался из постели.

Камердинер явился в гардеробную, как будто и не в четыре утра я его внезапно на ноги поднял, а среди бела дня, заранее предупредив, что он мне понадобится.

Выслушал мои указания, склонил почтительно голову:

— Да, милорд!

И удалился, исполненный чувства собственного достоинства.

Вызывать служанок Нисы в свой кабинет я не стал, велел Белсу пригласить обеих в гостиную при наших покоях — там меня обе

девицы и дожидались.

Пункт первый.

Я обвел личную, не побоюсь этого слова, гвардию своей жены взглядом, и объявил:

— Мне известно, что ваша госпожа — ведьма.

И не дожидаясь, пока они предпримут какие-либо действия (а предпринять они, как я подозреваю, могли что угодно, от невинных заверений, то я ошибаюсь, до проклятия меня на месте с последующим физическим устранением), продолжил:

— Рихтим Анабель, если вдруг ваша госпожа соберется в бега, напомните ей, что развода я ей всё равно не дам, поступлю всё равно так, как сочту нужным — а вот её светлость папенька обратно может и не отпустить! Пусть подумает об этом. И погладьте её по голове — от меня.

Понаблюдал, как на лице у русалки воинственное выражение “Если госпожа пожелает сбежать — я приложу все усилия, чтобы помочь” сменяется на что-то смущенное, вроде “Упс!”, и повернулся ко ведьме.

Пункт второй:

— Рихтим Нита, вы поддерживаете связь с вашей матушкой, помимо обычных писем?

— Нет, — растерялась камеристка Нисайем. И, видя мой скепсис, принялась оправдываться, — Матушка сказала, что это опасно, и только может нас случайно выдать, а обычное письмо, если писать осторожно, ничем не хуже тайного послания...

Я перебил её оправдания:

— Но такая возможность у вас имеется?

Девушка обреченно кивнула.

— Отлично. Мне нужно передать Рискин Дроут послание, которое она получит быстро, и которое не будет перехвачено Аласскими. Вы можете это сделать?

Еще один понурый кивок.

— Ваша светлость, только матушка всё равно...

Я понимающе кивнул на эту оборванную фразу:

— Если рихта Дроут сама пожелает показать моё письмо своему герцогу — это её право.

Я кивнул обеим девушкам, и направился к кабинету: писем сегодня предстояло писать много.

— Ваша светлость! — долетел мне в спину оклик Ниты Дроут. — Простите мою дерзость — но, возможно, я могла бы вам помочь? Моя матушка — что вы от нее хотите?

Я усмехнулся:

— Рихтим Дроут, у меня в замке две толком не обученные ведьмы — что я могу хотеть от единственной известной мне наставницы на всю округу? Конечно, сманить ее к себе!

И, подмигнув опешившей ведьме, удалился.

Второй пункт плана, будем честны, доставлял мне отдельное удовольствие: переманить любовницу Вольтура Аласского, и по совместительству самую умелую ведьму в Предгорьях из замка Лунь в замок Страж, да еще обставив это как потребность дочери самого Вольтура — это ли ни богами ниспосланная идея?!

Секретарь уже сидел на своем месте, и три гонца дожидались под дверями приемной — Белс служил камердинером не первый год, и на него всегда было можно положиться.

Пункт третий.

Послание его величеству с прошением об аудиенции. Не стал упоминать о срочности — в обстановке ожидания Великой Волны все прошения от командующего войсками Предгорий получают высший приоритет.

Конверт запечатан гербовым оттиском герцога Вейлеронского, и секретарь почтительно принимает послание, чтобы отдать его гонцу.

Пункт четвертый.

Послание к Вольтуру Аласскому, с просьбой присутствовать сегодня на аудиенции у его величества.

Пятый пункт — письмо брату. Самое простое, но одновременно и самое сложное.

Как глава рода, я не обязан отчитываться никому о своих решениях. Как семья — они имеют право узнать обо всем от меня и заранее.

Ну, пока что, вроде бы, всё.

Всё остальное уже зависит от того, удовлетворит ли Астей Пятый моё прошение о встрече, и будет ли на ней присутствовать дорогой сосед, а теперь еще и бесценный родич, герцог Аласский.

Подготовка завершена.

Времени еще осталось прилично.

Я позвал секретаря, и поинтересовался:

— Берри, не известно ли вам, эсса Уна Томпсон уже встала?

Почтенный эссей нахмурился, вспоминая:

— Насколько мне известно, смотрительница оранжерей приступает к работе рано.

— Тогда будь любезен, пригласи ее ко мне.

Женщина, которую моя жена по рекомендации моей сестры пригласила ухаживать за оранжереями, производила благоприятное впечатление: невысокая, строгая, ничуть не скрывающая ни своей седины, ни породивших её лет. Она сидела передо мной, спокойно ожидая, пока ей скажут для чего её пригласили.

— Эсса Томпсон, мне стало известно, что у вас в оранжереях возникли некоторые проблемы.

Эсса лишь слегка приподняла брови, выдавая удивление: она полагала, что приняв оранжереи Вейлеронов под свою руку, порядок в них навести успела.

— Ваша светлость, в оранжереях нет никаких проблем.

— Есть, — я почувствовал сильное желание извиниться перед этой почтенной эссой, за то, что сейчас скажу, но справился с ним. — Мой источник сообщает, что у вас проблемы с декоративными росянками.

Брови почтенной эссы поднялись чуть выше:

— С... росянками? И... какого рода проблемы?

— Они выросли, — лаконично сообщил я.

Брови Уны Томпсон поднялись еще выше:

— И... как вы бы хотели, чтобы я решала эту проблему?..

— Мой источник предлагает использовать отряд боевых магов.

Лично мне идея Нисайем импонировала: во-первых, гигантские плотоядные растения вызывали во мне глубокое инстинктивное неодобрение. Во-вторых, не хотелось бы, в случае чего, объяснять безутешным родственникам Уны Томпсон, куда подевалась почтенная эсса...

— Это ваш приказ? — уточнила госпожа смотрительница оранжерей, и я взглянул на нее с недоумением.

Откуда столько напряжения в голосе?

— Нет, но...

— В таком случае, — не дослушав, перебила меня повелительница садовых ножниц, — Пока я оранжереях замка Страж

есть я — отряда боевых магов там не будет! А выросшие росянки нам и сами пригодятся!

Я поймал себя на том, что попросту неприлично таращусь на разгневанную женщину.

Но она взяла себя в руки так же быстро, как и вспыхнула, и уже вполне почтительно поинтересовалась:

— Ваша светлость... А ваш источник — он не называл причин столь... внезапных изменений, случившихся с росянками?

С одной стороны, это, конечно, шило, которое совсем скоро выскользнет из мешка. Причем — с моей же помощью. С другой стороны, ускорять процесс всё же не хотелось бы. Поэтому ответ я предпочел обтекаемый:

— Мой источник... Предполагает... — я осторожно подбирал слова, — Что причиной может быть присутствие рядом некоей... нетрадиционной магической сущности. Например, ведьмы.

— Ведьмы?

— Ведьмы, — согласился. — Молодой и... эмоциональной.

— Понятно, — буднично кивнула владычица леек, как будто я не огорошил её известием о ведьмах.

Но повисшая тишина подсказала, что всё-таки огорошил.

— Ваша светлость, — обратилась ко мне женщина, когда я уже готов был уже попрощаться с ней и искать другую смотрительницу для матушкиных кустов.

А лучше всего — и впрямь запустить туда отряд боевых магов, и вся недолга.

— Ваш источник, — продолжила эсса Уна Томпсон, — Он не мог бы гулять в оранжерее, допустим, один час каждый день?

И в ответ на мой недоверчивый взгляд, хладнокровно пояснила:

— Попробуем приучить растения к его эмоциональности.

В подвал под подвалом я спускался уже переодевшись к визиту ко двору, и отправляться собирался не через городской портал, а малым семейным.

Это было не так удобно, как кажется: в отличие от Алассов, у которых помимо подобного портала был еще и дополнительный, имеющий точку выхода прямоком во дворе (Нисайем совершенно не умеет хранить секреты!), в знак дружеского расположения Астeya Пятого к Вольтуру Алассу, у Вейлеронов портал в столицу был один, с

привязкой к родовому особняку.

Но сегодня те минуты, которые он сэкономит, могли иметь значение, поэтому еще с утра Белс отправил в особняк нужные указания.

Вчера Нисайем осмотрела весь потайной подвал вдоль, поперек и по периметру. Хотя в нем ничего, кроме постамента в центре с лежащим на нём артефактом, и не было, моя дражайшая половина, изнывая от любопытства, сунула любопытный носик везде, пока я отвечал на сакраментальный вопрос — зачем?

Он прозвучал сразу же, как супруга пришла в себя после близости.

Пытаться что-то скрывать или приукрашивать было бы уже глупо, поэтому я рассказывал всё, как есть:

— Вот эти руны, на полу, потолке и стенах, экранируют эту комнату от поисковых заклинаний. Весьма серьезная защита от магического поиска, — вставать было лень, лень было даже шевелиться, поэтому я так и лежал на полу, на нашей одежде, подложив для мягкости руку под голову. — А вот тот рунический комплекс, которым покрыт постамент под камнем, имеет другое назначение.

Рисунок рун на постаменте и вокруг артефакта действительно разительно отличался от прочих в этой комнате: иные символы, материалы, инструменты... Даже почерк мастера, их начертившего — отличался.

— Мой дед, конечно, ненавидел твой род, — продолжил я рассказывать своей жене, которая, изучив в этой комнате всё, что возможно, вернулась ко мне под бок. — Но даже он не стал бы похищать камень ради похищения как такового. Слишком уж это была сложная, затратная операция для такой мелкой цели. Настоящая цель была иной: разорвать связь артефакта с замком Лунь, и связать его с вотчиной герцогов Вейлеронских.

— И как? — любопытно подала голос Нисайем. — Чем всё закончилось?

— Ничем, — пожал я свободным плечом, потому что на втором удобно расположилась супруга. — Связь камня с вашим замком разорвать не сумели, привязать к Стражу без разрыва предыдущей привязки тоже не удалось.

Я, вздохнув, поправил сам себя:

— Вернее, всё еще не закончилось — вот вернем камень твоему

отцу, тогда и можно будет говорить, что всё. Конец.

Я, вынырнув из воспоминаний, поставил на постамент рядом с артефактом ларец, прихваченный сверху из сокровищницы.

Оплетенный многими слоями защиты, как рунической, так и заклинательной, он в своё время был создан именно для того, чтобы вынести из замка Алассов их реликвию — без этого ларца исполнителю не удалось бы вынести артефакт из замка Лунь незаметно, да и фон они с камнем за собой оставляли бы такой, что Алассы примчались бы по нему к Стражу, как королевскому тракту.

Дед бредил этим камнем. Этой защитой. Гениальный рунолог и неплохой артефактор, он был уверен, что заполучив артефакта замка Лунь, он сумеет превратить его в артефакт замка Страж.

Что ж, старик ошибся.

Пришло время исправить его ошибки.

Я осторожно вложил круглый камень в бархатное гнездо, и закрыл ларец.

Дождаться, пока его величество примет решение об аудиенции, я буду во дворце.

— Доброе утро, ваше величество. Надеюсь, моя просьба не вызвала затруднений и показалась вашему величеству излишне дерзкой, но обстоятельства сложились так, что дело не терпит отлагательств...

— Вейлерон, не дури! — рыкнул Астей, стоящий за широким столом красного дерева, оборвав моё вежливое, но бессмысленное приветствие.

Герцог Аласский стоял рядом, хмурый и собранный.

Мы с ним столкнулись у дверей малого королевского кабинета, куда меня сопровождал один из секретарей его величества, всего лишь через час ожидания. Но успели лишь обменяться приветствиями, и обоих пригласили в кабинет.

— У меня для вас пятнадцать минут на обоих между казначеем и кабинетом министров, поэтому избавь меня хоть ты от своих кривляний! — раздраженно продолжал его величество, поправляя неудачно повязанный платок, и скомандовал, — Вольтур, начинай ты! Что у тебя за срочность?

Моя несвоевременная любезность лишила меня права первого хода, но я не расстроился: пусть дорогой Аласс первым скажет, для чего ему

так внезапно понадобилась встреча с его величеством, и почему он столь недоволен, что я тоже на ней присутствую.

Я прижал локтем ларец, удобнее удерживая свою ношу.

Хотя я, в целом, догадываюсь.

— Сегодня реликвия нашего рода, камень замка Лунь, покинул пределы Предгорий. Это почувствовали сторожевые сети, контролируемые магами рода Аласс. Артефакт, похищенный еще при вашем батюшке, ваше величество, играл ключевую роль в обороноспособности замка, и в преддверии грядущих событий его возвращение становится первоочередной задачей. Я прошу у вашего величества разрешения для проведения полномасштабной операции по розыску нашей реликвии, — с каменным лицом доложил сюзерену герцога Аласский.

И хотя он ни разу не позволил себе ни одного взгляда в мою сторону, я всей шкурой чувствовал бушующие в нем эмоции, и что направлены они на меня.

— Я позволил себе собрать всю информацию по артефакту, его исчезновению и розыскам, ваше величество, — почтительно склонив голову, Аласс протянул Астею Пятому солидную кожаную папку.

Я мысленно восхитился — надо же! Камень не более часа, как пересек границу предгорий, а родственничек уже успел материалы подобрать, сводку сделать и в достойный монаршьего внимания вид оформить!

Король просматривал документы быстро, окидывая беглым взглядом и перелистывая, но, не сомневаюсь, успевая ухватить всё нужное — и поди разбери, то ли это магия, то ли опыт.

— Хорошо, — веско обронил он, ознакомившись с содержимым папки. — Я одобряю ваш план действий. Надеюсь, он принесет результаты.

И перевел взгляд с Аласса на меня.

— Слушаю тебя, Алиссандр. Полагаю, раз ты просил о совместной аудиенции для тебя и герцога Аласского, речь пойдёт о вопросах совместной подготовки к Великой Волне?

— Не совсем, — светским тоном отозвался я.

Ларец стукнул о полировку королевского рабочего стола, когда я поставил его рядом с тестем.

Аласский подобрался, глаза настороженно сузились — но этим и

исчерпалась вся его реакция.

— Берите, берите, тэйр Вольтур, — подбодрил я его. — Это вам.

И с трудом удержался, чтобы не добавить “Ваша шпионка с оказией передала”.

Вопросительный взгляд Аласского на короля, королевский заинтересованно-поощряющий — тестю, неодобрительный — мне. “Я же просил без кривляний и по делу!”

Я предпочел “не понять”.

Герцог Аласский протянул руки к хранилищу, откинул крышку — и я забеспокоился, не прихватило бы у старого хрыча сердце.

Все-таки Нисайем он отец, девочка наверняка расстроится...

— То есть, Вейлероны признают, что похитили у нас камень замка Лунь? — хищно ощерился он.

А может, не так уж сильно и расстроится...

Я отмахнулся от этой мысли — всё равно вряд ли тестюшка меня в ближайшее время так порадует — и скучающим тоном уточнил:

— То есть, Алассы признают, что подсунули мне в жены ведьму?

— Что?! — нахмурился его величество. — Алиссандр, ты говори — да не заговаривайся!

Все же, Астей Пятый вполне искренне благоволил моей девочке — иначе не разозлился бы сейчас так.

А вот Вольтур Аласс молчал, только взглядом в меня впился так, будто пытался содрать с меня скальп, вскрыть череп и увидеть, что происходит у меня в голове.

А то и попросту прикидывал — а не удастся ли меня быстро и аккуратно зачистить, прямо здесь и сейчас?

Не удастся, дорогой тесть, не надейтесь.

Его величество перевел взгляд с меня на старого друга. Кое-что понял: ноздри его хищно дрогнули, и взгляд заледенел. И снова посмотрел на меня.

Я кивнул, и продолжил:

— Нисайем Вейлерон, в девичестве Аласс — действительно ведьма по рождению. С её слов, ведьмовской дар достался ей вследствие проклятия, легшего на её отца. Так ли это, либо изъян закрался в род герцогов Аласских, я не знаю. Но Вейлероны не могут позволить себе роскоши ввести в род кровь, которая обрушит наше положение и уничтожит социальный статус. А я лично не могу

позволить, чтобы мои дети жили, как моя жена — в постоянном страхе разоблачения, и в ожидании, что в любой момент вся жизнь пойдёт прахом. Поэтому либо отношение к ведьмам в целом и их статус парий в частности будут переломлены, либо я отрекусь от титула в пользу брата, выйду из рода и мы с супругой покинем королевство Карлион.

В этом месте я мстительно позволил себе паузу, и лишь затем закончил мысль:

— Безусловно, эти действия я буду мной предприняты после отражения Великой Волны, — незачем злить короля сильнее меры, и провоцировать его признать меня дезертиром. Но и уступать в принципиальных моментах я был не намерен, — Но в любом случае — до рождения нашего с тэей Нисайем первенца.

Аласский скрипнул челюстями.

Его величество стоявший на ногах всё время аудиенции, задумчиво опустил в кресло.

— Полагаю, — медленно проговорил Астей Пятый, — В данной ситуации можно подумать о процедуре развода супругов.

— Я подумал, — равнодушно отозвался я на это щедрое (действительно щедрое) предложение. — Неприемлемо.

— Поясни.

— Я не готов доверить свою жену тэйру Вольтуру Алассу, — всё с тем же равнодушием ответил я его величеству.

Взорваться тестю не позволил жесткий голос монарха:

— Тихо! Потом померяетесь... А ты, дорогой друг, еще и объяснишь мне, почему я не знал об этой маленьком досадном изъяне тэи Нисайем!

— Я защищал свою дочь! — огрызнулся Аласс. — И я сделал всё, чтобы избежать этого брака!

— Твою дочь, — вперившись в проштрафившегося подданного тяжелым взглядом, обронил Астей, — Защищает вот он. А ты...

Его величество проглотил всё то, что хотел сказать сейчас старому другу, продолжая изничтожать его взглядом.

Герцог Аласский королевское неудовольствие выдержал: не впервой, чай.

— Ладно, — с усилием беря себя в руки, вернулся к конструктивному настрою и Астей, и обратился ко мне, демонстративно игнорируя Вольтура. — Что ты предлагаешь?

— Во-первых, официально признать, что ведьмовство — не порок. И больше не может являться основанием для лишения титула либо прав наследования, — взгляд, которым я смерил тестя был ничуть не легче королевского, а то и тяжелее.

Нисайем, святая простота, осознав, что я не собираюсь, поливая проклятиями, вышвыривать её на улицу как паршивого щенка за её дар, от великого облегчения выболтала мне всё, что смогла, в том числе и такие вот “мелочи”.

Моё “во-первых” его величеству не слишком понравилось — законодательная инициатива и впрямь выглядела так себе.

Но для меня не имело смысла соглашаться на меньшее. Проще уж сразу взять жену в охапку да и отбыть куда подальше.

— Во-вторых, объявить о вкладе, который уже был внесен ведьмами в оборону Карлиона - никому не нужно объяснять, что было бы с королевством, пади Страж и Лунь разом. Великая Волна...

Астeya и Вольтура передернуло разом. Им и впрямь не нужно было это объяснять.

— Так же, для меня очевиден вклад ведьм не только в оборону от инородцев. Ваше величество не хуже меня понимает, что из всей истории с демонами торчат уши Фолиберга. Но не имея на руках доказательств, говорить об этом вслух рано. Поэтому «в-третьих» пока что отложим.

— Это всё? — задумчиво уточнил король.

— Да, ваше Величество.

— Не густо.

— Вот что, — объявил он после краткого раздумья. — У меня кабинет министров ждёт своего короля, поэтому на этом пока закруглимся.

— Ты, — монарх жёстко поймал мой взгляд. — Не пори горячку. Мы займёмся решением вопроса.

— Ты, — стальной взгляд пал на герцога Аласского. — Вот ты, дорогой друг, и займешься..

Аласс стиснул зубы, затрепетал ноздрями...

— Ну-ну! — едко успокоил его Астей. — Во-первых, Вейлерону сейчас совершенно не до того — накануне Волны не хватало ещё командующего и на это отвлекать. Во-вторых, он не вытянет, — его величество чуть ощутимо усмехнулся. — Вейлерон у нас абсолютно под

другое заточен. А в-третьих — я так решил. Раз уж заварил эту кашу — расхлебывай.

— Да, ваше величество, — скрипнул зубами старый интриган.

— Свободны, — подвёл итог аудиенции монарх.

С чувством глубокого морального удовлетворения, совершил предписанный этикетом поклон, и покинул кабинет его величества. Проблема, которую я решать не могу и не умею, успешно переложена на тех, кто на решении таких вопросов специализируется.

Вольтур, покрепче зажав подмышкой ларец с родовым сокровищем, сделал то же самое.

После выхода из приёмной мы с тестем расстались, не обменявшись ни словом: он спешил вернуть на место камень Лунь, а меня ждала ещё одна битва.

Экипаж черно-зелёных цветов терпеливо дожидался своего хозяина у выхода из дворца.

— В особняк особняк герцогов Вейлеронских, — скомандовал я кучеру.

Разговор с семьёй обещал быть не менее сложным, чем с его величеством.

Младший братец Эдриан бушевал: он уже сообщил мне, что я недостойн своих предков, вменил в вину крах всего, что было достигнуто многими поколениями герцогов Вейлеронских, попытался припугнуть королевским гневом, и теперь просто пытался донести до моего сведения своё мнение о моих умственных способностях (крайне скудных).

— Не скрою, мне порой хотелось получить твоё место и стать герцогом, но не такой же ценой! — братец, которому моё решение грозило обернуться рухнувшей карьерой в казначействе и отказом от привычной столичной жизни, не стеснялся в выражениях, впрочем, благоразумно при этом не затрагивая Нисайем.

Но брат поорёт, и смирится. Меня же больше беспокоила матушка.

На ее светлость вдовствующую герцогиню было страшно смотреть: бледная, как полотно, она смотрела на меня с суеверным ужасом, и не могла сказать ни слова И её молчание давило на мою совесть тяжелее обвинений Эдриана.

.В какой-то момент я испугался, не следовало ли мне заранее

пригласить в особняк целителя Греберта — в конце концов, матушка уже не так молода, а такие вести и более крепкому сердцу стали бы испытанием...

Но когда она подняла на меня глаза, взгляда я не отвёл, и в этот долгий разговор без слов постарался вложить всё: свою решимость. Готовность идти до конца. Уверенность в своей правоте.

И матушка, устало опустив веки, бессильно прошелестела:

— Я... свяжусь с её светлостью Эмелиссой. Полагаю, нам с ней стоит согласовать действия...

* * *

Чай лился в белоснежный фарфор — безупречной струйкой безупречного цвета, и аромат вокруг себя распространял безупречный, фруктовый.

Фруктовые чаи, которым отдавала предпочтение принцесса Рейнара, я любила куда больше цветочных, которые предпочитала моя матушка.

Стол, сервированный к чаепитию, тоже был идеальным: серебро и фарфор, вышивка на скатерти, изысканные дамские сладости...

И светская беседа: её высочество желала знать все подробности истории, за которую меня приставили к Карлионскому Кресту, высшей государственной награде, доселе не вручавшейся женщинам. Теперь принцесса и приближенные к ней дамы с восторгом слушали, как герцогиня Вейлеронская, ведьма, не позволила демону разрушить замок Страж и изгнала его из нашего мира.

Все попытки объяснить, что изгнал его как раз-таки мой муж, с блеском игнорировались: “Ну-ну, милая, мы прекрасно понимаем, что он просто вовремя успел, и теперь, безусловно, вся слава достанется ему — он же мужчина! Но мы-то с вами знаем...”

И: “Ах, дорогая, конечно, общество никогда не позволит женщине оказаться более героичной, чем её муж, но здесь-то все свои, так что не скромничайте — Карлионский Крест просто так не дают!”

И даже: “Ах, ваша светлость, я вам так завидую! Быть ведьмой — это так романтично!”

На последней реплике мы со свекровью, одобрительно кивавшей моим словам, дружно сделали вид, что ее не услышали — так принято в

приличном обществе. Услышав глупость, воспитанный человек не станет акцентировать на ней внимание, а притворится, что не заметил.

Её высочество тоже промолчала, но губы её едва заметно дрогнули — и тут же на лицо принцессы вернулась легкая благосклонная улыбка, стирая несвоевременную иронию.

Матушка же глядела на самую юную из фрейлин принцессы Рейнары, восхищенную романтическим ареолом моего дара, ласково, почти нежно.

В первый момент, когда я узнала, что Лис принял решение обнародовать мой дар, и добиться его признания в обществе, я испытала... ужас.

Да, в глубине души я понимала, что он обязан был сообщить о моем ведьмовстве его величеству и своей семье. Понимала, что, откажись он от титула, от него в любом случае потребовали бы объяснений, и, как минимум, его величеству эти объяснения пришлось бы дать, и уж конечно я понимала, что это решение направлено мне во благо и на пользу нашим с Лисом будущим детям, но...

Боги-боги-боги, страшно-то как!

Я хранила эту тайну всю жизнь, и её разоблачение было самым ужасным моим кошмаром, и теперь, от мысли что все, вообще все узнают, и уж точно осудят, накатывала отчаянная паника, и хотелось убежать и спрятаться.

Но тут как раз в Страж прибыла матушка Рискин, и прятаться ни стало никакой возможности — пришлось спешить навстречу, и обнимать, и радоваться, и устраивать, и бояться я как-то позабыла.

Да и вообще, прятаться от взрослой опытной ведьмы, когда она еще и твоя наставница — занятие зряшное, лучше и не пытаться. Под землей найдёт, и учиться заставит...

Хотя насчёт “под землёй” были у меня кое-какие мысли, и ту комнатку под подвалом, где дед моего мужа хранил камень Лунь, я матушке Рискин благоразумно не показывала, уж больно рьяно она за наше обучение взялась, и я сердцем чуяла — место, где можно пересидеть часок-другой тихо, нам с Нитой ещё пригодится!

А потом доставили корреспонденцию, и адресованное мне королевское письмо, где его величество лично благодарил меня за совершенный подвиг, называл его “героическим поступком во спасение

королевства” и сообщал о будущей награде. И следом за ним — письмом ее высочества, с приглашением на пятичасовой чай. А еще — письмо из дома, от Виторика...

И страх мой вдруг лопнул, как мыльный пузырь.

Да, всё по-прежнему могло окончиться плохо. Да, вероятность того, что нам придется уехать, бросив всё, по-прежнему была. Да, над нами так и висела угроза этой пройдоховой Великой Волны!

Но мне уже не было страшно — я была готова сражаться со всем миром за то, чтобы всё было хорошо, и нам с Лисом не пришлось уезжать!

А Волна... Не первая и не последняя. Переживем.

Алиссандру, который нынче домой являлся лишь к ужину, я с немалым удовольствием сунула под нос письмо от братца Виторика.

“Письмо Виторика Аласса, маркиза Крионского, нашей сестре Нисайем, герцогине Вейлеронской.

Дорогая сестрица, благодарю тебя за совет, в котором ты сказала мне, что без боевой магии моя жена не будет полностью счастлива.

Вчера у нас состоялся первый семейный скандал, по поводу того, что я знал о ваших, драгоценная сестра, магических особенностях, и не предупредил её.

Она выглядела в достаточной мере счастливой, швыряя низкоуровневыми боевыми заклинаниями в вашего брата, компенсируя низкий уровень оных высоким личным магическим потенциалом.

Передайте вашему почтенному супругу, герцогу Вейлеронскому, что ни Беса он ни сильнейший маг поколения.

П.С.: Ваш единокровный брат Ричард, который со вчерашнего дня мне не родственник, ржал, как конь на плацу, и рекомендовал мне пересмотреть взгляды на супружескую верность.

П.П.С.: Наш с вами батюшка, герцог Аласский, был счастлив. По его глубочайшему убеждению, столь одаренная супруга непременно родит мне наследника, который отберет у герцога Вейлеронского его магические лавры”.

И сейчас, на чаепитии у ее высочества принцессы Рейнары я вспоминала, как всё выше и выше ползли брови “нашего почтенного супруга, герцога Вейлеронского” во время чтения, и чувствовала себя абсолютно счастливой. Даже при дворе.

А потому...

— Ваше высочество, позволено ли мне будет забрать у вас мою чудесную супругу? — знакомый голос ворвался в мои глубокомысленные рассуждения, и тут же смешал их. — Его величество непременно хотел бы увидеть ее светлость.

— Да-да, конечно, — улыбнулась углами губ Рейнара. — Тэя Нисайем, благодарю вас за вашу чудесную историю! Надеюсь, вы все же подумаете о службе при дворе. Но даже если нет — я всегда буду рада видеть вас у себя в гостях.

— Это честь для меня, ваше высочество!

Глубокий придворный реверанс — и я наконец-то могу удалиться.

О, нет, принцесса Рейнара — прекраснейшая женщина, и её окружение отнеслось ко мне весьма радушно, но...

Скорее бы пережить аудиенцию у его величества, и сбежать домой, в Страж!

— Подожди... те! — спохватилась я спустя некоторое время. —

Ваша светлость, куда вы меня ведете! Вряд ли его величество собирается принимать нас в дворцовом саду-лабиринте!

Не то чтобы я была очень против — здесь, под защитой, установленной умелыми магами, царило вечное лето, и растения в цвету радовали уставший от долгой зимы глаз изобилием красок, но...

— Ай-яй-яй, Нисайем! — укоризненно покачал головой муж, продолжая вести меня в неизвестном направлении. — Разве можно верить всему, что тебе говорят?

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать сказанное им — и всё это время дражайший супруг меня куда-то тащил.

— Погоди... — неверяще попросила я, пытаюсь притормозить и выдрать запястье из железной хватки. — Ты... Ты что, обманул?!

— Обманул, — покорно сознался муж.

— Принцессу?! — продолжала проникаться всем ужасом его проступка я.

— Принцессу, — подтвердил Вейлерон.

— Лис! Как ты мог!

— А-а-а! Так ты хотела сидеть в компании этого ку... цветника и дальше! — “догадался” Лис.

— Нет, но...

Я не успела озвучить свои возражения, потому что меня обхватили за талию, и... и усадили на качели!

“Возмутительно!” — подумала я, и устроилась поудобнее.

— Куда ты меня привел? — на всякий случай старательно демонстрируя возмущение, поинтересовалась я у этого бессовестнейшего из мужчин.

— На детскую площадку, — хладнокровно ответил мне лучший из мужей.

— Детская площадка — для детей! — по буквам попыталась я донести до драгоценного.

— Да, но сейчас-то здесь никого нет!

Некоторое время я сверлила это чудовище негодующим взглядом, а потом не выдержала:

— Ну же! Ты собираешься меня качать?!

Лис, рассмеявшись, нагнулся ко мне и крепко поцеловал, а потом легонько толкнул качели, заставив меня вцепиться в увитые нарядными лентами веревки.

Мой муж считал меня ребенком, и не очень-то это от меня скрывал.

А я пока скрывала, что скоро ему эти тренировки пригодятся.

Не вовремя, конечно: Великая Волна на носу, да и образ ведьм в глазах общества еще менять и менять, но...

Вот вернемся домой — и вечером я ему всё-всё скажу!

Эпилог

Так вышло, что в этот вечер в родовом замке Вейлеронов внезапно объявились гости — да еще какие! Его величество здесь в гости не ожидали, да еще так запросто, без предупреждения, сопровождения и церемоний.

Но так уж вышло! Герцог Вейлеронский, блюдя традиции, осчастливил доброй вестью отца своей супруги, а тот от великой радости не утерпел, и поделился со старым другом — и вот, итог.

И уж подавно, никто не ожидал, что Астей Пятый пожелает быть названным отцом будущему первенцу четы Вейлерон.

— Старый Теодор Вейлерон сейчас наверняка в гробу что то веретено вертится! — доверительно сообщил Вольтур Аласс Астею Пятому, удобно устроившись в кресле на галерее, и делая глоток виски из широкого бокала. — Он меня ненавидел до трясучки, а теперь я сижу в его библиотеке и пью его виски...

Уютное место, кстати: книжный стол, пара кресел, молочный шар

магической лампы на столе, и собранные аккуратными стопками книги. Обжитое.

Хозяин замка давно отклонялся — его ждала молодая жена и занятие поинтереснее банальной пьянки, пусть и с его королевским величеством, а вот старшее поколение обосновалось в тихом местечке надолго.

Его величество в ответ на реплику отсалютовал старинному приятелю собственным бокалом:

— Знали бы вы, как вы мне надоели с этой вашей великой враждой! — с чувством пробормотал он, и не разозлился на ответный смешок Аласса, а только досадливо поморщился. — Вот скажи, чего ты к нему продолжаешь цепляться?

Аласс усмехнулся:

— Да теперь уж больше по привычке, и так... Чтоб не расслаблялся. Но ведь каков нахал, а? Свою жену он мне не доверит, вы посмотрите!

— Давай будем честны, — проникновенно глядя в глаза собеседнику, отозвался монарх, — Я бы тебе тоже свою жену не доверил!

Под дружное жеребьячье ржание бокалы звякнули друг о друга, и опустели, а затем снова наполнились недрогнувшей рукой.

— Но я, если уж на чистоту, не ждал, что твоя дочка взнуздает Вейлеронского так, что он ради нее и против меня пойдёт... Это ж надо — заставить меня признать ведьм, — его величество неверяще покачал головой и еще раз подчеркнул голосом, — Ведьм! Полноправными членами общества! Потребовать их права законодательно закрепить!

Аласский слушал этот негодующий спич с ухмылкой, но сюзерена всё же не преминул утешить:

— Ну ведьмы, ну и что! Зато, ваше величество, у вас есть Меч Предгорий! А мог бы быть где-нибудь у соседей!

— Поправка! — пыхнул раздражением Астей. — Меч Предгорий есть у тэи Нисайем!

Приятели сдвинули рюмки, и выпили до дна, под бормотание его величества “Нет, ну кто мог подумать, что Вейлерон окажется таким подкаблучником!”.

Под хохоток Аласского — он-то своей дочерью был доволен полностью! — наполнили снова, и вернулись к разговору.

— Но жаловаться грех, все вышло по справедливости, — признал-таки Астей. — Вейлерону Лужки, тебе артефакт...

— “По справедливости”?! — взвился Аласс. — У нас отобрали то, что нам принадлежала — а вернули то, что у нас же и украли! Хороша справедливость!

— А-а-а! — назидательно поднял палец вверх его величество, — Какая есть! А не будь самым хитро... хитроумным, не ври своему королю! Будем!

Аласс скривился — но проглотил королевскую справедливость, запив ее виски.

— Но, вообще, — озвучил его величество давнюю мысль, — Решение-то он предложил очень неплохое! Если привлечь ведьм к отражению Великой Волны, то им потом можно будет обоснованно даровать некоторые привилегии, уравнивая в правах с магами... Маги-то нынче не рвутся в Предгорья, все больше предпочитают служить Отечеству поближе к столице... А ведьмы...

Звучный шлепок темной тушки о стол не дал Астею закончить мысль.

— О! Ты кто такой? — изумился его величество. — Ты откуда взялся?

Король с интересом изучал красноглазого зверька с забавной кошачьей башкой, нетопыринными крыльями и чешуйчатый змеиным хвостом.

Зверь в ответ настороженно таращился на человека — но когда тот протянул к нему руку, шарахнулся в сторону... Чтобы врезаться в живот Вольтуру Аласскому.

— Тише-тише, приятель! — успокаивающе забормотал герцог, и подставил колени, и протянул ладонь...

А зверь, сперва панически метавшийся, принялся к ладони — и затих, прижавшись к коленям его светлости.

— Ну надо же, как быстро обжилась, — пробормотал Аласский с выражением, подозрительно напоминающим нежность.

— Кто? — с интересом поглядывая на инородца — а это без сомнений был инородец, полюбопытствовал монарх.

— Моя... То есть, Ри, — смутился Вольтур, и сам себя поправил, — Рискин Дроут. Она любит таких (кого?). Уже и здесь прикормила...

И, спохватившись, пояснил:

— Ведьма, которая учит Нисайем.

— Да-да, я помню, — насмешливо поддакнул Астей. — Твоя ведьма, которая прожила в замке Лунь почитай два десятка лет, чтобы помогать тебе морочить головы окружающим, выдавая твою дочь за обычного человека!

Аласский виртуозно сделал вид, что подначки в этой фразе не услышал, и вообще, он шорку под горлышком чешет, нечего отвлекать его всякими глупостями!

Шорк млел, вытягивал шею, жмурил глаза, и всячески получал удовольствие от жизни.

Поправлять Аласского, и объяснять, что у него на коленях он остался единственно потому, что от этого из двух чужаков по крайней мере пахнет хозяйкой, он, естественно, не планировал.

— Так вот, — продолжил его величество прерванный разговор. — Маги на передовую не рвутся. А вот ведьмы, ради лучшей жизни если не для себя, так хотя бы для своих детей, могут и согласиться!

— Могут, — легко отозвался Аласский. — С ведьмами, на самом деле, не так уж и сложно. Главное, вовремя развернуть их в сторону врага!

Потом подумал (не прекращая почесывать шелковистую шерстку под челюстью шорка), и добавил:

— И расставить на расстоянии друг от друга. И чтоб враг не подкачал, и появился вовремя!

— Не сложно, да, — иронично согласился Астей, и, одним глотком допив алкоголь из своего бокала, заключил, — Вот ты и займешься, раз ты у нас такой специалист по ведьмам. Вейлерон возьмет на себя Великую Волну, а я, тем временем, объясню моему дорогому другу в Фолиберге, что вступать в сговор с шаманами инородцев, призывать демонов и пытаться натравить Великую Волну на земли соседа в отместку за поражение в войне — это плохо. Маги как раз и доказательства собрали, что это работа дорогого соседа. Нет, план был неплох — “не можешь предотвратить — возглавь”, не можешь остановить вторжение — стряхни его на соседские земли... Без защиты пограничных замков Волна захлестнула бы Карлион с головой и оставила бы его опустошенным. Инородцам — добыча и кровь, Фолибергу — обескровленные земли. Слава богам, у них не вышло... вот за это я и представил твою дочь и твою любовницу к награде. И

ребенка её под свою руку приму. чтоб ни одна тварь вякнуть не посмела. И ведьм легализую!

Его величество помрачнел, потянулся долить виски в бокал, но передумал, и отставил его в сторону:

— Я, пожалуй, спать пойду...

И пошел — оставив Вольтура Аласского разрываться между противоречивыми желаниями, от души восхититься и от души же обматерить хитромудрого правителя.

Шорк в библиотеке тоже задерживаться не стал: всё что надо, он подслушал, и при случае непременно передаст хозяину или хозяйке, ничего важного он больше точно не услышит, так что, пора и честь знать.

Когда инородец сгинул, растворившись в воздухе прямо на коленях у его светлости, Аласский только хмыкнул, но остался сидеть в кресле: ему, несомненно, уже приготовили подобающие его статусу покои, но идти никуда не хотелось.

Хотелось сидеть здесь, откинувшись на спинку кресла, прикрыв глаза, наблюдать пляски розовых бликов сквозь веки — и ждать.

Чтобы дождаться.

— Ну и чего ты здесь застрял? — недовольно поинтересовалась Ри.

— Тебя жду, — честно признался Вольтур, сгребая женщину за талию и устраивая у себя на коленях.

— Меня он ждет, вы посмотрите! — едкий сарказм в женском голосе не предвещал ничего хорошего, но Аласский и не подумал пугаться: глаз не открыл и объятий не разжал.

— Ты зачем про то, что девочка непраздна разболтал, а? — сурово спросила ведьма, хозяйским жестом ухватив его светлость за волосы на затылке и оттянув герцогскую голову так, чтобы удобно было смотреть ему в лицо.

Вольтур удрученно вздохнул и покаянно признался:

— Так вышло, Ри. Ты же знаешь, Астеля сын с невесткой всё никак не осчастливят — ну и не утерпел, похвастался! Все же, самая младшая из всех детей обещает первого внука подарить, сама понимаешь...

— Внука? Ну-ну... — Рискин Дроут неопределенно хмыкнула, и взъерошила волосы своему давнему покровителю.

— А что? — тут же подобрался он, из ленивого сонного кота

превращаясь в хищного. — Не внука?..

— Понятия не имею!

— Ри?

— Что — “Ри”? Это дело тонкое, не лезь до срока!

— Ри!

— Ты меня знаешь, Аласс!

— Ладно, ладно... Слушай, тут такой черный, лобастый вертелся...

Твой?

— Да что ты! — рассмеялась Рискин. — Он меня терпеть не может. Всё ему кажется, что я его хозяйку драгоценную обижаю и на место её посягаю!

— А ты обижаешь? — улыбнулся герцог.

— Ну а как еще в этих поганках рвение к учебе пробудить? Время-то упущено! — вздохнула Рискин. — Так что обижаю, не без того... Так этот паршивец, ты представляешь, так и норовит в обувь нагадить или сзади напасть и укусить...

— Ри... Придешь ко мне сегодня?

Заглушенное поцелуем молчание, и довольный женский голос:

— Не приду!

— Почему?! — нет, в голосе Аласского не звучало отчаяние. Но близко к тому!

— Не хочу! — ядом матушки Рискин можно было уморить весь Страж, и еще бы на Лунь вполне прилично осталось.

— Стерва!

— Ах, я стерва?!

— Тихо-тихо-тихо! — отработанным движением Аласский перехватил руки бывшей любовницы, не дав нанести своей внешности существенного урона, и торопливо сдал назад, — Не стерва! Приходи, а? Ри-и-и...

Рискин отворачивала лицо, не давая себя целовать, но из рук все же не вырывалась. А потом тихо, спросила:

— Зачем, Вольтур? Вот скажи — зачем? Я не могу оставить девочек. Я буду рядом с ними столько, сколько понадобится — и это уж точно не день и не два, а год-другой. За это время ты заведешь себе... девку, — явно смягчила она просившееся на язык слово, —

Привыкнешь к ней, а меня забудешь. Так зачем мне беречь бывшее, скажи?

— Два года? — в отличии от нее, Аласский явно повеселел. — Я ожидал худшего!

И не дав рихте Дроут снова распустить руки, продолжил:

— Во-первых, никаких девок — и ты сама это знаешь! Я тебе обещал — я слово держу.

— Конечно, — ехидно встряла Рискин. — Я-то тебе тоже кое-что отсушить обещала!

— Вот именно, ты сама всё знаешь, — спокойно согласился Вольтур. — Во-вторых — а если бы был прямой портал? Из Антры в Глэнси? Мы бы эти два года продержались бы как-то, а?

Ведьма смотрела на герцога серьезно и неверяще:

— И что, ты и впрямь построишь портал? А завтра вы с Вейлероном расплюетесь — и он через этот портал введет в твое герцогства войска? — она испытывающе взгляделась в глаза Вольтура, и скривилась, — Не морочь мне голову, Аласский! Ни ради одной бабы ты на такое не пойдешь!

И попыталась выскользнуть из объятий, но герцог её удержал:

— Да есть он уже, этот портал! Лет триста назад, еще до распри из-за Лужков, был уже! Да и потом его не сразу заблокировали... В конце концов, мы соседи. У него мои внуки... Рискин, ну что ты, а? Я не вру тебе...

Он потерся лицом о женское плечо, и глухо продолжил куда-то в него же:

— Не сейчас, конечно — сейчас не до порталов, но после Волны... Ри, не руби с плеча, а? Я, конечно, погорячился, когда ты уходила... Прости дурака? И приходи...

КОНЕЦ